

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Козлова Ирина Александровна

**Институт бюрократии во Франции: теория и практика
становления**

Специальность 23.00.02 - политические институты, процессы и
технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Алексеева Т.А.

Москва - 2015

Оглавление.

Введение.....	3
Глава 1. Становление и развитие теории бюрократии.....	14
1.1. Политический анализ бюрократии. Концепция Мишеля Крозье о становлении и развитии бюрократии во Франции.....	14
1.2. Концепция властных отношений М. Крозье в контексте развития представлений о власти в современной политологии.....	51
Глава 2. Становление и функционирование бюрократии в рамках французской социальной системы.....	83
2.1. Исторический аспект формирования бюрократии и развития властных отношений в рамках становления французского архетипа управления.....	83
2.2. Общество как система: структура и функционирование.....	105
2.3. Мегауровень системы.....	114
2.4. Макроуровень системы.....	132
2.5. Микроуровень системы.....	142
2.6. Возможности преодоления системного кризиса с учётом структуры и динамики "архетипа управления" и психологических игр.....	153
Заключение.....	160
Список литературы.....	162

Введение.

Кризис бюрократической системы, поразивший в настоящее время ряд ведущих европейских стран, является существенной частью "общесистемного кризиса современного политического мира"¹. Выход из этого кризиса могут предложить политические науки, которые, без сомнения, могут генерировать социально значимые и практически приложимые концепции для разрешения подобного рода кризисов в обществе, для чего необходим верный подход.

Важно отметить, что в рамках отечественной политологической парадигмы подобные концепции вырабатывались и предлагались для воплощения. Однако с сожалением необходимо отметить, что, как правило, эти подходы, выработанные экспертами-политологами, остаются без внимания со стороны определённых бюрократических структур. Вот что отмечает доктор философских наук Т. А. Алексеева: "В середине 1990-х годов группа политологов, в которой состояла и я, написали проект проектно-интегративной идеологии. Ее смысл состоял в следующем: необходимо создать некие рамки или точнее некую структуру, в рамках которой постепенно может начаться диалог, со временем могущий привести в том числе и к общественному договору. Но тогда от реализации этого проекта отказались, поскольку он показался слишком сложным, и времени на его реализацию потребовалось бы достаточно много. Сегодня же наш проект становится как никогда актуальным... Власти сегодня необходимо открыться для общества, а общество должно открыться для власти"².

Актуальность темы.

Настоящая работа призвана внести свой вклад в разработку подхода, призванного понять причины системного кризиса французской бюрократии и выработать некоторые возможные варианты исправления сложившейся в современном французском обществе ситуации. Для выработки адекватного подхода представляется важным избегать тенденциозных концепций,

---

¹Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю. "Переходный возраст" современного мира // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия в четырёх томах. Т. 1: Исследования. - М.: "Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН)", 2002. - С. 66-75. С. 66

²Алексеева Т.А. Власти необходимо открыться обществу, а обществу - власти / Т.А. Алексеева // Русский журнал. - 18 марта 2009. - URL: <http://www.russ.ru/pole/Vlasti-neobhodimo-otkryt-sya-obschestvu-a-obschestvu-vlasti>

стремящихся решить противоречивую ситуацию призывом к упразднению самого социального феномена, генерирующего проблемную ситуацию. Однако призывы, к примеру, упразднить саму бюрократическую систему, что утверждалось в ленинской интерпретации марксизма³, и иные подобные предложения на сегодняшний день могут рассматриваться не иначе как лишь в качестве утопических прожектов. Мнения наиболее авторитетных исследователей сходятся в том, что бюрократия существует уже со времён древних обществ (в частности, это утверждает М. Вебер⁴), и на сегодняшний день бюрократия продолжает сохранять свою актуальность, по убеждению Л. фонМизеса, абюрократически методы управления должны существовать при любом правительстве⁵.

Однако при этом важно не переоценивать эффективность существующих моделей бюрократии и не впадать в утопизм иного, веберовского толка, провозглашающего "идеальную модель" бюрократии, функционирующую по раз и навсегда заданным рациональным правилам.

Стараясь избегать тенденциозности и рассматривать проблему с максимально возможной объективностью, нельзя, подобно некоторым представителям классического функционализма, таким как А. Файоль и Л. Урвик, элиминировать феномен личности, нельзя забывать о её роли в системе социальных отношений, необходимо помнить о том, что именно личность, личность как таковая, является тем основным элементом системы, который определяет свойства и функции всей системы в целом. Эту задачу по сохранению личности замечательно выразил А. Турен: "В нашем обществе... существует центральный конфликт, точнее - главный герой, сражающийся за цель глобальной значимости... Станем ли мы Субъектами или дадим разорвать себя - по примеру многих явлений нашей социальной жизни?"⁶.

---

³ Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / Ленин В. И. Полное собрание сочинений. - 5-е изд. - Т. 33. - М.: Издательство политической литературы, 1974. - С. 1-120.

⁴ Weber M. Economy and Society. University of California Press, 1978.

⁵ Мизес, Людвиг фон. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. — М.: Дело, Catallaxy, 1993. — 240 с. С. 19.

⁶ Touraine A. Pourrons-nous vivre ensemble? Egaux et differents. Paris: Fayard, 1997. P. 117.

Актуальность темы определена наличием указанных проблем как в самом обществе, так и разноречивым отношением и отсутствием единой стратегии в отношении их преодоления со стороны политологической мысли. Исследование в настоящей работе именно французской модели бюрократии объясняется прежде всего образцовостью последней в отношении бюрократий, имеющих место в социально-политической жизни других государств, что показывает политическое развитие Европы. Исторически сложилось так, что социально-политические конструкты Франции, в том числе и бюрократическая система, являлись образцом для социально-политической мысли как теоретиков государства, так и политиков-практиков в других государствах Европы, Азии и Африки. Последующие изучения обществоведческими науками бюрократических институтов различных европейских государств так или иначе вынуждены обращаться к французской модели. Даже отсутствие намерения исследователя провести прямые параллели с конструктами французской социально-политической системы тем не менее приводят исследователя к модели системы, действовавшей и действующей во Франции, что замечательно показал социолог Ганс Дальдер (Hans Daalder)⁷. Таким образом, нам представляется целесообразным в своём исследовании опираться на конструкты, являющиеся не опосредованными, но максимально приближенными к генерирующим их факторам.

Актуальность исследования в отношении российской бюрократической модели и общества в целом также можно проследить из, прежде всего, взаимоотношений высшей правящей элиты и иных должностных лиц Российской Федерации и Французской Республики, в том числе, отношений по обмену опытом и по созданию совместных программ в различных сферах деятельности, а также из исследований, посвящённых сравнительному изучению бюрократий в России и во Франции⁸.

---

⁷Daalder H. Centres, bureaucraties et le développement des gouvernements démocratiques stables // Visions sur le développement des États européens. Théories et historiographies de l'État moderne. Actes du colloque de Rome (18-31 mars 1990). Collection de l'École française de Rome, 171. P 71-93.

⁸Борисенок Т. В. Образ чиновничества в России и во Франции во второй половине XIX века. М., 2001. - 228 с.

Степень научной разработанности темы.

В отношении степени разработанности проблемы можно отметить, что спектр концептуальных подходов к становлению и развитию бюрократии достаточно широк. Интерес к бюрократии как феномену, начавший проявляться в Новое время, продолжает развиваться и по сей день. Так, одни из первых исследований (пусть неполных, не могущих претендовать на обстоятельность и зачастую неоформленных) феномена бюрократии принадлежат перу таких теоретиков государства как Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье.

Исследования Гегеля и Маркса достаточно прочно утвердил феномен бюрократии в философском дискурсе и фактически подготовили его к исследованию в рамках научного дискурса. Такие исследователи как А. Токвиль, Дж. С. Милль закладывали научные основы для концептуального развития феномена бюрократии в контексте научной парадигмы, заложив основу и для споров, которые не утихают в отношении бюрократии и по настоящее время (так, первый напрямую связывал бюрократию и общественную власть, в то время как второй, напротив, противопоставлял их). Одним из основоположников теории бюрократии можно назвать М. Вебера, который сделал из бюрократии полноценный объект исследования, и после которого концепции бюрократии стали множиться и сталкиваться, вырабатывая различные, зачастую противоречивые подходы.

А. Файоль, Л. Уайт, Д. Муни, Л. Урвик и другие стремились развить многие подходы Вебера, стремясь создать идеальную, наиболее эффективно функционирующую модель бюрократии. Подобный, склонный к идеализации подход породил волну критиков классической школы, сделавших своей главной задачей выявление и описание дисфункций бюрократии и смещавшие акцент с системы в целом на личность как наиболее важный её элемент и на человеческие отношения как на один из первоочередных факторов, регулирующих функционирование системы. Р. Мертон, Ф. Селзник, А. Гоулднер, П. Блау, Г. Саймон, Э. Мэйо, А. Маслоу, М. Крозье и другие значительно расширили представление о бюрократии, её функциях и дисфункциях, дав существенный

толчок развитию как политологической, так и социологической мысли в отношении данного объекта исследований.

В среде отечественных исследователей, внёсших вклад в развитие теории бюрократии, необходимо выделить прежде всего В. В. Ивановского, который выдвинул развёрнутую концепцию бюрократии, а также А. И. Колчанова, А. В. Бузгалина, Е. А. Блажнова, В. П. Зыза, А. Г. Худоморова, В. Ф. Ломакина. Авторитетными исследователями бюрократии выступали также Ю. А. Левада, Л. Д. Гудков, А. Г. Левинсон, Л. А. Седов. Также необходимо отметить работы М. Н. Афанасьева, А. В. Оболонского, М. А. Чешкова, А. В. Макарина, значительно расширившие горизонты отечественной науки в отношении проблематики бюрократических систем.

Проблемами бюрократии в контексте более широкой проблематики, исходя из понимания включённости бюрократии в государственную, и, в целом, в социально-политическую систему, занимаются известные современные российские политологи. Прежде всего это Т. А. Алексеева, В. М. Сергеев, А. Ю. Мельвиль, М. М. Лебедева и другие.

В настоящем исследовании принимались во внимание различные подходы к исследованию феномена французской бюрократии, однако подход, предложенный Мишелем Крозье, представляется нам одним из наиболее приближенных к тому, чтобы на его основе выработать концепцию, которая могла бы приблизить к поиску конструктивного решения для ослабления остроты бюрократического и в целом социального кризиса.

Сам подход Мишеля Крозье видится нами подходящим субстратом для исследования французской бюрократии исходя из того, что он стремится снять противоречия классической и неклассической школ в изучении бюрократии, одно из основных отличий которых заключается в том, что первая элиминирует человеческий фактор, в то время как последняя стремится учесть его при исследовании бюрократической системы. Крозье стремится рассматривать систему в её целостности - учитывая значимость как функций, так и дисфункций;

стремится исследовать как глобальные структуры в рамках деятельности человека, так и человеческую личность в рамках глобальных структур.

Крозье признаёт, что является наследником различных направлений. Так, защищая один из ключевых тезисов своей концепции - тезис о рациональном расчёте, осуществляющем функционирование бюрократической системы, он отмечает одно, но кардинальное отличие рационализма, который принял на вооружение он, от того рационализма, который господствовал за полвека до него. Он отмечал, что речь идёт об иной, можно сказать, гуманистической форме рационализма, который должен рассматривать акторов, членов организации не как безликие элементы системы, но именно как людей с их сложным комплексом чувств и идей: "исполнители — также чувственные существа..."⁹. В своих работах, таких как "Бюрократический феномен", "Актор и система", "Блокированное общество", "Современное государство — скромное государство", и других, исследователь продолжает синтез различных подходов, однако, не компилируя их, но создавая новый, оригинальный подход к проблемам бюрократии и власти. Концепция Крозье не проработана окончательно для того, чтобы войти в парадигму политологической науки в своём неизменном виде. Многие вопросы лишь намечены, и далеко не все из поставленных проблем рассмотрены и объяснены, что даёт повод некоторым исследователям определить теорию Крозье как «несколько формализованную и метафизически окрашенную концепцию функционирования власти»¹⁰. Поэтому представляется необходимым раскрыть те аспекты концепции Крозье, которые не доработаны, не доведены до логического завершения.

Значительная часть работ по современной социологии обязательно включают в себя концепцию Мишеля Крозье, что можно проследить по многочисленным работам, в частности, по исследованиям П. Ансара¹¹, Н. И. Лапина¹² и других. В настоящее время в отечественной науке растёт интерес к подходу, высказанному Крозье, и появляются работы, в которых рассматриваются

⁹Crozier M. Le Phénomène bureaucratique. Paris, Editions du Seuil, 1971. P. 202.

¹⁰Спиридонова В.И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). - М.: ИФ РАН, 1997. - 202 с. С. 6.

¹¹Ансар П. Современная социология // Социологические исследования. 1996. №9. С. 135-143.

¹²Лапин Н. И. Эмпирическая социология в Западной Европе. - М.: ГУ ВШЭ, 2004. - 383 с.

отдельные аспекты его концепции бюрократии, такие как, например, работа В. Н. Бахмаровой¹³. Среди прочих исследований, посвящённых Крозье, необходимо особо выделить обстоятельную работу В. И. Спиридоновой¹⁴, в которой концепция Крозье подвергнута всестороннему анализу.

Объект исследования.

В качестве объекта исследования мы можем обозначить французскую бюрократическую систему, её структуру, динамику и функционирование.

Предмет исследования.

Предметом исследования являются "архетип управления" и "правила игры" в качестве определяющих факторов функционирования французской бюрократической системы.

Цель исследования.

Целью настоящего исследования является исследование развития бюрократии во Франции с позиции раскрытия влияния на бюрократическую систему "архетипа управления" и "правил игры", взяв за основу концепцию Мишеля Крозье.

Задачи исследования.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач, из которых основополагающими являются следующие:

1) рассмотреть концептуальную основу политического анализа бюрократии и определить место концепции Мишеля Крозье в контексте исследований бюрократии;

2) проанализировать властные отношения как определяющий феномен функционирования бюрократической системы; определить роль "архетипа управления" и "правил игры" в развитии властных отношений и бюрократической системы;

---

¹³Бахмарова В. Н. Феномен управления в социологии Мишеля Крозье: дисс. на соискание степени канд. соц. наук: 22.00.08 / Бахмарова Виктория Николаевна. - СПб, 2012. - 150 с.

¹⁴Спиридонова В.И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). - М.: ИФ РАН, 1997. - 202 с.

3) рассмотреть особенности становления и развития французской бюрократии в контексте формирования "архетипа управления" и "правил игры" в социально-политической системе Франции;

4) раскрыть влияние "архетипа управления" и "правил игры" на функционирование бюрократии в рамках системного подхода;

5) рассмотреть возможности дальнейшего развития бюрократической системы исходя из вероятностей, заложенных "архетипом управления" и "правилами игры".

Основная гипотеза исследования.

Тщательный анализ "архетипа управления" французской бюрократической системы и социального бессознательного в качестве аспекта "правил игры", необходим для наиболее полного понимания функционирования бюрократии в настоящем и развития её в будущем, в частности, для преодоления системного кризиса бюрократии.

Научная новизна исследования.

Научная новизна настоящего исследования видится нами в раскрытии феноменов "архетипа управления" и "правил игры" для понимания функционирования бюрократической системы вообще и во французской бюрократии в частности. При этом учитывается то, что "правила игры", определяющие поведение акторов во властных отношениях внутри бюрократической системы, без сомнения, были исследованы достаточно разносторонне, особенность же настоящей работы состоит в том, что, взяв за основу исследования "правил игры" концепцию Мишеля Крозье, мы рассматриваем указанный феномен с позиции социального бессознательного и психологических игр, зачастую не осознаваемых акторами. Касательно же "архетипа управления" следует отметить, что здесь за основу нами взято понятие, также разработанное французским политологом.

Французский исследователь стремился привести к согласию для достижения единой цели не только различные подходы в политологическом дискурсе, но также наметил пути сближения различных гуманитарных и

обществоведческих дисциплин. Подобные шаги, на наш взгляд, являются продуктивными в эпистемологии любой научной парадигмы, поэтому решение Крозье расширить рамки обычного политологического анализа видится нам как конструктивный подход к решению намеченных проблем, имеющих отношение не только к социологии, но и ряду других наук. Важность междисциплинарного подхода при решении современных задач, которые должна решать наука и вызовов, на которые она должна отвечать, отмечают многие исследователи, заявляя, что именно при междисциплинарном подходе создаётся «новое знание»¹⁵.

Культурологический анализ, проводимый Крозье, значительно расширяет горизонты исследования, давая дополнительные возможности углубить представление об определённых аспектах исследуемой проблемы.

Основные положения, выносимые на защиту:

- влияющие на политические и властные процессы "правила игры" в ряде своих аспектов генерируются бессознательно и на сегодняшний день не являются объектом анализа политических наук в надлежащей степени;

- "правила игры", определяющие политические и властные процессы, равно как и структуру и функционирование бюрократической системы, испытывают влияние со стороны сформировавшегося в процессе развития каждой конкретной культуры определённого "архетипа управления";

- структура "архетипа управления", предложенного политологом Мишелем Крозье для определения французской бюрократической системы и властных отношений, нуждается в корректировке для более адекватного раскрытия предмета исследования;

- существующая структура "архетипа управления" (в настоящем случае - французской бюрократической системы) содержит в себе потенциальные пути преодоления системного кризиса, которые могут быть выявлены при необходимом политологическом и психологическом анализе "архетипа управления" и "правил игры".

---

¹⁵Маркова Л. А. Междисциплинарные исследования в контексте пространственных отношений // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. - М.: ИФ РАН, 2005. - С. 212-223. С. 212.

Теоретическая и методологическая основа диссертационного исследования.

Для достижения поставленной цели мы сочли продуктивным расширить политологический анализ, рассматривая различные аспекты проблемы в рамках междисциплинарности, в частности, прибегая к подходам и методам, используемым в антропологии, психологии, истории.

Касательно методологии исследования, можно отметить, прежде всего, использованный в работе системный анализ, поскольку исследование нацелено на изучение бюрократической и социальной системы. Структурно-функциональный анализ выявляет внутреннюю структуру системы, её свойства, функции и дисфункции, присущие ей. Однако исследуемая система не статична, она динамична, находится в развитии, и для того, чтобы проанализировать все её аспекты, как они сформировались к настоящему времени, нам необходимо было прибегнуть к диахроническому анализу, особенно актуальному при исследовании исторического развития бюрократии во Франции. В работе используется сравнительно-политологический метод, предполагающий сравнение политических институтов, относящихся к одной типовой категории, а также динамических процессов, сопровождающих данные институты в их развитии.

В исследовании задействованы психологические подходы, основывающиеся на транзакционном анализе Э. Берна, психоанализе К. Г. Юнга и других классиков психологии. Применение подобных подходов в рамках намеченной нами междисциплинарности необходимо для выявления сущности взаимоотношений между акторами, составляющих "игру", а также для понимания некоторых составляющих "правил игры", в частности - архетипа управления, полагаемого Мишелем Крозье одним из основополагающих условий функционирования бюрократической системы. Мы полагаем рассмотрение указанной проблемы важной для достижения целей нашего исследования, ввиду отсутствия разработанности данного вопроса со стороны самого Крозье, на что

обращали внимание и его критики: "Если есть игра, то необходимо объяснить, кто или что определяет правила игры", - отмечал А. Кайе¹⁶.

Рассмотренные с позиции социального бессознательного некоторые аспекты "правил игры" дают возможность выявить потенции, заложенные в социальном бессознательном французской нации, что может быть использовано для выработки подходов к преодолению бюрократического и социального кризиса современного общества.

Далее, диахронический метод позволил выявить различные аспекты "параллельной власти", варьирующиеся в зависимости от исторического периода, что позволяет скорректировать представление Крозье о данном виде власти как о продукте современного общества и роль параллельной власти во взаимоотношениях с властью иерархической. В данном вопросе наше исследование выявило, что параллельная, "переговорная" власть не всегда являлась "латентной функцией" бюрократической системы и не всегда способствовала её укреплению, но в определённые периоды являлась особой функцией социальной системы, ограничивающей власть иерархическую и способствуя диалектическому развитию системы в целом. Мы полагаем, что возвращение к сбалансированным отношениям власти иерархической, официальной и власти параллельной, переговорной будет способствовать как конструктивному функционированию бюрократии, так и развитию социальной системы французского общества, каковая модель сможет стать образцом для общественно-политических систем других государств, как уже происходило в отношениях Франции и Европы.

---

¹⁶Caillé A. La sociologie de l'intérêt est-elle intéressante? // Sociologie du Travail. № 4. Paris, 1981. P. 267.

Глава 1. Становление и развитие теории бюрократии.

1.1. Политический анализ бюрократии. Концепция Мишеля Крозье о становлении и развитии бюрократии во Франции.

Определение феномена бюрократии, его генезиса, степени интегрированности в общественные структуры и особенности взаимосвязи с другими структурами социума является необходимым для раскрытия практически любой проблемы, связанной с жизнедеятельностью общества. Стоит особо отметить, что вопрос генезиса бюрократии, которому зачастую уделяется недостаточно внимания, очень важен для понимания сути явления. В истории политологической мысли мы можем наблюдать подход, согласно которому сам феномен бюрократии возник сравнительно недавно - создаётся ощущение, что исследователи явно склонны смешивать само явление и время, когда к этому явлению был проявлен научный интерес.

Вместе с тем, Новое время, которое стало началом изучения феномена бюрократии, наложило на все исследования данного феномена печать, характерную для науки того периода - печать крайнего рационализма. В духе эпохи бюрократию принялись толковать как воплощение рационалистического расчёта, исходя из чего исследование функций, взаимосвязей с другими институтами, внутренняя структура и т.д. стали рассматриваться как нечто, что непременно должно быть объяснено с рациональных позиций.

Интерес, который начало проявлять к бюрократии Новое время, вполне объясним и закономерен: этой проблемой начали заниматься во время формирования абсолютистских государств, и это стали делать люди, для которых теория государств и обществ являлась первоочередной в их исследованиях. Так, одни из первых исследований (пусть неполных и зачастую неоформленных) феномена бюрократии принадлежат перу таких теоретиков государства как Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье. Так, в частности, последний, как, впрочем, некоторые другие, в своём трактате "О духе

законов"¹⁷ приводил тезисы в оправдание существования "промежуточных властей", являющихся, по мнению К. Шмитта¹⁸, бюрократическими институтами.

Однако, несмотря на то, что исследование феномена уже велось, самого устоявшегося термина, обозначающего исследуемый феномен, не появилось до середины 40-х годов XVIII века, когда термин Винсента де Гурнея "бюрократия" прижился, впрочем, следует признать, что с того времени начались затруднения обратного характера - устоявшимся термином стали именовать феномены, различающиеся между собой, и до сегодняшнего времени научный дискурс не располагает единым представлением о том, что нужно вкладывать в понятие "бюрократия". Сам де Гурней употреблял это понятие в применении к определённому способу осуществления власти государством, когда последнее прибегало к созданию штата оплачиваемых гражданских служащих. В XIX веке термин "бюрократия", употребляясь для обозначения профессионального чиновничества, противопоставлялась выборной, представительной форме правления¹⁹. И хотя в различных странах до сегодняшнего дня могут употребляться иные обозначения исследуемого феномена ("служащие короны" в Великобритании или "fonctionnaire" во Франции), термин "бюрократия" прижился в научной среде, и по сегодняшний день идёт выяснение смысла этого понятия.

Развитие феномена "бюрократии", неотделимое от понятия "власти" (являющегося составной его частью), можно проследить по трудам исследователей, в первую очередь, политологов, которые в своих работах дают наиболее полный обзор политических теорий, включающих в себя представление о власти вообще и о бюрократии в частности. Одним из таких исследований является работа доктора философских наук Татьяны Александровны Алексеевой "Современные политические теории. Опыт Запада" - труд, охватывающий период развития политических теорий от классического

---

¹⁷ Montesquieu. Spirit of the Laws. Eds. Anne M. Cohler, Basia Carolyn Miller, and Harold Samuel Stone. Cambridge Texts in the History of Political Thought. Cambridge: CambridgeUP, 1989.

¹⁸ Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. - СПб.: Наука, 2005. - 326 с.

¹⁹ Оболонский А.В. Бюрократия и бюрократизм // Государство и право, 2004. № 12. С. 88.

периода до радикального постмодернизма²⁰. В настоящей работе, будучи ограничены рамками поставленных целей и задач, мы разберём лишь некоторые вехи политического анализа бюрократии.

Как правило, исследователи достаточно чётко прописывают понятие "бюрократия", опираясь на ту или иную традицию. Так, тот или иной исследователь может достаточно убеждённо утверждать, что термин бюрократия "используется для обозначения не только определённой социальной группы, но и системы организаций, создаваемых органами публичной власти с целью максимизации своих функций...., а также учреждения и ведомства, включённые в разветвлённую структуру исполнительной власти"²¹. Однако и до сегодняшнего дня единое определение бюрократии так и не выработано, и исследователи, прежде чем употреблять этот термин, обычно оговариваются, в каком именно значении они его понимают. Ведь необходимо учитывать и тот факт, что в научный дискурс данное понятие вошло достаточно поздно.

На сегодняшний день насчитывается достаточно длинный перечень смысловых значений понятия "бюрократия". Так, переработанный американским исследователем Ф. Риггсом список, составленный английским исследователем М. Элброу, можно, с незначительными изменениями, представить в следующем виде:

- прежде всего бюрократия - это элементы бюрократической системы, то есть, должностные лица, чиновники;
- далее, это - сама бюрократическая система, структурированная в соответствии со своими внутренними правилами, элементами которой являются должностные лица, бюрократы;
- форма правления, политическая система, государство, власть в которой принадлежит должностным лицам, бюрократам;
- должностные лица как правящая элита, как прослойка, осуществляющая правление государством;

---

²⁰Алексеева Т. А. Современные политические теории. - М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2000. - 479 с.

²¹Пушкарёва Г. В. Государственная бюрократия как объект исследования // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 77-86. С. 77.

- бюрократизм как организационная и этическая система, форма организации и даже образ жизни - коннотация, подразумевающая негативную окраску;

- бюрократизм с положительной коннотацией, подразумевающий высокую эффективность управления и организации, рациональный расчёт в которой должен обеспечить максимум развития системы;

- бюрократия в смысле администрирования, управления, которое осуществляется должностными лицами, чиновниками;

- идеальный тип, выделенный в особое смысловое значение, сформулированное, в основном, под влиянием теорий бюрократии Макса Вебера и представителей "классической школы";

- бюрократия как общество с сильно выраженным элементом иерархической организации, жёсткой структурой и т.д.²².

Впрочем, прежде чем понятие "бюрократия" обогатилось столь широким спектром смысловых значений, исследовательской мысли пришлось проделать немалый путь.

Несмотря на довольно длинный ряд имён исследователей Нового времени, которые уделяли внимание феномену бюрократии, всё же основу изучения её заложил Гегель. Последний продолжал разработку теории бюрократии в рамках того дискурса, который был характерен для той эпохи - бюрократия представлялась необходимой структурой централизованного государства, структурирующего хаос социальных групп. Гегель вписывал бюрократию в структуру общества таким образом, что она становилась необходимым институтом, одним из основных общественных прослоек - вместе с прослойками промышленников и аграриев²³. И, снова же в духе эпохи, Гегель считает исследуемый феномен творением духа рациональности и прогресса. Поэтому, полагал он, бюрократия должна быть просвещённой прослойкой, поскольку образование - исходя из постулата о рациональном начале бюрократии -

---

²²Орехов А.М. Бюрократия: от традиционного общества к информационному // Социально-политический журнал. 2003. - № 6. - С. 110.

²³Гегель Г.В. Философия права. - М.: Новый свет, 1990. - 260 с. С. 196.

составляет необходимое условие для формирования настоящих служащих. Фактически, подобные теории Нового времени восходили к представлению Платона об управленцах-философах. Хотя по вопросу о том, что зафундаментальная философская основа должна была являться основой этих новых управленцев, Гегель не оставил каких-либо основательных комментариев. Неоснованная идеализация бюрократической прослойки не смогла укрыться от критиков Гегеля. Так, К. Маркс отмечал, что Гегель не дошёл до конца в понимании феномена бюрократии, подпав под то «представление, которое сама бюрократия имеет о своём бытии»²⁴.

В том же ряду исследователей, полагавших бюрократию цементирующей прослойкой, необходимой во всех сферах общественной жизни, можно упомянуть А. Токвиля, который напрямую связывал бюрократию и общественную власть²⁵. Однако некоторые исследователи не только не связывали бюрократию с общественной властью, но, напротив противопоставляли их - так, Дж. Ст. Милль полагал, что власть общества в лице представительных институтов и бюрократия являются прямо противоположными явлениями социально-политической жизни²⁶. Вне зависимости от соотношений бюрократии и общественной власти - признавали ли исследователи их взаимосвязь или противопоставляли их, для данных теорий характерно определение бюрократии как особого типа политической системы.

Иной вариант понятия "бюрократия" использовался в теории государственного управления, в которой бюрократия, полагаясь структурой управления государственным сектором, противопоставлялась управлению частного сектора. Для этой теории характерно сближение с воззрениями Гегеля и других в том плане, что бюрократия понималась как необходимая структура в государстве, с помощью которой в общество привносится упорядоченность и контроль. Таким образом, здесь бюрократия также выступает как необходимый элемент развития социальной системы.

²⁴Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е Т. 1. С 268.

²⁵Брудер В. Бюрократия // Полис, 1999. № 5. С. 42.

²⁶Mill J.S. Consideration on Representative Government. Pennsylvania State University, 2004.

URL: <http://www2.hn.psu.edu/faculty/jmanis/jsmill/considerations.pdf>

Подобный взгляд на бюрократию не мог не вызвать критику у марксизма, который, будучи верен общей направленности своей философии, не мог оправдывать существование бюрократии как необходимой структуры для развития общества²⁷. И хотя марксизм, не ставя перед собой изучение бюрократии в качестве особой цели, не выдвинул какой-то цельной самостоятельной гипотезы, он не мог обойти стороной подобный феномен социально-политической жизни²⁸. Впрочем, исходя из понимания места бюрократии в социально-политической системе, марксизм и не мог поставить целью изучение бюрократии, впрочем, это не помешало Марксу представить бюрократию в качестве чего-то вездесущего и всеобъемлющего социального феномена: "Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить"²⁹. И всё же, надо полагать, для Маркса бюрократия не являлась самостоятельным и самодостаточным феноменом, который можно изучать особо, поскольку марксизм рассматривал бюрократию в качестве лишь своего рода посредника между классами - правящим классом, захватившим государственную власть, с одной стороны, и классом угнетённых, с другой. Таким образом, для марксизма бюрократия представлялась лишь орудием, средством, с помощью которого государство в лице господствующего класса навязывает свою волю другим общественным классам. "При абсолютной монархии, во время первой революции, при Наполеоне, бюрократия была лишь средством подготовки классового господства буржуазии. Во время Реставрации, при Луи-Филиппе, при парламентской республике, бюрократия при всём своём стремлении к самовластию была орудием господствующего класса"³⁰.

Значительно больше внимания уделяли бюрократии как некоему самостоятельному феномену другие исследователи. Так, что касается русской исследовательской мысли, то среди наших соотечественников особо можно выделить В. В. Ивановского, который ещё в самом начале XX века сформулировал весьма чёткую концепцию бюрократии. Ивановский

²⁷Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 270.

²⁸Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. С. 162.

²⁹Маркс К. К критике гегелевской философии права. С. 271.

³⁰Там же.

представляет бюрократию как особую структуру профессиональных чиновников, уподобляя её механизму со множеством элементов-винтиков³¹, тем самым элиминируя человечность акторов, придерживаясь подхода, от которого стремится отступить Мишель Крозье.

Отметим особо, что уже в самом начале исследований касательно феномена бюрократии, исследуемая структура уже казалась неким механизмом, чем-то бездушным, и именно эту характерную особенность бюрократии подмечали и развивали многие исследователи в дальнейшем.

Что же касается европейской мысли, то здесь на первый план выходит имя одного из самых известных политологов, Макса Вебера. Вебер уделил феномену бюрократии значительное внимание, однако, вместе с тем, его теория не была кристаллизована, не была сведена в систему. Поэтому в основном те исследования, которые проводил Вебер касательно интересующего нас феномена, необходимо выделять из различных мест его работ, прежде всего - его труда "Хозяйство и общество"³².

Прежде всего, хотелось бы отметить, что Вебер, подобно В. Ивановскому, полагал бюрократию чем-то вроде механизма, бездушной машины. Подобное определение не несло в себе каких-то негативных коннотаций, поскольку рациональное мышление, воплощением которого, как мы уже отмечали выше, многие исследователи полагают бюрократию, полагало аппарат, машину чем-то полезным, символом прогресса и развития. Поэтому Вебер, нисколько не стремясь критиковать бездушность и механистичность бюрократического аппарата, отмечал: "Полностью развитый бюрократический механизм находится в таком же отношении к иным формам организации, как машина - к немеханическим способам производства"³³. Бюрократия, в случае, если она приближена к тем формам, которые определил ей Вебер в качестве образцовых, является идеальной общественной структурой, необходимой социуму как воздух, без которого организм не будет жить. "Чисто бюрократический тип

---

³¹Ивановский В. В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль, 1903. № 8. С. 7.

³²Weber M. Economy and Society. University of California Press, 1978.

³³From Max Weber / Ed. by H. Gerth, C. R. Mills. London, 1948. P. 214.

управленческой организации, - отмечал он, - превосходит любую другую форму по точности, стабильности, дисциплине и надёжности"³⁴. Какие же формы Вебер полагал образцовыми для своей идеальной модели бюрократии? Среди основных можно выделить следующие.

Прежде всего, это эффективность. Механизм, являющийся квинтэссенцией рациональной мысли, не может работать неэффективно. Поэтому бюрократический аппарат, по мысли Вебера, должен служить образцом эффективности, какой только может обладать социальный институт. А для этого необходим такой тип чиновника, который может быть обозначен как "рациональный бюрократ". Что именно отличает этот тип управленца? По сути, в оценке подобного типа Вебер воспроизводит те самые приёмы идеализации, которые впоследствии вызовут критику у исследователей (в том числе – и у Мишеля Крозье), стремящихся «очеловечить» бюрократа как тип, придать ему человеческие черты. "Что же такое идеальный тип рационального бюрократа?" - вопрошает Вебер, и при ответе исключает такие субъективные факторы, как аффектация, интуиция и прочие, совсем не оставляя места ни для малейшей доли волюнтаризма чиновника. Идеальный бюрократ, каким его видит Вебер, это абсолютно бесстрастный аналитик и судья, при принятии решения опирающийся только на голые факты – фиксируемые, либо подтверждаемые какими-либо источниками. Однако, вместе с тем, нельзя говорить о том, что Вебер наделяет своего идеального бюрократа абсолютной объективностью, поскольку эта объективность заканчивается там, где начинаются интересы класса, к которому принадлежит чиновник. «Нужно помнить, что рациональный бюрократ постоянно руководствуется целью (причём эксплицитной, явно сформулированной), стоящей перед его организацией, единственным личным интересом становится успех организации"³⁵. Для наибольшей продуктивности функционирования бюрократического аппарата необходимо, считает Вебер, наличие чёткой специализации назначаемых на должности лиц. Среди

---

³⁴Weber M. Theory of social and economic organization. New York, 1964. P. 337.

³⁵Анурин В. Ф., Садулина А. М. Бюрократия: взгляды "извне" и "изнутри" // Социологические исследования, 2010. № 2. С. 29-38. С. 31.

последних не должно быть дилетантов, но каждое ответственно лицо обязательно должно обладать определённым образованием и квалификацией. Обязательным в этом институте должно быть жёсткое разделение должностных обязанностей. В том случае, если соответствующим образом обученного специалиста ставят на замещение определённой должности, тем самым повышается эффективность работы, кроме того, появляется возможность взыскания за проделанную работу с определённого лица, ответственного за тот или иной сектор. Таким образом, ликвидируется возможная размытость и неясность функций, закреплённых за тем или иным должностным лицом.

Далее логика определяемой исследователем структуры приводит Вебера к необходимости строгого иерархического построения бюрократического аппарата. Поскольку, как уже было отмечено выше, существует необходимость контроля за деятельностью ответственных лиц, так же существует необходимость существования тех, кто будет этот самый контроль осуществлять. Осуществляющие контроль над ответственными лицами, в свою очередь, несут ответственность как за работу подчинённых, так и за свою. Таким образом, с повышением иерархической ступени в бюрократическом аппарате возрастает степень ответственности должностных лиц, но также возрастают и их полномочия, возрастает их власть. Однако Вебер оговаривает особо, что превышение полномочий недопустимо для должностного лица, следовательно, пользование властью допускается только лишь для исполнения своих непосредственных обязанностей. Для предотвращения же промахов вышестоящие лица могут и даже должны давать предварительные инструкции и указания подчинённым, последние же должны подчиняться им и спускать эти распоряжения руководства дальше, ниже по иерархической лестнице в том случае, если эти предписания предназначаются не только им лично, но затрагивают и нижние ступени структуры. Подобная иерархичность в связи с чётко определёнными функциями каждого должностного лица делает структуру заранее предсказуемой, и Вебер определяет подобную "предсказуемость" как

однозначно положительный фактор, как одно из преимуществ бюрократического аппарата.

Предсказуемости и ещё большей эффективности бюрократии способствует также и тот факт, что каждое должностное лицо пользуется определёнными предписаниями, правилами, специально разработанными для данной структуры. Эти теоретические положения предназначены для руководства ими в каждом частном случае, что способствует безотказной работе системы. Данный принцип ещё более уподобляет бюрократию машине, своего рода конвейеру, с которого сходят однотипные, отлитые по определённой форме, решения разнородных задач. По одному шаблону решаются множество вопросов, лишённых индивидуальности и особенных черт, что свойственно для любого явления социальной жизни общества, какой бы сферы - социальной, политической, экономической или духовной - оно бы ни касалось. Однако для Вебера это не минус, подобный фактор он рассматривает как выгодное свойство бюрократического аппарата, высокая продуктивность которого возводится в идеал.

Идеал же самого должностного лица видится Вебером в подобном же духе - лишённый аффектации, собственного мнения, как и вообще собственной индивидуальности, должностное лицо уподобляется человеку-машине, что вполне в духе той традиции, что была заложена ещё Просвещением с его утверждением де Ламетри, будто человек - это самозаводящийся механизм. Уподобиться этому механизму чиновник должен более, нежели любой другой человек, поскольку он является лишь винтиком машины и не имеет права на сбой. Вебер, предполагая негативное отношение обывателей, которым пришлось в силу обстоятельств обращаться в те или иные бюрократические инстанции, спешит отметить, что подобное отсутствие аффектации и лично заинтересованности чиновника не является чем-то негативным, но, напротив, этот факт лишь на руку обывателям. Беспристрастность, по мнению Вебера, будет являться гарантией справедливого рассмотрения дела и безошибочного вынесения решения по вопросу того или иного клиента. Позднее Р. Хуммель

отмечал: "Бюрократу не позволено подстраиваться под субъективные смыслы и нужды, с которыми к нему приходит клиент. Бюрократ должен подстраиваться лишь под те смыслы и нужды, которые носят официальный характер"³⁶.

Всё это должно способствовать умножению общественного блага и демократии, хотя демократические принципы выборности Вебер не спешит относить к плюсам в отношении к бюрократии. Назначаемость чиновников - вот ещё один принцип, на котором базируется идеальный тип бюрократии. Далее, Вебер, понимая, что в отсутствие личной заинтересованности в вопросах, с которыми чиновники сталкиваются на службе, должностные лица должны быть заинтересованы в какой-либо выгоде, выражением которой должны служить деньги. Таким образом, чиновник, будучи назначаем на службу, должен быть уверен, что за обезличенность, подчинение абстрактным правилам он будет вознаграждён в денежном плане. Помимо того, необходимо отметить, что занимаемая должность должна являться единственным родом занятий и источником доходов для должностного лица. Таким образом, Вебер по сути описывает формирование новой аристократии, получающей своего рода "бенефиций" с денежной рентой, подчинённой "сюзерену" и находящейся от него в зависимости. Сам Вебер находит подобное сравнение между разными типами государственного правления и социального устройства вполне оправданной, поскольку, по его мнению, принципы действуют везде одни и те же. Сопоставляя различные формы власти, Вебер утверждает, что бюрократическое государство, не отличаясь ни от древних деспотий, ни от патриархальных традиционных обществ, ни от средневекового феодализма, господствует в определённом историческом периоде потому лишь, что «бюрократический государственный строй... в своей самой рациональной форме характерен для современного государства и именно для него»³⁷.

Помимо материальной заинтересованности чиновник имеет ещё один стимул для того, чтобы исполнять свою работу добросовестно - занимаемое им место не является постоянным, занимаемая должность не является верхом

---

³⁶Hummel R. H. The Bureaucratic Experience. New York, St. Martin's Press, 1987.

³⁷Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - 808 с. С. 650.

возможностей, и наличие значительного ряда ступеней в иерархической лестнице создаёт дополнительную заинтересованность. Продвижение по карьерной лестнице увеличивает престиж, власть, и, кроме того, денежное довольствие. Тот момент, что чиновник не владеет средствами управления и может быть в любой момент смещён с должности (как с понижением, так и с повышением по служебной лестнице), подчёркивается Вебером особо - таким образом должна быть усилена обезличенность бюрократической машины и значительно увеличиться подобие её с "совершенным" по эффективности механизмом.

Вебер, описывая идеальный тип бюрократии, уделяя столько внимания ей именно в связи с различными областями общественной жизни, полагал, что проводимая им работа инициирована не только лишь научно-исследовательским любопытством - он полагал, что будущее принадлежит бюрократии. Подобно Гегелю с его постулатом "духа эпохи" (*GeistseinerZeit*), Вебер полагает, что бюрократия - это "судьба эпохи"³⁸, поэтому обществу не стоит противиться формированию вездесущего бюрократического аппарата, но стоит формировать его таким образом, чтобы он был максимально приближен к идеалу и максимально реализовывал свои функции, принося обществу пользу. Вообще для взглядов Вебера на бюрократию характерен достаточно устойчивый оптимизм и, в достаточно высокой степени, идеализация – если провести параллель с теорией государства Платона, то можно утверждать, что для Вебера бюрократы являются тем же, чем для великого грека являлись философы, а именно – той социальной прослойкой, которая лишь одна достойна управлять государством. Так, он утверждает, что чиновников необходимо рассматривать как "высококвалифицированных специалистов духовного труда..., с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность"³⁹.

Однако, какую бы оценку ни давал Вебер изучаемому феномену, необходимо констатировать, что он ввёл в научный дискурс феномен

---

³⁸Макаренко В.П. Теория бюрократии М.Вебера и буржуазные концепции организации и управления // Вопросы философии. – 2005. - № 6. – С. 21.

³⁹ Вебер М. Избранные произведения. С. 657.

бюрократии, наметив ту проблематику, которая с тех пор стала полем исследования для последующих поколений исследователей.

Став объектом исследования обществоведческих дисциплин, феномен бюрократии был исследован с позиции разных подходов. Эти подходы принято разграничивать на концепции "классической школы" с одной стороны, и, с другой, концепции "школы человеческих отношений".

Представители "классической школы" избрали ограниченный, однобокий функционализм в качестве методологического инструментария, поэтому тот процесс обезличивания системы, который уже был намечен в работах Макса Вебера, стал весьма активно развиваться в работах представителей данного направления, причём с печальным повторением одной и той же ошибки - исследователи рассматривали, открывали и утверждали функции системы, упуская из виду наличие дисфункций, составляющих, как выяснили иные исследователи, продолжающие функциональный подход, но уже не с той однобокостью, с какой вели исследования их предшественники. Структура, её связи, иерархические отношения, коммуникативные потоки и иные аспекты, характерные для системного (структурно-функционального) подхода, явились системообразующими в исследовании бюрократии представителями "классической школы". Основной целью исследования уже существующих бюрократических структур являлась выработка новых форм, поиск того идеала структуры, который постулировал ещё Макс Вебер⁴⁰. А. Файоль, Л. Уайт, Д. Муни, Л. Урвик и другие стремились разработать принципы административного управления, которые казались им наиболее эффективными. Таким образом, механизм, концептуальную основу которого заложили ещё мыслители Нового времени и дальнейшей проработкой которого занимался Вебер, получал дальнейшее теоретическое развитие в работах указанных представителей "классической школы". Все представители указанного направления были уверены в том, что они продолжают вслед за Вебером создавать идеальный тип управленческого механизма, и были настолько уверены в правильности своего

---

⁴⁰Нестик Т. А. Бюрократия в зарубежных исследованиях // *Общественные науки и современность*. 1999 № 2. С. 52-59. С. 52.

пути, что полагали, будто помимо максимальной эффективности воплощённые в жизнь создаваемые ими системы будут характеризоваться гармоническими отношениями без конфликтов, установление корпоративного духа без противоречий между представителями разных профессий и различными должностными лицами, высокий уровень образованности и профессионализма и т.д.⁴¹.

Так, Анри Файоль сформулировал принципы управления, которые он считал идеальными⁴². Их можно изложить в следующем виде. Прежде всего, это узкая, конкретная специализация, разделение труда, отсутствие смешивания функций различными должностными лицами. Далее, необходимо наличие власти у каждого должностного лица, данной ему для того, чтобы иметь возможность отдавать распоряжения, спускать директивы подчинённым и иметь возможность держать подчинённых под своим контролем. В связи с этим в бюрократической системе должна иметь место строгая дисциплина, согласно которой нижестоящие подчиняются вышестоящим ради достижения целей, стоящих перед организацией в целом. Вместе с тем частные интересы должны отступать на второй план, на первом же месте должны находиться именно общие цели, общие интересы. Далее, структура бюрократической системы - это иерархия, иерархическая лестница представляется идеальным вариантом, причём эта структура венчается единым руководством, контролирующим всех должностных лиц, занимающих должности на нижних ступенях лестницы. Однако, согласно Файолю, поскольку злоупотребления в данной системе отсутствуют, то подобная система господства-подчинения даёт безусловный порядок и предусматривает безусловную справедливость. Каждое должностное лицо получает причитающуюся ему справедливую плату за труд. Однако помимо того, что каждый управленец просто исполняет свои функции, подразумевается, что он обязательно будет проявлять инициативу для достижения общих целей. Исходя из этого, Файоль предполагает, что состав

---

⁴¹ Там же. С. 53

⁴² Fayol, Henri. La réforme administrative des PTT, tiré à part, Dunod, 1923; Fayol H. General and Industrial Management. Translated by C. Storrs, Sir Isaac Pitman & Sons, London, 1949.

персонала будет определяться постоянностью - ведь в том случае, если каждое должностное лицо является профессионалом в своём деле, если оно сознательно участвует во всех важных вопросах, проявляет инициативу и т. д., то попросту не будет необходимости в замене персонала (помимо естественных причин). Как результат, Файоль предполагает создание цельного, единого, спаянного коллектива. Таким образом, на примере концепции Файоля мы можем видеть, что исследователи, принадлежащие к "классической школе", были убеждены в том, что, элиминируя такие проявления человеческого фактора как аффективный аспект и какие-то скрытые мотивы, видели построение идеальной бюрократической структуры делом вполне регулируемым с позиции рациональных расчётов и установлением определённых функций.

Подобные спекулятивные конструкты были использованы в трудах и иных упомянутых выше представителей "классической школы". Для каждого из них были характерными такие представления о системе как обезличенность, рациональный расчёт, имеющий в основе достижение целей организации в целом, и отсутствие каких-либо латентных функций и дисфункций. "Представление об организации как инструменте реализации целей, как безличной структуре связей и норм наиболее полно нашло отражение в тейлоризме, в модели А. Файоля Л. Урвика, бюрократической модели организации М. Вебера"⁴³.

Тенденциозность подхода представителей "классической школы" не могла долго занимать ведущее место в складывающейся парадигме теорий бюрократии, и вскоре появились исследователи, критикующие постулаты основателей "классической школы".

Так, Роберт Кинг Мертон в своих исследованиях⁴⁴, оставаясь верным заветам функционализма, расширил функциональный подход и обратил особое внимание на наличие в системе скрытых функций и дисфункций, противоречащих общей направленности и вносящих разлад в систему, что никак

---

⁴³Шило И. Н. Конфликт как предмет социологии организаций // Социологические исследования, 2000. № 10. С. 27-30. С. 28.

⁴⁴Merton R. K. *Social theory and social structure*. New York: Free Press, 1949.

не соответствует стройным концепциям представителей "классической школы", вносит элемент хаотичности в строгую структуру, которую привыкли выстраивать политологи в отношении исследуемых систем. Включение в функциональный анализ того, что Мертон называл "субъективной диспозицией", вынудило исследователей признать существование своего рода дисфункций, нарушающих стройность и целеустремлённость системы, противодействующих её саморегуляции. Помимо этого, Мертон стремился вскрыть все разнонаправленные силы, действующие в системе, особенно те, которые остаются вне поля зрения, не будучи осознанными ни исследователями, ни самими акторами. «Кроме того, существует эмпирическая возможность возникновения антифункциональных последствий, которые просто иррелевантны (случайны, нетипичны, произвольны) рассматриваемой системе... Скрытая функция не планируется и не осознаётся участниками»⁴⁵. Таким образом, Мертон стремился отойти от заветов «классической школы», критикуя чрезмерную схематичность прежних построений.

Элиминирование человеческого фактора, равно как и прочих особенностей функционирования системы, которые действуют как дисфункции, приводят исследователей "классической школы" лишь к теоретизированию без возможностей воплощения их конструктов в практике. Их идеальные построения, согласно мнению некоторых исследователей, сродни утопическим прожектам, не могущим быть реализованными в повседневной жизни общества, поскольку чрезмерная концентрация исследователя на структуре в целом при элиминировании элементов (особенно, когда речь идёт именно о социальной структуре), могут до неузнаваемости исказить реальную картину социальных, в том числе, властных отношений в обществе⁴⁶.

Поправки, внесённые в методологический инструментарий Робертом Мертоном, были взяты на вооружение многими исследователями, что положило начало новому направлению в исследовании феномена бюрократии. Так,

---

⁴⁵Покровский Н. Е. Одиннадцать заповедей функционализма Роберта Мертона // Социологические исследования, 1992. № 2. С. 114-117. С. 116.

⁴⁶Там же. С. 117.

например, Н. Сингхи, сделав предметом своего исследования такое широкое явление среди чиновничества как коррупция, оставаясь в рамках системного подхода, на основании методологии Мертон приходит к тому выводу, что феномен коррупции нельзя объяснить лишь причинами влияния внешних условий или внутренних, ценностных установок индивида. Оставаясь верным структурно-функциональному анализу, Сингхи утверждает, что фактически провоцирует взяточничество само устройство системы функционирования бюрократических институтов, в частности, громоздкость, неповоротливость самого аппарата, что порождает чрезмерную волокиту и тормозит работу чиновников⁴⁷. Выражаясь терминами Крозье, "забастовка участия", то есть, попросту ровное исполнение своих обязанностей согласно букве правил, без искреннего стремления помочь, войти в положение обращающегося лица, словом, согласно заветам Макса Вебера о бесстрастности и механистичности, в подобной раздутой, громоздкой системе делает невозможной эффективную работу. Поэтому, поскольку законное вознаграждение, получаемое в любом случае, не может служить стимулом для чиновника, таковы стимулом становятся взятки, даваемые просителями, непосредственно заинтересованными в скорейшем решении вопроса.

Начинание Мертон было продолжено несколькими его учениками - в частности, среди последних выделились А. Гоулднер, П. Блау⁴⁸, Ф. Селзник⁴⁹. Фактически указанные исследователи дорабатывали и в некоторых пунктах перерабатывали теорию Макса Вебера и его последователей, таким образом, разработка и исследование функций бюрократических систем конкретизировалась и дополнялась указанными исследователями введением в теорию дисфункций системы и изучением их свойств. В принципе, последователи Мертон, равно как и он сам, допускали существование того типа бюрократа, который должен был сложиться в результате оформления

---

⁴⁷Singhi N. K. *Bureaucracy: Positions and Person*. New Delhi, 1974. P 189-204.

⁴⁸Blau, Peter Michael. *Crosscutting Social Circles: Testing a Macrostructural Theory of Intergroup Relations*, with Joseph E. Schwartz. 1984.

⁴⁹Selznick, Philip. *TVA and the Grass Roots: a Study in the Sociology of Formal Organization*. Berkeley: University of California Press, 1949; Selznick, Philip. *The Moral Commonwealth: Social Theory and the Promise of Community*. Berkeley: University of California Press, 1992.

бюрократической системы (не идеальной, поскольку это невозможно, но близкой к идеальной), описанной представителями классической школы. Так, Мертон говорил, что существует такой тип чиновника, который будет тщательно соблюдать букву закона, блюсти все предписания и ритуалы, но подобный "ритуализм" (который можно сопоставить с высказываниями Маркса о том, что в сознании бюрократа есть элемент религиозности, что для чиновника бюрократическое действие есть действие ритуальное, религиозное) характерен лишь для определённого, особого типа чиновника. И Мертон, и его последователи понимали, что существуют и иные типы чиновника, не укладывающиеся в стройные схемы, представленные представителями "классической школы". И иные типы чиновников, в противовес тому, который руководствуется буквой правил и который способствует буквальному исполнению функций системы, являются тем элементом, который расшатывает систему и способствуют появлению дисфункций внутри системы. Именно дисфункции, их действие, проявления, их характер, причины по большей части являются одним из основных предметов исследования для последователей Р. Мертона - Ф. Селзника, А. Гоулднера, П. Блау и других.

Так, интересны выводы, сделанные американским социологом Алвином Гоулднером в его исследовании, посвященном функционированию бюрократического аппарата на конкретном предприятии - гипсовом заводе. Выводы эти исследователь изложил в отдельной посвящённой этой теме работе - "Модели (образцы) индустриальной бюрократии"⁵⁰. Эта работа Гоулднера особенно ценна для дополнения классического функционального анализа бюрократических систем именно тем, что в ней особенно явно намечается поворот к изучению того самого человеческого фактора, который был элиминирован представителями "классической школы". Так, именно от человеческих отношений, от той манеры, к которой прибегала администрация к внедрению правил (фактически - к формированию определённого, и немаловажного, аспекта "правил игры"), полагал Гоулднер, зависела

---

⁵⁰Gouldner A. W. Patterns of Industrial Bureaucracy: A Case Study of Modern Factory Administration. The Free Press, 1954.

эффективность работы всего предприятия в целом. Именно это влияло в значительной мере на то, будут ли действия менеджерского состава функциональны или дисфункциональны для всей системы в целом. Именно человеческий фактор влияет, по Гоулднеру, не только на то, каким образом будут исполняться формальные предписания, правила, но и на технический аспект в работе предприятия.

Отмечая важность человеческого фактора, проникающего во все иерархические уровни социальной системы, В. И. Спиридонова отмечает: "Правила всегда устанавливаются людьми, правда, в разных ситуациях - на разном уровне. В одних случаях - с помощью общественной власти (государства), в других - через традицию, в третьих - почти бессознательно. Но случается и так, что часть этих правил внедряется через жёсткие указы и декреты - государственные регламентации. М. Крозье прекрасно показал, насколько может быть неэффективным их действие. Оно превращает социальный ансамбль в "бюрократическое общество", страдающее от "бюрократического ритма развития"⁵¹.

Таким образом, практический элемент (акцентировать внимание на котором нам необходимо для того, чтобы понять стиль исследований Мишеля Крозье) исследования является очень важной составляющей для политолога, который ставит перед собой задачу изучения бюрократической системы в целом, который стремится провести целостный структурно-функциональный анализ, а не построенный лишь на рациональном аспекте. В то время как стремящиеся к идеалу спекулятивные схемы (хотя, без сомнения, практический материал и привлекался исследователями, и в значительной степени, но как правило он привлекался выборочно и использовался тенденциозно) представителей "классической школы" не смогли бы иметь успеха, будучи применёнными в той конкретной производственной ситуации, которую анализировал Гоулднер,

---

⁵¹Спиридонова В. И. Возвращение "доброе гения". Часть II. Социальное государство в постиндустриальном мире // <http://www.politvektor.ru/glavnaya-tema/3870/>

исследование последнего смогло выявить упущенный представителями "классической школы" аспект и акцентировать на нём внимание.

Впрочем, позиции "классической школы" были всё ещё значительно крепки, и всё увеличивающаяся волна критики доказывает это. Ряд исследователей, изучая феномен бюрократии, отталкиваются от того, что критикуют (и через критику дополняют и исправляют) теории предшественников - М. Вебера и его последователей.

Так, лауреат Нобелевской премии по экономике, учёный, проводивший фундаментальные исследования процессов управления и принятия решений Герберт Саймон⁵² ещё более ослабил позиции классического функционализма. Так, если Н. Сингхи, объясняя дисфункции бюрократической системы, всё же опирается на рациональные решения чиновников, для которых взятка является стимулированием деятельности (а само принятие этого решения базируется на целиком рациональном обосновании), если Гоулднер, хотя и вводит аффективный и некоторые иные аспекты человеческого фактора и отсюда выводит существование дисфункций системы, всё же остаётся в рамках рационалистического понимания, то Г. Саймон расшатывает позиции именно рационального компонента в принятии решений и в самой бюрократической системе. "Г. Саймон... подверг сомнению само основание функционального подхода - методологию рационального выбора...: "Описание административных организаций почти исключительно в понятиях функционализма и управления является полностью неадекватным целям административного анализа. Поведение человека, считает Саймон, определяется не только его рациональным выбором.... Люди различаются по уровню способностей, навыков и умений, по ценностным ориентациям и личным целям, по обладанию знаниями и информацией"⁵³. Саймон в категорической форме заявляет о недопустимости подобного развития функционализма, элиминирующего важнейшие факторы и

---

⁵²Simon, Herbert Alexander. *Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization*. The Free Press, 1997.

⁵³Пушкарева. Государственная бюрократия как объект исследования. С. 81

оставляющего лишь схему, набросок актора, значительно обедняя и искажая тем самым реальную картину.

Следует отметить, что концептуальное направление, разрабатывавшееся Г. Саймоном и рядом других критиков классического функционализма идёт в одном ряду с направлением, которое обычно противопоставляют "классической школе" в том плане, что его представители основной акцент делают на том аспекте, который был элиминирован в теориях бюрократии Макса Вебера и его последователей.

Речь идёт о так называемой "школе человеческих отношений", основные принципы которой задаются феноменом, который был введён в науку под названием "хотторнский эффект", разработкой и внедрением в парадигму исследовательской мысли которого занимался психолог и социолог Элтон Мэйо⁵⁴. В 1924-м году Э. Мэйо проводил эксперимент на телефонном заводе компании "Western Electric" в Хотторне, пригороде Чикаго (США), давшем название исследуемому феномену. Изначально Мэйо исследовал разнородные факторы, влияющие на эффективность и производительность труда, зачастую не имеющие ничего общего с человеческими отношениями (например, освещение в цехе в процессе производства), однако вскоре акцент его исследований сместился именно в область человеческих отношений. Даже само внимание учёных к работницам цехов завода, благожелательное их отношение и т. п. являлось стимулирующим эффектом и повлияло на увеличение производительности труда⁵⁵. Помимо этого были выявлены и отмечены и другие проявления человеческих отношений, влияющих на выработку, например, внимание к работающему рядом коллеге, выражающееся в том, чтобы не производить больше, чем может сделать сосед по конвейеру. Таким образом, человеческие, межличностные отношения, согласно выводам Мэйо, являются мощнейшим стимулом как для повышения, так и для понижения производительности труда, равно как и для функционирования системы в целом.

---

⁵⁴ Mayo, Elton. *The Human Problems of an Industrial Civilization*. New York, Routledge, 2003.

⁵⁵ Семёнова И. В., Булгакова О. С. Влияние школы человеческих отношений на совершенствование теории управления персоналом // *Современные наукоёмкие технологии*. - 2012. - № 9 - С. 76-76.

"Принципы, на которых основывалась неоклассическая школа: коллектив рассматривается как особая социальная группа; межличностные отношения принимаются в качестве фактора роста эффективности и потенциала каждого рабочего. Эти принципы школы человеческих отношений способствовали возникновению тенденции к более широкому применению достижений политологии, психологии, социологии, социальной психологии в сфере производства и постепенно вывели "человеческий фактор" на уровень наиболее эффективного и неисчерпаемого ресурса производства", - отмечают современные исследователи⁵⁶.

Помимо Э. Мэйо принципы школы человеческих отношений при анализе социальных систем, в том числе и бюрократических, использовали такие исследователи как А. Маслоу⁵⁷, М. Фоллетт⁵⁸, Г. Мюнстерберг⁵⁹, Ч. Бернарди и другие. Указанных исследователей объединяет то, что каждый из них, помимо организационного фактора, делал предметом своего исследования психологический фактор, во многом определяющий степень эффективности функционирования системы. То, что сознательно выносилось за скобки либо элиминировалось в силу сложившихся традиций в эпистемологии классической школы, теперь выходило на первый план в качестве основополагающего, системообразующего фактора в функционировании социальной, в том числе бюрократической системы⁶⁰.

Уклон, противоположный подходу представителей "классической школы", уделявший повышенное внимание поведенческой составляющей, зачастую характеризовался недостаточным вниманием к факторам, стабилизирующим систему и ограничивающим свободу индивидов, являющихся элементами единой структуры. В качестве такового феномена выступал поведенческий подход, расцвет которого пришёлся на 50-е - 60-е годы прошлого века). Личная

---

⁵⁶ Там же. С. 76.

⁵⁷ Maslow, A. H. *Motivation and personality*. New York: Harper, 1954. Maslow, A. H. A theory of human motivation. *Psychological Review*, vol. 50, 1943. P. 370 - 396.

⁵⁸ Follett, M. P. *The new state: group organization the solution of popular government*. New York: Longmans, Green & Co., 1920.

⁵⁹ Münsterberg, Margarete Anna Adelheid. *Hugo Münsterberg: his life and work*. New York: Appleton, 1922.

⁶⁰ Худокормов А. Г. *Экономические корни бюрократизма*. - М.: Просвет, 2001. С. 96.

мотивация и её повышение, повышение эффективности человеческих ресурсов бюрократической системы, за счёт чего ожидалось повышение степени её эффективности, и т. д. - вот некоторые из основных факторов, составлявших предмет исследования представителей поведенческого подхода⁶¹.

В результате подобных, зачастую тенденциозных и грешащих односторонностью концепций в политологии и социологии выработалась относительно сбалансированная теория, сглаживающая противоречия классической и неклассической школ.

Итак, после появления множества исследований, подтвердивших несостоятельность постулата Вебера и "классической школы" о рациональной организации бюрократической системы, в научной парадигме утвердилась идея об "ограниченной рациональности" бюрократии. "Человеческий фактор" в его множественности аспектов, не связанных с рациональным расчётом, сыграл свою роль в развитии теорий бюрократии, и последующие исследователи уже могли учитывать различные факторы, определяющие как функциональность, так и дисфункциональность бюрократической системы.

Дальнейшее развитие политологической мысли должно было, согласно законам диалектики, выйти на новый уровень исследований бюрократических систем. Противоположные направления должны были синтезироваться - только подобный подход являлся продуктивным для развития парадигмы. И только те исследователи, которые не прибегали в своих исследованиях к крайним теориям - будь то теории "классической школы" или поведенческого подхода, могли бы развивать исследовательскую мысль. Одним из таких мыслителей, выведших исследования бюрократии и сопутствующих проблем, являлся французский социолог и политолог Мишель Крозье.

Исследовательская мысль Крозье развивалась в контексте своего времени. Так, близость взглядов Крозье к принципам "школы человеческих отношений" была отмечена исследователями⁶². Однако отнести наследие Крозье к "школе

---

⁶¹Гудков А., Левада Ю., Лаверсон Ф., Седов Л. Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений // Государство и право. – 2004. - № 1. С. 42-52. – С. 45.

⁶²Rose M. Servants of Post-industrial Power. London, Macmillan, 1979. P. 56.

человеческих отношений" неправомерно. Крозье воспринял многое из наследия Вебера и представителей "классической школы". Однако по многим ключевым вопросам наблюдается существенные расхождения между классическими теориями изучения бюрократии и концепцией Крозье. Одним из подобных основополагающих вопросов является вопрос о рациональности. Крозье признавал, что рациональность является определяющим фактором в функционировании систем, однако он принимает подобное утверждение ортодоксальных функционалистов с существенной оговоркой. В частности, он отмечал: "Речь идет о совершенно иной, чем пятьдесят лет назад, рациональности. Рационалисты классической научной организации смотрели на членов организации как на простые винтики машины, а не как на человеческие существа. Для них исполнитель был просто рукой. Движение "человеческих отношений" показало, что эта точка зрения недостаточно верна, что исполнители — также чувственные существа..."⁶³. Таким образом, сам Крозье признаёт, что является наследником как "классической школы", так и "школы человеческих отношений". В своих работах, таких как "Бюрократический феномен", "Блокированное общество", "Актер и система", "Общество не изменяется декретами", "Современное государство — скромное государство", исследователь продолжает синтез различных подходов, однако, не компилируя их, но создавая новый, оригинальный подход к проблемам бюрократии и власти. Концепция Крозье не проработана окончательно для того, чтобы войти в парадигму политологической науки в своём неизменном виде. Многие вопросы лишь намечены, и далеко не все из рассматриваемых проблем рассмотрены и объяснены, что даёт повод некоторым исследователям утверждать определённую "метафизичность" теории Крозье. "Желание вскрыть сущность власти и динамики властных институтов претворяется в работах Крозье в создание оригинальной, но несколько формализованной и метафизически окрашенной концепции функционирования власти, которая, однако, позволяет

---

⁶³Crozier M. Le Phénomène bureaucratique. P. 202.

по-новому взглянуть на эти явления и многое в них прояснить"⁶⁴. Поэтому представляется необходимым раскрыть те аспекты теории Крозье, которые не доработаны, не доведены до логического завершения.

Для того, чтобы понять, каково отношение исследователя к феномену бюрократии, необходимо выявить отношение самого Крозье к предшественникам, к тем исследователям, которые уже исследовали означенный феномен. Так, Крозье, исследуя историю изучения бюрократии, выделяет три ступени развития учений. Первая ступень - это всеми признанная теория Макса Вебера и его последователей, теория построения бюрократической машины как рационализация социальной деятельности и попытка построения "идеального типа" бюрократии. Крозье, отдавая должное мысли первых исследователей феномена бюрократии, всё же не идеализирует их концепции, но чётко видит все недостатки, отмечая, что исследователи находились в плену рационалистических иллюзий⁶⁵. Теория прогресса, тесно связанная с теорией развития рациональности в европейском обществе, каковую мысль высказывал ещё Конт, увязывала развитие бюрократии с развитием рациональности и, поэтому, учитывая неоспоримый культ разума, бюрократию хотели видеть образцом воплощения рациональности в социальной сфере. Бюрократия должна была быть непогрешимой, поскольку вся философия науки того времени нуждалась в подобном доказательстве сил рациональной мысли. Отсюда выходили все аспекты, которые сопутствовали представлению о развитии чистой рациональности, без аффективной и прочих составляющих "человеческого", личностного фактора. Нивелируя индивидуальность и возводя в идеал абстрактную, безличную мысль, политологическая наука приветствовала в бюрократии такие черты как безличность, регламентация, контроль и т. д. Всё это Крозье видел в веберианской модели, не соглашаясь с её постулатами и отмечая, что попытка создать идеальную модель бюрократии, основываясь на подобных принципах, не является конструктивной, а сама модель "весьма далека от

---

⁶⁴Спиридонова. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). С. 6.

⁶⁵Crozier M. Le phénomène bureaucratique. P. 235.

совершенно эффективной"⁶⁶, тем более, что с высоты того времени, которое прошло с момента создания идеальных моделей бюрократии, можно было увидеть вполне явственно несостоятельность этих самых моделей.

В этом смысле Крозье соглашается с представителями "школы человеческих отношений", которые, согласно диалектическому закону развития, противопоставили свои антитезисы тезисам классических функционалистов, среди которых наиболее значительным являлся утверждение о наличии в бюрократической системе, наряду с функциями, ряда дисфункций.

Третий этап, согласно Крозье, усилил критику как веберовской модели бюрократии, так и критику бюрократии как системы. Негативные стороны бюрократического аппарата стали основным предметом исследований этого периода. Усилился акцент на исследование дисфункций бюрократии. И именно в этом контексте необходимо рассматривать исследования Крозье. Для него кризис власти, кризис общественных отношений и кризис бюрократии являются взаимосвязанными феноменами, поэтому объект исследования Крозье достаточно широк. Однако предметом его достаточно многочисленных исследований является именно кризис, кризис всех указанных выше социальных явлений. В принципе, никакого противоречия в таком подходе не наблюдается, поскольку современное общество является обществом бюрократическим, а властные отношения характерны для всех структур социальной системы в качестве отношений между элементами системы. Поэтому кризис власти, кризис общества и кризис бюрократии можно рассматривать в едином контексте, как проявления одного общего кризиса.

Сам принцип подхода Крозье не нов. Множество исследователей, выводы которых о наличии значительного ряда дисфункций мы показали выше, работали в этом же ключе, вскрывая значительное количество феноменов, которые должны были расшатывать систему. Столь значительное действие дисфункций, казалось бы, должно дезорганизовать систему, однако ничего подобного не наблюдалось, ведь наряду с утверждениями о наличии огромного количества дисфункций

---

⁶⁶Crozier M. Le phénomène bureaucratique. P. 236.

говорилось и об усилении бюрократии, об укреплении системы. Подобному парадоксу необходимо было найти объяснение, однако никто из исследователей, никто из критиков веберовской модели такого объяснения не предложил, и лакуна оставалась незаполненной, пока не появились исследования Мишеля Крозье по данной проблематике.

Рассматривая дисфункции бюрократической системы, Крозье поначалу выступает всего лишь как один из множества критиков веберовской модели бюрократии, как один из тех, кто оспаривает позиции "классической школы", поэтому, казалось бы, ничего оригинального очередная концепция предложить не может. Однако Крозье, исследуя дисфункции по схеме многих его предшественников, делает довольно неожиданный вывод о том, что дисфункции не расшатывают систему, как представлялось прежде исследователям дисфункций бюрократической системы, но, напротив, укрепляют её, являясь, как это ни парадоксально, "главным элементом равновесия"⁶⁷. Таким образом, был найден тот цементирующий систему фактор, который упускали из виду предшественники Крозье по исследованию функций и дисфункций бюрократической системы. Выражаясь диалектически, дисфункции не являются тем антитезисом, который не даёт системе застаиваться, придавая ей толчок для выхода на новый уровень. Система не меняется, лишь разрастаясь, используя дисфункции для того, чтобы разбухать, и, таким образом, выхода на качественно новый уровень не происходит.

Если пояснить данную схему примером, можно показать следующее. Человеческий фактор, который занимал умы "школы человеческих отношений", побуждает определённых чиновников использовать бюрократический аппарат в собственных целях, например, для удовлетворения каких-либо своих, частных интересов. Пользуясь лакунами в регламентации действий сотрудников аппарата, последние вносят в работу системы определённый диссонанс. Будучи замеченными должностными лицами, находящимися на более высокой ступени иерархической лестницы, подобное явление становится стимулом для выработки

---

⁶⁷Crozier M. Le phénomène bureaucratique. P. 257.

регламентационных правил в той сфере, которая прежде была упущена чиновниками высшего звена. Когда правила выработаны, регламентационная лагуна закрыта, что уже не даёт чиновниками возможности пользоваться системой в своих личных интересах. Таким образом, несовершенства бюрократической системы являются стимулом для её усовершенствования, и те факторы, которые временно выступают в качестве дисфункций (причём дисфункций достаточно слабых, не способных расшатать вся систему и нарушить распорядок её функционирования), со временем становятся укрепляющими факторами, цементирующими бюрократическую систему и способствующими её дальнейшему усилению.

Есть и другие факторы, влияющие на стабильность системы, и вновь Крозье видит их там, где критики вскрывали их негативный смысл. Так, Крозье признаёт отрицательный характер обезличенности системы, её нетерпимость к оригинальности индивидов и к проявлению яркой индивидуальности. Но, отмечает Крозье, именно этот недостаток и является достоинством системы, удерживающим индивидов, которые "невротически привязываются к самим этим недостаткам системы"⁶⁸, и подавляющее большинство которых вовсе не стремится к проявлению своей индивидуальности. Точно так же обстоит дело с боязнью проявлять решительность, с боязнью вообще что-то решать и брать за это ответственность. "Участие - это груз, и груз очень тяжёлый, что делает понятным апатию и ограниченный энтузиазм в его отношении", - отмечает Крозье⁶⁹.

Таким образом Крозье вводит в проблематику кризиса бюрократической системы ту проблему, о которой так много писал Эрих Фромм в своей известной работе "Бегство от свободы"⁷⁰. Он заново поднимает вопрос о том, что люди, обыватели готовы отдать свою свободу тем, кто находится на вершине иерархической, властной пирамиды в обмен на видимость спокойствия и гарантию защищённости (которая попросту не может выполняться, поскольку

---

⁶⁸Crozier M. La société bloquée. Paris, Le Seuil, 1971. P. 107.

⁶⁹Ibid. P. 82

⁷⁰Fromm, Erich. Escape from Freedom. New York: Rinehart & Co., 1941.

защищённость от тех, кому отдана власть, никем уже не может быть гарантирована). В работах Крозье акцент ставится, однако не на авторитарных и тоталитарных режимах, к рассмотрению которых обычно прибегал Фромм, но на тех режимах, которые базируются на демократических принципах, и в которых проблема свободы, казалось бы, должна быть решена. И, надо сказать, анализ, проводимый Крозье в отношении режима Французской республики, достаточно сложен, поскольку феномен распыления власти, находящейся не в одних руках, и не в руках незначительной группы лиц, как при авторитарном или тоталитарном правлении, но рассеянной по громоздкому бюрократическому аппарату, анализировать значительно сложнее, равно как и сложнее объяснить, почему люди отдают свою свободу и долю власти "Левиафану, который стремится обратить в рабство всю человеческую расу"⁷¹.

Метафора Левиафана (отсылающая к Гоббсу), как и другие метафоры Крозье, очень удачна для выражения той ситуации, которая сложилась в бюрократическом обществе. Безликость бюрократической системы, растворение личности и личностной ответственности способствуют усилению феномена "бегства от свободы". "Где прежние судьи, учителя, мастера, горожане, уверенные в своей правоте и способности управлять? Я уже не вижу никого, кроме бюрократов и посредников, которые самоустраняются и уходят от ответственности"⁷². Эта безликость является отличительной особенностью бюрократической системы и в целом системы государственного управления. Современная иерархия бюрократического аппарата вовсе не похожа на ту иерархическую лестницу, которая была выстроена, например, в античном или средневековом обществе. Конкретных ответственных лиц, равно как и тех, кто непосредственно принимает решение, в современной системе с распыленной властной структурой отыскать трудно, в отличие от прежних обществ. Поэтому, понимая фактическую безнаказанность, чиновники попросту могут не утруждать себя исполнением своих прямых обязанностей, поскольку они могут сослаться на

---

⁷¹Crozier M. Le phénomène bureaucratique. P. 234.

⁷²Crozier M. On ne change pas la société par décret. Paris, // Futurable. P., 1979. N 25. P. 21.

целый ряд инстанций, делящих ответственность наряду с ним. Конечно, подобной ситуации не было и в помине в то время, когда вожди или жрец были вынуждены расплачиваться жизнью за возникшие в обществе трудности⁷³, поскольку все знали, что именно на них и только на них лежит конечная ответственность за благополучное функционирование общества.

Мы не зря вспомнили здесь примеры традиционных или средневековых обществ. Крозье в своём стремлении вскрыть причины существующей властной структуры в современной Французской республике, прибегнул к понятию "архетипа", а именно - "архетипа управления"⁷⁴, который во многом определяет современную модель бюрократии во Франции. Крозье вообще склонен искать истоки бюрократии современности в прошлом, в истории. Так, он отмечает: "бюрократия (в том смысле, в каком её понимают широкие массы (характерная для организации атмосфера рутинности, жестокости, принуждения, безответственности, в отношении которых более всего жалоб), вовсе не является прообразом будущего, но несёт на себе парализующее наследие прошлого"⁷⁵. И именно в прошлом формируется архетип управления, от которого зависят современные бюрократические и социальные структуры.

Особенности подобного архетипа варьируются в зависимости от культуры, генезис которой проходил в определённых, отличных от прочих культур, условиях. Таким образом, архетип управления французского общества будет отличаться от архетипа управления российского или перуанского общества. Анализируя французский архетип управления (однако не посвящая этому отдельной скупулёзной работы), Крозье приходит к выводу, что он характеризуется наличием следующих факторов: существованием иерархической, официальной власти и существованием наряду с ней параллельной власти. Последняя возникает как раз там, где существуют "зоны (источники) неопределённости" - не охваченные регламентом сектора бюрократической машины, которые могут быть использованы должностными лицами по своему

---

⁷³Фрээр. С.....

⁷⁴Crozier M. La société bloquée. P. 94.

⁷⁵Crozier M. Le Phénomène bureaucratique. P. 9.

усмотрению и в своих интересах (как мы показывали выше). Крозье увязывает параллельную власть с переговорными процессами, полагает, что параллельная власть имеет переговорную природу. Однако нам необходимо отметить тот момент, что он связывает непосредственно переговорные отношения именно с современностью, власть переговоров, согласно Крозье - это заслуга современного общества, достигшего определённого момента зрелости. "Вся эволюция последних ста лет являет собой эволюцию от царства морали к царству переговоров"⁷⁶. - отмечает он. Далее, ещё один момент, который необходимо отметить, чтобы понять сущность переговорной власти - подобный вид власти возможен только при наличии источника неопределённости. "В переговорах... власть игрока в конечном счёте зависит от контроля, который он может осуществить над источником неопределённости"⁷⁷. На наш взгляд, эти два тезиса касательно переговорной власти нуждаются в корректировке и некотором дополнении, для чего необходимо полнее и глубже проанализировать французский архетип управления. Нам представляется вероятным, что переговорная власть существовала и прежде, и была развита довольно значительно, для чего не было необходимости в источниках неопределённости как условиях её существования. Ниже мы попытаемся обосновать и проиллюстрировать это предположение, кажущееся нам весьма важным для того, чтобы не опровергнуть, но лишь дополнить и скорректировать концепцию Мишеля Крозье.

Однако необходимо выделить ещё несколько факторов, которые Крозье определяет в качестве основополагающих для существования современной бюрократической системы, а именно - централизацию, стратификацию, безличность и параллельную власть, порождающих, в свою очередь, такие явления как замкнутость ("некоммуникативность"), кастовость, монополизацию, стремление иерархической власти к расширению за счёт власти параллельной. Почти каждый из этих факторов становился предметом исследования для предшествующих поколений политологов, посвятивших свою исследовательскую

---

⁷⁶Crozier M. La société bloquée .P. 37.

⁷⁷Ibid.

деятельность изучению бюрократических структур или социальных структур в целом. Однако Крозье дал их описание в определённой связке, увязав их, помимо прочего, с более глубоким уровнем системы (который мы можем определить как мегауровень), с архетипом управления.

И вместе с тем вниманием, которое Крозье уделяет глобальным структурам, необходимо отметить, что исследователь не повторяет ошибки классических функционалистов и не элиминирует такие элементы системы как человек. В своей работе "Современное государство - скромное государство" Крозье показал, что удельный вес государственной бюрократии в жизнедеятельности французского общества должен быть значительно уменьшен в пользу частного сектора. Обращаясь вновь к метафорам, как и всегда при необходимости показать значимость анализируемого аспекта, Крозье говорит о "смерти государства-бога"⁷⁸, факт признания какового феномена должен перевернуть коренным образом самосознание общества.

Ещё одна метафора, позволяющая более полно понять механизм функционирования бюрократической системы, базируется на понятии "гармоник", заимствованного из математики, в частности - из теории рядов Фурье. Сущность переложения математической теории в исследуемый нами контекст социальных наук состоит в том, чтобы показать зависимость подсистем низшего порядка от одной из подсистем, находящейся выше зависимых подсистем. Высшая подсистема, колебания которой являются гармониками первого порядка, определяет колебания низших подсистем, колебания которых (второго порядка и т.д.) определяются гармониками первого порядка⁷⁹. Исходя из подобного определения, Крозье показывает, что бюрократическая система структурирована таким образом, что определённые подсистемы бюрократического аппарата зависят от каких-то определённых структур высшего порядка, задающих тон, определяющих политику всей бюрократической системы в целом. Функционирующие "в унисон" подсистемы создают "узлы блокад" социальной системы в целом, которые не позволяют системе выйти из зоны влияния первой

⁷⁸Crozier M. *État moderne, État modeste. Stratégies pour un autre changement*, Paris, Fayard, 1986. P. 303.

⁷⁹Рудин У. *Основы математического анализа*. - М.: Мир, 1976. — 320 с.

гармоники и не позволяют функционировать в ином формате, нежели тот, который задаётся основными подсистемами. Именно государство ответственно за гармоники первого порядка, что же касается улов блокад, функционирующими в унисон с государственной идеологической составляющей, то их Крозье выделяет три основных - систему социальной администрации, систему рекрутирования элиты и систему образования. Осознание функционирования подобного механизма, введение его в область осознания, является необходимым шагом для того, чтобы общество смогло стать свободным от навязанных сверху "гармоник первого уровня" и смогло самостоятельно генерировать те ценности, с опорой на которые будет функционировать бюрократическая система, и вся социальная система в целом.

Общество должно осознать себя свободным и ответственным за свои поступки, должно стать способным эти поступки совершать. Государство же должно проявлять себя лишь настолько, насколько это необходимо для связывания воедино различных аспектов жизнедеятельности общества. Государство должно быть использовано обществом как рычаг для проведения необходимых социальных и политических реформ, поскольку только государственный бюрократический аппарат обладает потенциалом для того, чтобы внедрять реформы на всех уровнях общественной жизни. Контроль государства за изменениями, происходящими в обществе, необходим, как и контроль за функционированием общества, и Крозье это признавал, не являясь утопистом анархистского толка. Однако этот контроль не должен быть глобальным, как в настоящее время, не должен охватывать жизнь общества настолько, чтобы не оставлять места для частной инициативы. В частности, он отмечал: "Мы чересчур легко перекладываем причину своих затруднений на абстрактные "пугала", такие как прогресс, техника, бюрократия. Но не технические достижения или организационные формы повинны в этом. Это сами люди, которые осознанно или неосознанно принимают участие в их

разработке"⁸⁰. Касательно возможности "неосознанного участия" необходимо сказать особо. Крозье неоднократно подходит к проблеме бессознательного элемента во властных отношениях и вообще в функционировании бюрократической системы, однако как правило ограничивается подобными поверхностными замечаниями. Так, показывая бессознательное происхождение важнейших установок во властных отношениях, Крозье ограничивается лишь скупой констатацией иррационального, бессознательного их происхождения, не углубляясь в причины этого феномена: "Бюрократия "по-французски" представляет разумное решение проблем, связанных с нашими инстинктивными реакциями: боязни оказаться лицом к лицу с нашей абсолютистской концепцией власти и с нашим отвращением к принятию вместо неё малейших отношений зависимости"⁸¹. Подобная поверхностная констатация "инстинктивных", бессознательных факторов нуждается, на наш взгляд, в углубленном анализе, для чего необходимо прибегнуть к опыту, накопленному в парадигме иных антропологических, политологических и социологических дисциплин. Поэтому мы полагаем, что более глубокое исследование влияния бессознательного элемента сможет ещё больше раскрыть и углубить концепцию Крозье, что и будет проделано нами ниже. На наш взгляд, необходимо особо отметить важность осознания бессознательных элементов, действующих в формировании и функционировании бюрократической системы, поскольку в таком случае произойдёт терапевтический эффект в отношении общества в целом - важность осознания постоянно подчёркивается антропологами и психологами - таким как К. Г. Юнг, Э. Эриксон, Э. Берн и т.д. Сам Крозье также понимал необходимость осознанного принятия тех бессознательных, иррациональных факторов, которые питают "порочные круги" бюрократической системы: "Я стремился дать моим читателям возможность почувствовать, что эти порочные иррациональные факты, которые каждый переносит болезненно и стремится от них избавиться путём как

---

⁸⁰Крозье М. Бюрократический феномен. Исследование бюрократических тенденций современных систем организации и их отношений с социальной и культурной системой во Франции // Лапин Н. И. Эмпирическая социология в Западной Европе. - М.: ГУ ВШЭ, 2004. - 383 с. С. 221.

⁸¹Крозье М. Бюрократический феномен. Исследование бюрократических тенденций современных систем организации и их отношений с социальной и культурной системой во Франции. С. 224.

можно более скорого перебрасывания их в сферу проклятий и активного протеста, являются фактами естественными, объяснимыми, относительно простыми и поддающимися позитивному рассмотрению, в рамках которого возможны вмешательство и коррекция"⁸².

Показательно, и мы хотим отметить это особо, что Крозье, несмотря на достаточно обширную критику бюрократической системы, уверен в том, что французская бюрократия (как и вообще всякая бюрократия) изменится, что развитие её (причём, развитие в конструктивном смысле) является лишь делом времени. Впрочем, подобная уверенность является предсказуемой исходя из философско-методологической ориентации исследователя. Крозье остаётся верен структурно-функциональному подходу, а, поскольку функционализм напрямую связан с эволюционизмом, то именно принципов эволюции следует ожидать от теории политолога-функционалиста. И здесь, в ожидании эволюции бюрократической системы, Крозье уверен в том, что французская бюрократия сохранит свои уникальные черты, сохранив все прежние конструктивные факторы и будет дополнены новыми. Так, он отмечал, что система, имеющая такие глубокие корни, уходящие в глубь веков, не может исчезнуть просто так – последующие системы обязательно должны будут перенять что-либо от неё. В связи с этим Крозье ставит вопрос – а что же именно должно быть сохраненно, а что – отброшено, что пойдёт на пользу социуму, а что – должно отмереть в соответствии с «возможностями эволюции»⁸³. Критика Крозье бюрократической системы не носит деструктивного характера, она не нацелена только лишь на вскрытие недостатков и не рассчитывает эпатировать читателя очередными фактами безысходности и неизбежности зла бюрократии. Крозье стремится к объективной оценке деструктивных и конструктивных свойств и функций бюрократической системы и, будучи уверен в её развитии, пытается увидеть в будущей модели новой бюрократии те положительные черты, которые и на

---

⁸²Крозье М. Бюрократический феномен. Исследование бюрократических тенденций современных систем организации и их отношений с социальной и культурной системой во Франции. С. 221.

⁸³Крозье М. Бюрократический феномен. Исследование бюрократических тенденций современных систем организации и их отношений с социальной и культурной системой во Франции. С. 233.

сегодняшний день являются конструктивными элементами и противостоят "порочным кругам" французской бюрократии.

Так, Крозье признаёт тот факт, что французская бюрократическая система открывает довольно широкие возможности перед всеми членами социума, без различия к их стратификационной и иной принадлежности. Французская бюрократия предлагает значительный элемент свободы, возможность не зависеть от обстоятельств, определённую социальную защищённость, личную независимость индивида, что в современном обществе, при действительном исполнении властью подобных взятых на себя обязательств, должно значить немало. Однако Крозье видит опасность в том, что поддержание подобных обязательств системы по отношению к индивиду, к личности, является затратным процессом, что может иметь негативные последствия. Затрата ресурсов является для системы негативным процессом, и необходимость восполнять затраты должно направлять систему на поиск новых источников ресурсов. Поэтому Крозье осознаёт, что для поддержания тех норм и ценностей, носителем и гарантом которых является французская система для граждан Французской республики, а также для мира в целом, необходимо, чтобы социумом были изысканы возможности для дальнейшей трансляции конструктивных элементов системы, которые бы не допустили превращения эволюции в инволюцию. И это является очень первоочередной проблемой для современности, преуменьшать важность которой недопустимо. "Весь вопрос для нынешней Франции состоит в том, чтобы открыть в современном массовом обществе и посредством тех различных способов действия, которые оно предполагает, элементы, которые должны были бы позволить ему поддерживать и обновлять этот необходимый вклад"⁸⁴.

Причём необходимо отметить, что, оставаясь верным своей традиции соблюдения баланса в распределении ответственности между социумом в целом и индивидом, Крозье адресует свой призыв сохранить конструктивное наследие как организованному сообществу, как системе в целом, так и каждому конкретному индивиду, понимая, что именно конкретная личность является в конечном итоге

---

⁸⁴Крозье М. Бюрократический феномен. Исследование бюрократических тенденций современных систем организации и их отношений с социальной и культурной системой во Франции. С. 234.

носителем ценностей определённой культуры, к которой принадлежит. Поэтому для того, чтобы негативные черты бюрократии "не явились прообразом будущего", необходимо приложить усилия каждому индивиду. Выражаясь языком системного подхода, можно сказать, что именно от элементов микроуровня социальной системы может зависеть направление вектора развития системы в целом в сторону гармоничного её развития. Также представляется не в последнюю очередь важным то, что Крозье остаётся верным и рациональному фактору, полагая его определяющим фактором изменения, которые должны произойти в ориентации индивида и социума в целом. "Можно надеяться, что в момент, когда изменение начинает играть главную роль, брошенный ему (французскому обществу) вызов заставит его содействовать, в свою очередь, оригинальному способу развития нового гуманизма, приспособленного к новым формам организации, новым моделям действия и новому пониманию рациональности"⁸⁵.

Для того же, чтобы перейти к вопросу об изменениях в бюрократической системе и в социальной системе в целом, необходимо рассмотреть некоторые базовые категории, лежащие в основе функционирования системы, в основе социальных отношений, одной из которых является категория власти.

---

⁸⁵Крозье М. Бюрократический феномен. Исследование бюрократических тенденций современных систем организации и их отношений с социальной и культурной системой во Франции. С. 234.

1.2. Концепция властных отношений М. Крозье в контексте развития представлений о власти в современной политологии.

Пытаясь ответить на вопрос о преодолении структурного кризиса во французском обществе, М. Крозье рассматривает бюрократический феномен в контексте властных отношений. Таким образом, феномен власти полагается им одним из центральных и системообразующих явлений. "Где власть? - задаётся вопросом он. - Она подобна хорьку, о присутствии которого все знают, но которого никто не видел в глаза"⁸⁶. В этом коротком высказывании заключается вся проблематика теории власти - знание о власти по большей части имплицитно, нежели эксплицитно, представление о власти в значительной степени бессознательны, нежели осознаны. Поэтому вопрос "Где власть?" является одним из центральных вопросов в проблематике, которую ставит и стремится решить Мишель Крозье. Поэтому нам необходимо рассмотреть феномен власти - в процессе развития теории о нём и - в тех аспектах, которые отвечают задачам нашей работы - практики его становления. Ведь для того, чтобы ответить на вопрос "Где власть?", необходимо точно знать ответ на вопрос "Что такое власть?". Сам политолог, стремясь ответить на этот вопрос и считая его основным, не скрывает, что, несмотря на многочисленные попытки объяснить феномен власти, до сих пор никому это не удалось. К такому же мнению склоняются и многие другие исследователи, так, например, В.Г. Ледяев в своём труде, посвящённом проблематике власти, отмечает целый ряд вопросов, без ответа на которые невозможно понять природу власти, прежде всего вопросы, касающиеся не только гносеологии, но и самой онтологии власти. Он поднимает такие вопросы как «Что такое власть по своей сути?», «Кто является субъектом – индивидуальным – и/или коллективным – власти?», «Каков объект воздействия власти?», «В чём сущность властных отношений?», «Каковы виды власти и в чём их специфика?» и т.д.⁸⁷. Анализируя ряд определений власти, выработанных в

---

⁸⁶Crozier M. *On ne change pas la société par décret*. P. 21.

⁸⁷Ледяев В. Г. *Власть: концептуальный анализ*. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. - 384 с. С. 7.

процессе длительных исследований и размышлений, Ледаев полагает их аморфными и неопределёнными, считая, что вопрос навряд ли будет разрешён и что "власть как фундаментальная проблема социальных и гуманитарных наук относится к числу "вечных" и всегда будет привлекать внимание исследователей самой разнообразной ориентации"⁸⁸.

Прежде чем подойти к разбору концепции власти Мишеля Крозье, нам представляется необходимым отобразить определённые вехи, намеченные исследователями данной проблематики, которые интересуют нас постольку, поскольку они помогут лучше разобраться в вопросах, поднимаемых Крозье и которые помогут углубить понимание тех аспектов феномена властных отношений, очерченных рамками работ французского исследователя.

Поскольку в дискурсе как социологической, так и политологической мысли наличествует множество теорий власти, мы остановимся лишь на нескольких. Многочисленные концепции, выдвигаемые исследователями, работающими в иных парадигмах, мы сознательно опускаем, чтобы не уходить в сторону от основной проблематики. Однако поскольку и в социологии зачастую используются заимствования концепций по проблематике власти из целого ряда других дисциплин - таких как философия, психология, биология, кибернетика, история, термодинамика и других⁸⁹ - мы понимаем важность междисциплинарного подхода и в нашем исследовании будем прибегать также и к опыту, накопленному в некоторых указанных областях научного знания.

Прежде всего стоит отметить разделение теорий власти на реляционное и атрибутивно-субстанциальное направления.

Касательно первого из отмеченных нами направлений в совокупности представлений о теории власти, реляционного, следует разницу в подходах, из которых можно выделить следующие.

---

⁸⁸Гамже. С. 5.

⁸⁹Crozier M. Le Phénomène bureaucratique. P. 194.

Прежде всего, бихевиористский подход, яркими представителями которого являются Г. Лассуэлл и А. Каплан⁹⁰, полагает власть как вид влияния в отношениях между двумя сторонами, каждая из которых проявляет в отношении другой свою волю, пытаясь навязать своё влияние. Так, один из виднейших политологов, Гарольд Дуайт Лассуэлл исходит из убеждения, что человеку априорно присуща воля к власти и обладанию "политической энергией". Человек видит во власти как средство для улучшения всех сторон своей жизни, так и самоцель, исходя из врождённого стремления. Лассуэлл, переработав психоаналитическую концепцию З. Фрейда, значительную роль для понимания властных отношений отводил бессознательному. Поскольку мы, рассматривая власть и бюрократическую систему, следом за М. Крозье, в дальнейшем не раз будем сталкиваться с влиянием бессознательного на власть, отметим эту позицию американского политолога. Продолжая взятый – в противовес «классической школе» - курс на «дерационализацию» и «гуманизацию» оценки мотивов акторов, Лассуэлл основным генератором многих политических явлений считает психику человека, и прежде всего – его индивидуальное бессознательное. «По Лассуэллу, борьба за власть - это лишь компенсация детской травмы; власть помогает преодолеть низкое самоуважение; власть объясняется в терминах компенсаторной теории политики»⁹¹. Точка зрения американского политолога важна для нас потому, что заостряет внимание на бессознательном аспекте, однако наследие фрейдизма (именно - первоочередное значение для властных отношений личной, индивидуальной психики) и значительный уклон в индивидуализм не совместимы с нашей концепцией и системным (структурно-функциональным) подходом Мишеля Крозье. Несмотря на это, мы не можем не отметить достаточно интересную типологию носителей политической власти о существовании трёх типов - "агитатор", "администратор", "агрессор"⁹², которую, если бы Лассуэлл

---

⁹⁰Lasswell, Harold Dwight; Kaplan, Abraham. Power and Society: A Framework for Political Inquiry. Yale Law School Studies, v.2. Yale University Press, 1950.

⁹¹Гнатюк О.Л. Из истории американской коммуникологии и коммуникативистики: Гарольд Лассуэлл (1902-1978) // Сборник научных трудов "Актуальные проблемы теории коммуникации" СПб. - Изд-во СПбГПУ, 2004. - 362 с. С. 14.

⁹²Азаров Н.И. Психология личности и масс // Социально-политический журнал. - 1997. № 2. С. 116-125. - С. 123.

расширил с позиции системного подхода, а не ограничился лишь исследованием индивидуальных характеристик, можно было бы применять и для того рода анализа власти, основы которого заложил Крозье.

Исходя из подобного понимания власти, представители бихевиористского подхода понимают политическую власть в качестве арбитра при столкновении индивидуальных волей - согласно их представлениям, сферы общественной жизнедеятельности становятся полем для столкновения индивидуальных волей, каждая из которых стремится захватить как можно больше власти. В таком случае политическая власть полагается чем-то особенным, отличным от власти, которую стремятся захватить индивиды - она формируется как баланс, рождённая взаимодействием различных волей, преследующих различные цели.

В отличие от бихевиористов, в соответствии с концепцией которых власть становится источником конфликтов, интеракционистский подход (Л. Козер, К. Шмитт и др.) отводит власти прямо противоположную роль в социальных отношениях, полагая, что власть является регулятором в отношениях между акторами, и именно благодаря власти не даёт общественным отношениям выйти за рамки, упорядочивая и направляя, улаживая противоречия, возникающие в результате столкновения волей отдельных субъектов и социальных сил. Рассматривая социальные и политические конфликты диалектически⁹³, Козер видит в них причину развития общества: столкновение противоречий даёт социуму импульс, толчок для некоей позитивной динамики. Таким образом, власть является источником и гарантом социального равновесия.

В некоторой связи с интеракционистским подходом находится и коммуникативный подход, выраженный Ю. Хабермасом и Х. Арендтом. Власть, по мнению представителей указанного подхода, является механизмом опосредования и сглаживания противоречий между общественными сферами жизнедеятельности, прежде всего - между частной и публичной. Власть является именно средством общения, связующим звеном и своего рода регулятором, обеспечивающим доминирование общественных интересов над интересами

---

⁹³Coser, Lewis. The Functions of Social Conflict. Glencoe, IL: Free Press, 1956.

отдельных индивидов. Сопоставляя коммуникативный подход с интеракционистским, можно отметить, что представители первого, в частности, Юрген Хабермас⁹⁴, пошли ещё дальше в идеализации власти, в придании ей некоего сакрального характера (на этом моменте нам необходимо остановить внимание, поскольку в дальнейшем феномен сакрализации будет рассмотрен нами более подробно в отношении концепции Мишеля Крозье). За это они не раз подвергались критике со стороны оппонентов. Так, датский исследователь Б. Флибберг отмечал оторванность теории Юргена Хабермаса от того, что существует в реальности, причём указать путь преодоления подобной несогласованности Хабермас не в силах. "Это... утопия коммуникативной рациональности, но не путь к ней. Хабермас упоминает нехватку "критически важных институтов", "важнейшей социализации", "нищету, злоупотребления и деградацию" как преграды к дискурсивному принятию решений, почти ничего не говоря о властных отношениях, создающих помехи, о том, как изменить власть, начать институциональные и образовательные перемены, улучшить социальное обеспечение, защитить права человека, устранить помехи"⁹⁵. Отмеченная Флиббергом оторванность, идеализирование власти, равно как отмеченная выше сакрализация её, также будут необходимы для нашего исследования как выражение определённых представлений и будут более подробно проанализировано нами ниже.

В ряду концептуальных подходов, имеющих отношение к реляционному направлению, стоит и постструктуралистский подход, представленный, впрочем, различными, не поддающимися строгой классификации представителями (равно как и само понятие "постструктурализм" как правило указывает не на схожесть его представителей, но на их отличие от представителей других направлений), поэтому упомянем здесь лишь П. Бурдьё. Позиция Бурдьё⁹⁶ и его теория власти необходима для нашего рассмотрения в том числе и потому, что некоторые

---

⁹⁴Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. А. Складнева. — М.: Наука, 2001. — 417 с.

⁹⁵Флибберг Б. Хабермас и Фуко — теоретики гражданского общества // Социологические исследования, 2000. № 2. — С. 127—136. С. 129.

⁹⁶Bourdieu, Pierre. Language and Symbolic Power. Harvard University Press, 1991.

понятия и тезисы его концепции могут быть адаптированы для лучшего понимания и применения на практике концепции Мишеля Крозье. Прежде всего стоит обратить внимание на тот тезис, что государство не осуществляет некое прямое принуждение для того, чтобы навязать свою власть индивидам, но принуждение это является символическим, через выработку определённого символического пространства, являющегося мифологией для индивида, через которую путём определённых, выгодных власти, искажённых ценностей вырабатывается определённое отношение индивида к власти, признание легитимности. Причём отношение это зачастую не является продуктом осознанного, рационального действия, но является бессознательным. Подобный феномен Бурдье выражает через понятие "габитус". "Габитус - это порождающее и унифицирующее начало, которое сводит собственные внутренние и реляционные характеристики какой-либо позиции в единый стиль жизни... Габитусы являются порождающими принципами практик - различительных и различающих"⁹⁷. То есть, определённые символические, смысловые структуры фактически детерминируют (хотя детерминация эта не является абсолютной, и за её рамки можно выйти) отношение индивидов к тому или иному явлению, в том числе - и к власти. Создавая определённое символическое пространство, власть "закладывает" в индивидов лояльность к себе. Таким образом, легитимность власти базируется не на рациональном, осознанном выборе индивида, но определяется уже ставшим бессознательным его отношением. И борьба за это отношение, за формирование этой символической матрицы оказывается важнее, нежели прямая борьба, прямое принуждение, поскольку на этих мифологемах, на символических структурах, укореняющихся в бессознательном индивида и социума, базируются представления индивида (и социума) о власти и его отношении к ней. В этом отношении символические властные представления, мифологемы индивидуального и коллективного бессознательного оказываются на поверку более реальными, нежели реальные властные отношения, поскольку последние зачастую вырастают из первых, определяются ими, хотя изначально

---

⁹⁷Шматко Н.А. "Габитус" в структуре социологической теории. Журнал социологии и социальной антропологии. Том 1, № 2, 1998. С. 60-70. С. 60

могут сформироваться именно под влиянием неких реальных властных отношений. "Символическая борьба... имеет специфическую логику... Символические властные отношения стремятся воспроизвести и укрепить реальные властные отношения, составляющие структуру социального пространства"⁹⁸.

Что касается атрибутивно-субстанциального направления, оно объединяет в себе значительную часть классиков политологической и социологической мысли и разделяемо, в свою очередь, на ряд концептуальных подходов - потенциально-волевой, инструментально-силовой и структурно-функциональный (системный) подходы.

Потенциально-волевой подход, делающий упор именно на субъекте действия, становящимся носителем, выразителем собственной власти, объединяет классиков немецкой мысли, и характерен для таких мыслителей как К. Маркс и М. Вебер. Воззрения представителей данного подхода, в частности, К. Маркса, интересны для нашего исследования помимо прочего ещё и потому, что, в противоположность рассмотренной нами позиции, в частности, П. Бурдьё, являют собой принципиально иное направление исследовательской мысли. Так, исследователь отмечает противоположные направления в эпистемологии социальных наук, таких как "объективизм и субъективизм или физикализм и психологизм (в различных его интерпретациях - феноменологический, семиологический и т.д.). С одной стороны, согласно известной максиме Э. Дюркгейма, можно "рассматривать социальные факты в качестве вещей", но тогда не учитывается, что сами социальные факты являются объектами познания - истинного или ложного. С другой стороны, можно редуцировать социальную реальность до представлений о ней... Именно Дюркгейм, а также Маркс наиболее последовательно изложил объективистскую позицию"⁹⁹.

В отличие от Хабермаса, Бурдьё, Лассуэлла и ряда других исследователей, позиция марксизма и сопряжённых с ним концепций концентрирует внимание лишь на внешней стороне, на проявлении власти, фактически - на результате, не

⁹⁸Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS, 1993, вып. 2. С. 137-150. С. 146.

⁹⁹Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть. С. 138.

стремясь проникнуть в причину, кроющуюся в ментальности носителей власти. В исследовании же власти марксизм основное внимание уделяет именно политической власти, оценивая её как правило в негативном смысле в качестве средства для классового насилия и подавления: "Политическая власть в собственном смысле слова - это организованное насилие одного класса для подавления другого"¹⁰⁰.

Значительно больше внимания власти уделил другой представитель потенциально-волевого подхода, Макс Вебер. Проблематику власти он затрагивал во многих своих трудах, таких как "Хозяйство и общество", "Политика как призвание и профессия", "Национальное государство и народнохозяйственная политика", "Парламент и правительство в новой Германии", "Протестантская этика и дух капитализма".

Власть как таковую Вебер понимал как отношение, а не как атрибут, не как принадлежность индивидов, власть, по его словам, это "вероятность того, что актор будет в состоянии реализовать свою волю в социальном отношении вопреки сопротивлению, независимо от того, на чём эта вероятность основывается"¹⁰¹.

Поскольку же жизнедеятельность общества не однородна, то, согласно Веберу, существуют различные виды власти, проникающие в различные виды отношений и в различные сферы жизнедеятельности общества: социальная власть, политическая власть, экономическая власть. Интересен подход Вебера к представлению о легитимизации власти (политической). Так, в соответствии с теорией Вебера, выделяется три типа легитимизации власти:

1) рациональный тип, который характеризуется на убеждённости индивидов в законность и разумность существующего порядка и на законном праве власти отдавать приказания и распоряжения;

2) традиционный тип, который основывается на вере в освящённость традиций и убеждённости в непреложности складывающихся веками устоев, в

---

¹⁰⁰Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. - 2-е изд. - Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. - 615с. С. 447.

¹⁰¹Weber M. Basic concepts in Sociology. New York: The Citadel Press, 1962. P. 152.

связи с этим получающий власть должен обязательно найти основание своим притязаниям на власть в традиции;

3) харизматический тип, который зиждется на вере в некую сверхъестественную наделённость носителя власти высшими качествами, в силу которых вождь получает право на власть над другими¹⁰².

Таким образом, вопрос легитимности власти, столь важный в рассмотренной нами выше концепции Бурдьё, получает иную, нежели у французского социолога и философа, интерпретацию, особенно резко заметно противоречие в отношении первого, рационального типа.

Инструментально-силовой подход, представленный такими мыслителями как Т. Гоббс и Г. Моргентау, в отличие от потенциально-волевого, делает упор в изучении не на субъекте властных отношений, но на средствах и ресурсах, с помощью которых субъект реализовывает свою власть. Впрочем, концепция Гоббса по праву занимает несколько обособленное место в длинном перечне попыток исследовать феномен власти, поскольку именно Томас Гоббс был первым, кто попытался дать специальное определение власти и исследовать как феномен, определив его свойства. Можно сказать, что именно Гоббс попытался снять с понятия власти вуаль таинственности и объяснить её с позиций рациональной науки. Согласно Гоббсу, власть - это "наличные средства достигнуть в будущем некоего блага"¹⁰³

Согласно Моргентау, власть является отношением, что отчасти сближает этот подход к проблематике власти с системным (структурно-функциональным подходом). Кроме того, внимание к психологической стороне вопроса власти сближает инструментально-силовой подход с позициями ряда рассмотренных нами выше исследователей, таких как Ласуэлл и Бурдьё. Власть (политическая), по Моргентау, это "психологическое отношение между теми, кто её осуществляет и теми, над кем она осуществляется... Это влияние проистекает из трёх источников: ожидание выгоды, боязнь проигрыша, уважение или любовь к людям

---

¹⁰²Вебер М. Типы господства и их отношение к экономике // Социологический журнал, 1988. № 5. С. 139-147.

¹⁰³Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 455-679. С. 63.

и институтам. Оно может осуществляться приказами, угрозами, убеждением, харизмой человека или института либо сочетанием любых этих факторов"¹⁰⁴.

Системный (структурно-функциональный) подход ещё более абстрагируется от субъекта, полагая власть не атрибутом субъектов, акторов отношений, но свойством системы в целом. К представителям данного подхода можно отнести таких исследователей как Т. Парсонс, Г. Алмонд и, помимо прочих, М. Крозье (стоящего, по нашему мнению, несколько в стороне в силу некоторых особенностей его концепции, о которых мы подробно будем говорить ниже). Настоящий подход, во многом нивелирующий личные качества, индивидуальность акторов, характеризуется помимо прочего и тем, что в нём снимается напряжённость морально-нравственного аспекта, характерного для потенциально-волевого и инструментально-силового подходов. В структурно-функциональном подходе телеологический фактор смещается с субъекта на безличную систему. И уже не индивид, не актер совершает какое-то целенаправленное действие для достижения своих собственных целей, но сама система регламентирует отношения элементов таким образом, чтобы достигать целей системы в целом.

Т. Парсонс уделял вопросу власти значительное внимание, но, подобно тому как исследователь, всё более углубляясь в суть вопроса, находит всё новые и новые проблемы, зачастую подходит к определению власти метафорически (как, впрочем, и Крозье). Так, в одном месте он говорит: "Власть понимается здесь как посредник, тождественный деньгам, циркулирующий внутри того, что мы называем политической системой, но выходящий далеко за рамки последней и проникающий в три функциональные подсистемы общества ... экономическую подсистему, подсистему интеграции и подсистему поддержания культурных образцов. Прибегнув к очень краткому описанию свойств, присущих деньгам, мы сможем лучше понять и специфику свойств власти"¹⁰⁵. Подобная метафоричность, конечно, может быть характерна для описания сложного и

---

¹⁰⁴Моргентау Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли: В 5т. / Под ред. Семигина Г.Ю. - М.: Мысль, 1997. С. 502-503.

¹⁰⁵Парсонс Т. О понятии "политическая власть" // Политология: хрестоматия. - М.: Гардарики, 2000. - 843 с. С. 240.

многофункционального явления, и подобные определения может себе позволить исследователь, однако мы видим в этом недостатке ясности при определении власти именно то, что видели в ней те, кто на протяжении тысячелетий пытались проникнуть в природу власти - некий символический, даже мифический (выражаясь языком Бурдьё) конструкт, который весьма сложно поддаётся десакрализации и рационализации. Парсонс стремился привязать власть к системе, стараясь этим очерчиванием границ определить границы, а тем самым и сущность самой власти. Однако в этой погоне за целым, за системой, Парсонс, как, впрочем, многие исследователи, работающие в рамках системного подхода, зачастую забывал об элементе, включённом в любую из исследуемых систем - об индивиду, о человеке как таковом.

Впрочем, некоторые представители структурно-функционального подхода понимали односторонность и ограниченность подобного рассмотрения системы с упором лишь на структуры без компенсирующего внимания к отдельному элементу, к актору. Так, Мишель Крозье пытался исправить этот недостаток системного подхода, подчёркивая важность изучения актора как отдельного элемента системы. Можно сказать, что концепция Крозье стоит несколько особняком от структурно-функционального подхода в его классическом виде и, соответственно, от ряда присущих вообще атрибутивно-субстанциальному направлению косностей.

Крозье переосмысливает властные отношения, понимая, что для целостного понимания данного рода отношений внутри общества необходимо учитывать не только свойства системы в целом, не только её подсистем, но также и отдельных элементов, особенно - элементов микроуровня, индивидов. Таким образом, внимание Крозье направлено как на микро- так и на макро- уровни системы. В целом подобный подход призван дать целостную картину властных отношений внутри определённого (именно - французского) общества. Последнее ограничение важно, поскольку Крозье также понимает, что существуют уникальные условия, характерные лишь для формирования определённой социальной общности, поэтому в процессе исторического развития определённые нация или народ

являют собой уникальную систему с собственным типом (архетипом) властных отношений.

Крозье, стремясь к необходимости подчеркнуть значимость субъекта властных отношений, в противовес большинству иных представителей структурно-функционального подхода, постулирует данность актора социального действия, обладающего рациональным расчётом, который, однако же, ограничен, поскольку строит свои отношения с прочими субъектами в контексте навязываемых системой "правил игры"¹⁰⁶. Таким образом, в основных своих положениях Крозье учитывает и микро- и макро- уровни системы, и индивид, и различные социальные институты представлены в качестве равноправных субъектов, играющих на одном поле.

Однако основная заслуга Крозье относительно феномена власти не в том, что он разрешил вопрос власти (он открыто писал, что проблема эта ещё не решена), но в том, что он явственно очертил проблему. Стремление Крозье рационализировать, ввести в поле сознания феномен власти ещё более подчеркнуло ту непроявленность, с которой сталкивается эпистемология власти. Выражаясь категориями философии, можно сказать, что стремление ясно показать феномен власти, Крозье ещё более выявил её ноуменальность. Признавая иррациональный компонент во властных отношениях, Крозье говорит о том, что отношения эти должны быть осознаны, чего не происходит.

Напротив, и в настоящее время, как и на протяжении всего развития представлений человечества о власти, основополагающим является элемент иррациональности власти, что заставляет сакрализировать и саму власть. Множество теорий власти и подходов к исследованию феномена власти только подтверждают то, что и научная парадигма на сегодняшний день не в силах разоблачить таинственность этого феномена.

Крозье отмечал, что уровень сакрализации власти и её носителей в настоящее время довольно высок¹⁰⁷. И здесь необходим

---

¹⁰⁶Крозье М. Бюрократический феномен. С. 222.

¹⁰⁷Crozier M. Étatmoderne, Étatmodeste. Stratégies pour un autrichement.

расширенный политологический и культурологический анализ, к которому прибегал и сам Крозье, но, будучи ориентирован прежде всего на современные ему властные отношения в обществе, недостаточно глубоко проанализировал развитие данного представления, хотя его вскрытие характера архетипа управления предполагает углубленный культурологический анализ проблемы власти. в частности - представления о её сакральности. "Практически вся политика в примитивных и традиционных обществах являлась закрытой сферой для общества, сферой "скрытых энергий политики", сферой "тайного знания", циркулирующего внутри закрытых социальных сетей власти", - отмечают политологи Е. С. Алексеенкова и В. М. Сергеев¹⁰⁸.

Складывающееся веками представление о власти как о чём-то священном, равно как и о сакрализации её носителей до сих пор находит отражение в социальном бессознательном, поэтому мы считаем необходимым отметить основные факты, повлиявшие на современные представления.

Ещё в традиционных обществах власть почиталась священной. Её источником так или иначе считалась божественная сфера. "Божественность, окутывающая царя, была не пустой фразой, а выражением твёрдой веры. Во многих случаях царей почитали не просто как священнослужителей, посредников между человеком и богом, но и как богов, способных оделить своих подданных и поклонников благами, которые, как правило, считаются находящимися вне компетенции смертных и испрашиваются путём молитвы и жертвоприношения у сверхъестественных, невидимых существ¹⁰⁹. Поэтому в подавляющем большинстве традиционных обществ вожди (цари, императоры и т.д.) являлись также и жрецами. "Древние цари обычно были и жрецами", - отмечает Дж. Фрэзер¹¹⁰. Древние Греция и Спарта, древний Китай, цивилизации Междуречья и Малой Азии - каждое из этих обществ подтверждает попытку слияния царской и жреческой функций. Подобные воззрения в ментальности европейских народов сохранялись и на протяжении всего Средневековья. Так, многие представители

¹⁰⁸ Алексеенкова Е. С., Сергеев В. М. Тёмный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности) // Полис, 2008. - № 3. - С. 148-165. С. 150.

¹⁰⁹ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. - М.: Эксмо, 2006. - 960 с. С. 19.

¹¹⁰ Там же.

высшего нобилитета (короли, герцоги), венчаясь короной, принимали тот или иной духовный сан. Императоры Священной Римской империи (в особенности - Фридрих Барбаросса) мечтали о том, чтобы соединить светскую и духовную власти в лице императора. Правитель Византийской империи принимал участие в соборах священнослужителей, влияя на духовную жизнь империи. Что касается Франции, то ситуация здесь была и вовсе особенной. Так, считалось, что король Франции помазывается елеем, полученным непосредственно от высших сил, король Франции считался чудотворцем и целителем¹¹¹. И даже до сегодняшнего дня мы можем наблюдать отголоски представлений того времени, когда президент Французской Республики возводится в сан "почётного каноника собора Святого Иоанна в Латеране". Это говорит о том, что представления о лицах, наделённых властью, значительно более иррациональны, чем они подпитываются более социальным бессознательным, нежели конструируются осознанно.

Подтверждение этому мы находим и в табуировании власти и облечённых ею лиц¹¹². По воззрениям носителей традиционной культуры цари, жрецы и прочие носители власти должны находиться на определённом расстоянии от прочих людей - разделение сакрального и профанного должно поддерживаться весьма строго. Подобные же воззрения сохраняются до сегодняшнего дня, и хотя зачастую они полагаются оправданными через какую-либо целесообразность, всё же их наличие - это в основном проявление всё того же древнего представления о сакральности власти. Так, неприкосновенность высших государственных служащих, их привилегированность относительно действующих для прочего населения юридических норм, подчёркнутая ограниченность доступа к высшим номенклатурным работникам, наличие чрезмерной охраны и т.д. являются доказательством того, что представление о сакральности власти продолжает бытовать в современном обществе.

Кроузе писал, что власть неуловима, и это представление также берёт своё начало в традиционных обществах. Однако попытка сознания ассимилировать

---

¹¹¹Bloch, Marc. Les rois, thaumaturges. Etudes sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Paris, A. Colin, 1961.

¹¹²Фрейд З. Тотем и табу. - СПб.: Азбука-классика, 2005. - 256 с. С. 54-56.

иррациональное представление о власти, стремление ввести его в дискурс предпринималась на протяжении тысячелетий. Однако в отличие от стремлений современных исследователей решить вопрос с помощью нарратива, в традиционных и средневековых обществах зачастую действовал язык символов. Одновременно этим подчёркивалось, что власть является некоей данностью, а не атрибутом субъекта - последний полагался лишь носителем власти. Так, империй (*imperium*) в Древнем Риме передавался лично каком-либо его носителю, и вне зависимости от качеств и свойств его носителя он полагался неизменным¹¹³. При этом наглядное вручение каких-либо атрибутов, символизирующих власть, вручалась носителю с тем, чтобы, прежде всего, показать полномочия облечённого властью лица, но также и для того, чтобы показать, что данная власть не является неотъемлемой частью индивида, но отделима от него и даже может быть отнята. Показателен пример из истории Древней Греции, когда выступающий на ареопаге не мог говорить, пока ему не передан жезл, и пока этот жезл находился в руке выступающего, никто иной не имел власти говорить. Точно так же наглядными выразителями власти являлись в средневековой Европе (в частности - во Франции) скипетр, "рука правосудия", держава, епископский посох и перстень, рыцарские шпоры и меч и т.д. Эти внешние атрибуты власти являлись показателем того, насколько, в какой степени определённое лицо было облачено властью.

Причём существование и функционирование подобных атрибутов власти говорит о том, что власть понималась не только как некий дистанцированный от основной массы атрибут, принадлежащий лишь неким высшим лицам, но как нечто, что принадлежит каждому члену сообщества. Каждый член социума, каждый элемент социальной структуры являлся носителем власти, разница была лишь в степени приобщённости к сакральному, в степени наделённости властью. Любые мелочи в регламентации жизни власть имущих были подчинены выражению этой идеи - длина плащей нобилитета и шлейфов придворных дам, количество охраны нобилия, даже количество полок в сервантах было строго

---

¹¹³Дементьева В.В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия "*imperium*" // Вестник древней истории, 2005, № 4. С. 46-75.

регламентировано в соответствии с тем уровнем владения властью, который характерен для того или иного члена сообщества. Настоящее представление можно выразить с помощью идеи, архетипа "золотой цепи", которому столько внимания посвятил А. Лавджой¹¹⁴ - наблюдается своего рода эманация власти, в соответствии с которой выстраивается иерархическая лестница, и, как принято, интенсивность эманации ослабевает с понижением этой лестницы.

М. Крозье выразил эту идею в своей концепции французского архетипа управления, говоря о том, что существует два вида власти - иерархическая и параллельная: первая выражается в официальной, регламентированной структуре власти, вторая же стремится использовать те неучтённые регламентом ниши для того, чтобы использовать имеющиеся ресурсы, или, как называет их Крозье, "источники неопределённости" для укрепления своего положения¹¹⁵.

Подобное дистанцирование основной массы от власти, прежде всего - власти политической, является одной из основных проблем современной социальной системы как во Французской Республике, так и в ряде других стран, в том числе и в России, и пока не будет достигнуто преодоление этого социального диссонанса, системный кризис современного общества не сможет быть преодолен. Сегодня в бюрократических структурах, как в "пуховике", о котором писал Крозье, тонут все идеи и начинания, призванные к тому, чтобы ликвидировать разрыв между обществом, параллельной властью, в одной стороны, и иерархической, официальной властью, с другой стороны. Подобная тенденция характерна для любой страны, где бюрократический аппарат являет собой замкнутую, закрытую систему - это касается как Франци, так и России. Вот что отмечает Т. А. Алексеева: "В середине 1990-х годов группа политологов, в которой состояла и я, написали проект проектно-интегративной идеологии. Ее смысл состоял в следующем: необходимо создать некие рамки или точнее некую структуру, в рамках которой постепенно может начаться диалог, со временем могущий привести в том числе и к общественному договору. Но тогда от

---

¹¹⁴Lovejoy, Arthur Oncken. The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea. Cambridge: Harvard University Press, 1936.

¹¹⁵Crozier M. Lephénomène bureaucratique. P. 219.

реализации этого проекта отказались, поскольку он показался слишком сложным, и времени на его реализацию потребовалось бы достаточно много. Сегодня же наш проект становится как никогда актуальным. Это не просто создание третьего сословия, это, если угодно, создание определенных институциональных рамок для диалога общества и власти... Власти сегодня необходимо открыться для общества, а общество должно открыться для власти"¹¹⁶. Именно проблема "переговоров", "диалога", коммуникации между иерархической, официальной властью и властью параллельной (выражаясь терминологией Крозье) является одной из центральных для того, чтобы преодолеть системный кризис современного общества.

Вместе с указанным процессом при формировании общественной системы властных отношений наряду с одной тенденцией - дистанцированию от сакральности власти основной массы, на всём протяжении развития властных отношений можно наблюдать другую тенденцию - стремлению власть имущих (а таковыми, как мы уже показали, являются практически все члены социума) удержать имеющуюся власть любой ценой.

Причём зачастую в различных обществах наблюдается тенденция членов социума убедить других в том, что полученная власть навсегда останется с получившим её индивидом. Так, в ряде полинезийских и африканских народностей принято отмечать уровень владения властью (выражающейся, в частности, в понятии "мана"¹¹⁷) непосредственно на теле индивида - в виде татуировок, с помощью шрамирования и т.д., то есть, полученная власть должна остаться с человеком навсегда. В европейских обществах подобный подход тоже можно наблюдать, когда атрибуты власти хоронились или сжигались вместе с умершим носителем власти. Подобный подход к властным отношениям резко отличается от того, который постулирует возможность изъятия власти вместе с её атрибутами - когда дворянская шпага ломалась над головой провинившегося, звание и награды отбирались у опозоренного военного и т.д.

---

¹¹⁶Алексеева Т.А. Власти необходимо открыться обществу, а обществу - власти / Т.А. Алексеева // Русский журнал. - 18 марта 2009. - URL: <http://www.russ.ru/pole/Vlasti-neobhodimo-otkryt-sya-obschestvu-a-obschestvu-vlasti>

¹¹⁷Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999. С. 33-37.

Указанные две тенденции - стремление общества контролировать источники власти через наделение властью определённых лиц лишь на короткое время и, противоположная ей, выражающаяся в том, чтобы лица, наделённые властными полномочиями сохраняли бы их надолго (как вариант - пожизненно), противостоят и сегодня. Так, даже в том случае, если государство придерживается демократических принципов, и члены правительства, парламентарии и другие должностные лица сменяют друг друга, после оставления должности они всё равно, как правило, не возвращаются к нормам предыдущей жизни (а у большинства из них нормы предыдущей жизни были такими же самыми, то есть, бюрократическая элита остаётся в большинстве своём неизменной). Таким образом можно наблюдать разбухание, разрастание бюрократического аппарата, и разрастание это негативно отражается на всей социально-политической жизни страны, поскольку эффективность управления не повышается, а понижается. Спускаемые центральной властью директивы тормозятся, искажаются, не исполняются либо исполняются не в полном объёме, и проследить в конечном итоге тех, кто ответственен за срыв плана, за срыв проводимой в жизнь директивы попросту не представляется возможным.

Крозь отмечал эту негативную тенденцию, этот "эффект пуховика" в общественной жизни Франции, полагая её одной из основных бед французского бюрократического аппарата¹¹⁸.

Кроме того, подобное разрастание бюрократической структуры ведёт к тому, что каждое ведомство, каждый чиновник стремится закрыться, засекретить свою деятельность, чтобы не стала очевидной бессмысленность и бесполезность его работы. Атмосфера секретности, тайны стала нормой для властных отношений, и это - ещё один архетипический момент, который характерен для архетипа управления, сформировавшегося в менталитете французской нации.

Подобная тенденция коренится в давней традиции, характерной для властных отношений и сложившейся системы представлений о них. Речь идёт об архетипическом мотиве структурирования, приручения хаоса. Воззрения,

---

¹¹⁸Crozier M. Onnechange pas la societe par decret. P. 240.

согласно которым мир вокруг является неким хаосом, что он нестабилен и движется к саморазрушению характерны не только для мифологических представлений традиционных обществ, но и для современной мифологии, более того, они характерны и для многих научных гуманитарных теорий, наделяющих также и человека неким стремлением к смерти, инстинктом смерти¹¹⁹, уделяющих слишком значительное внимание деструктивности¹²⁰ человека в ущерб конструктивным его свойствам.

Представления о сакральности власти укреплялись теми представлениями о таинственной силе власти, с помощью которых облечённые властью (цари, жрецы и т.д.) были способны обуздать хаос, структурировать нестабильный мир и даровать подданным тот порядок, которого они так желали. Этого египтяне ожидали от фараона (даже от умершего), когда он должен был помогать солнцу в борьбе против сил мрака и хаоса, этого же ожидали майя от своих жрецов, которые с помощью жертвоприношений должны были укреплять силы света и порядка в их борьбе против сил мрака и хаоса, и т.д. Каждое традиционное общество можно привести в пример для иллюстрирования проявления подобного архетипического мотива, укоренившегося во властных отношениях и через коллективное бессознательное проявляющегося в действиях властных структур и по сегодняшний день. Важность подобных действий отмечал один из известнейших социологов, Й. Хёйзинга: " С каждой удачно проведённой торжественной церемонией или победой в игре или состязании, особенно когда это священные игры, связывается в архаическом обществе явственная убеждённость в достигнутом благе, распространяющемся на конкретную общность"¹²¹.

Власти многих стран современного мира стараются вызвать у своих граждан ощущение нестабильности внешнего (лежащего за пределами страны) мира, и усилия эти тем более сильны, чем более нестабильна ситуация внутри самой страны.

---

¹¹⁹Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 2006.

¹²⁰Fromm, E. The anatomy of human destructiveness. Greenwich, Conn.: Fawcett Publications, 1975.

¹²¹ХёйзингаЙ. HomoLudens. Статьи по истории культуры. - М.: Прогресс - Традиция, 1997. - 416 с. С. 67.

Значительная часть новостных блоков (как на телевидении, так и в интернете, и в печатных периодических изданиях) посвящена новостям, отражающим в той или иной мере нестабильность окружающего мира: войны и угроза со стороны тех или иных стран; эпидемии; угрозы террористических актов; экономический кризисы или их угроза; погодная неустойчивость - стихийные бедствия, глобальное потепление, глобальное похолодание (иногда - одновременно), высыхание океанов; опасность разного рода технических разработок и внедрения их в ту или иную область производства и т.д. - список можно продолжать достаточно долго.

Таким образом, правящая элита, люди, облечённые полнотой власти, стремятся убедить граждан страны в том, что стабильности в окружающем их мире нет, что их страна является неким островком некоей упорядоченности и противостояния надвигающемуся со всех сторон хаосу. Все подобные уверения необходимы для того, чтобы убедить население в том, что верховная власть контролирует нестабильность окружающего мира, что она структурирует хаос, что она успешно овладела всеми угрожающими источниками неопределённости. Причём вовсе не обязательно, чтобы это убеждение формулировалось открыто, без вуалирования, но ощущения, вызываемые подобным информированием, подобны ощущениям, возникавшим у участников древних жертвоприношений и мистерий по структурированию хаоса. "Не следует, конечно, представлять эти чувства, - отмечал Й. Хёйзинга, - как результат ряда последовательных умозаключений. Это скорее некое жизненное ощущение". Это имплицитное знание является главным образом продуктом бессознательной деятельности, поэтому оно характерно главным образом для деятельности бессознательных конструктов, а именно, архетипа, который соотносится с конструктом, обозначенным Мишелем Крозье как архетип управления.

В теории Крозье архетипический мотив структурирования хаоса нашёл некоторое применение. Прежде всего, Крозье показывает, что, занимая определённую нишу во властных отношениях, ответственные лица создают ауру таинственности, лишая процесс управления прозрачности, замыкаясь от прочих

структур в виде некоего особого "буферного звена"¹²². Располагая таким образом выделенной им властью, ответственные лица стремятся показать, что именно их работа является наиболее ответственной, и именно от неё зависит порядок в определённой сфере. Таким образом, они позиционируют себя как экспертов в структурировании определённого сегмента хаоса.

Мы видим, что указанный архетипический мотив, характерный для представлений о власти, находит своё отражение во взглядах Крозье на так называемую иерархическую власть. Однако тот же самый мотив действует и в другого рода властных отношениях, и в данном случае концепция Крозье снова же даёт нам возможность увидеть, что исследователь учёл указанный фактор и в том типе властных отношений, которые он называет "параллельной властью".

Согласно концепции Крозье, актер стремится захватить контроль над любым доступным ему "источником неопределённости", актер проявляет стремление удержать власть, показать, что никто иной не может лучше распорядиться имеющимся ресурсом, что никто другой не сможет структурировать хаос, не сможет контролировать неопределённость лучше данного актора: "власть игрока в конечном счете зависит от контроля, который он может осуществить над источником неопределенности, влияющим на преследование целей организации"¹²³.

Таким образом, каждый участник социальных отношений становится игроком, каждый вовлечён в эту масштабную игру, "следуя естественному желанию контролировать свое окружение"¹²⁴. Вообще в описании и анализе властных отношений Мишелем Крозье прослеживается постоянное упоминание игры. И в этом отношении концепция Крозье вписывается в то направление политологической, культурологической и психологической мысли, которое рассматривает властные отношения и игру в непосредственной взаимозависимости. Так, сам Крозье отмечал, что организация бюрократической системы "представляет собой комплексную совокупность пересекающихся и независимых

---

¹²²Crozier M. La société bloquée .P. 97.

¹²³Crozier M. La société bloquée .P. 37.

¹²⁴Crozier M. Le phénomène bureaucratique .P. 269.

друг от друга игр, в ходе которых индивиды, имеющие на руках часто очень разные козыри, стараются максимально увеличить свой выигрыш, соблюдая навязанные окружением неписанные правила игры, извлекая систематическую выгоду из всех своих преимуществ и стремясь уменьшить преимущества других"¹²⁵.

Прежде всего отметим, что некоторые представители рассмотренных выше направлений теории власти были склонны рассматривать властные отношения как игру, которая определяется установленными правилами. Так, в данном контексте мы можем вспомнить уже упоминавшегося нами Поля Бурдьё. Анализируя концепцию Бурдьё, Е. Г. Морозова отмечает: "Необходимо отметить, что ... концепция "политического поля" Бурдьё переносит исследования политики из экономического в то игровое пространство, где действуют не столько расчет и познанные математические закономерности, сколько "практическое чутье", интуиция. Именно "чутье", по мнению Бурдьё, позволяет предвидеть позиционирование соперников, делает всех игроков предсказуемыми и надежными партнерами, играющими "без сюрпризов и шулерства ту роль, которая предписана структурой игрового пространства"¹²⁶. "Габитус" - те правила игры, которые структурируют, детерминируют поведение игроков и не дают им возможности (хотя в принципе возможность изменения правил присутствует, и при определённой направленности усилий акторов или при определённых внешних обстоятельствах правила игры можно изменить) выйти за очерченные рамки - именно они элиминируют "сюрпризы и шулерство".

С "габитусом" Бурдьё перекликается то определение "правил игры", которое дают исследователи П. Бэкрэк и М. Бэрэтц: правила игры - это "совокупность предопределяющих ценностей, убеждений, ритуалов и институциональных процедур, которыми систематически и стабильно обеспечивается выгода одних индивидов и групп за счёт других"¹²⁷.

---

¹²⁵Крозье М. Бюрократический феномен. С. 222.

¹²⁶Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. -М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1999. – 247 с. С. 74-75.

¹²⁷Bachrach P, Barats M. S. Power and Povetry: Theory and Practice. New York, London, Toronto: Oxford University Press, 1970. P. 43.

Исходя из исследований социальных (в том числе - и властных) отношений как игры, можно выделить несколько основополагающих элементов, среди которых - уже упомянутые "правила игры", а также "состязание" и "выигрыш". Ещё один элемент игры, который выделяет Хейзинга, заслуживает особого внимания.

"Этот последний элемент, *aardigheid* [шуточность, забавность] игры, сопротивляется любому анализу, любой логической интерпретации. Само слово *aardigheid* здесь многозначно. Своим происхождением от *aard* [природа, род, вид, характер] оно как бы признает, что далее упрощать уже нечего...Реальность, именуемая Игрой, осязаемая каждым, простирается нераздельно и наживотный мир, и на мир человеческий. Следовательно, она не может быть обоснована никакими рациональными связями"¹²⁸. Здесь мы сталкиваемся с той же самой проблемой, с которой сталкиваются исследователи в различных областях культурологии, имеющие дело с основополагающими, системообразующими, "тотальными", по выражению Хейзинги, феноменами человеческой культуры. Как правило, подобные феномены чересчур ёмки для того, чтобы быть выраженными в рамках дискурса. Характеристики подобных феноменов, когда их выражают в тех или иных понятиях, могут включать в себя оба определения бинарной оппозиции. Так, шуточность и забавность не означает, что игру не принимают всерьёз: "Серьёзность, с которой идёт состязание, никак не означает отрицание его игрового характера. Ибо оно обнаруживает все формальные, так же как и почти все функциональные признаки игры"¹²⁹. Таким образом, для игроков, для актёров, принимающих правила игры, в то же самое время открыта возможность как азартного и лёгкого вхождения в игру, с позитивной стороны, так и чересчур "серьёзного", настороженного, вызывающего скованность и иной негативный настрой. Различное вхождение в игру и пребывание в ней влияет на распределение ролей в ходе "состязания" и "получения выигрыша".

---

¹²⁸ХейзингаЙ. HomoLudens. Статьи по истории культуры. С. 23.

¹²⁹ Там же. С. 62.

"Выигрыш" ("вознаграждение") признаётся всеми исследователями игр как необходимый компонент игры. Подразумевается, что игроки настроены на получение вознаграждения за участие в игре, они вступают в игру именно для того, чтобы достичь кульминации, каковая выражается в выигрыше. "Существенная особенность игры - это её кульминация: выигрыш. Предварительные ходы делаются именно для того, чтобы подготовить ситуацию, обеспечивающую выигрыш, однако ходы при этом планируются с таким расчётом, чтобы каждый следующий шаг в качестве побочного продукта тоже приносил максимально возможное удовлетворение"¹³⁰. Подобного мнения придерживаются большинство исследователей игры. "Первичным здесь является страстное желание превзойти других, быть первым и в качестве такового удостоиться почестей... Главное- победить... Борются или играют ради чего-то. В первую и последнюю очередь это, конечно, сама победа, за которую борются и ради которой играют, но победе сопутствуют всевозможные способы наслаждаться ею"¹³¹. Однако психологический подход к проблеме игры очень важен, поэтому мы обратились к одному из классиков исследования теории игр - Эрик Берн полагал, что "вознаграждение", выигрыш может быть вовсе не тем, что обычно ожидается при победе. Люди, играющие в определённые игры, могут быть заранее настроены на собственное поражение в том смысле, что выигрыш является лишь укреплением в индивиде каких-то патологических состояний психики¹³², и, таким образом, человека не может действовать конструктивно. Заранее принимающий правила игры и вступающий в игру с заведомо "пораженческой" стратегией обречён на деструктивное поведение и деструктивную же социальную позицию. Таким образом, выступая в качестве актора во властных отношениях, такой индивид - будь то с гипертрофированной тягой к власти, или настроенный на унижительное подчинение - обречён на дисбаланс во взаимоотношениях, и его позиция (или позиция социальной

---

¹³⁰Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. - СПб.: Университетская книга; М.: АСТ, 1998. - 397 с. С. 48.

¹³¹Хейзинга Й. HomoLudens. Статьи по истории культуры. С. 64.

¹³²Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. С. 40-44.

группы, если она является коллективным субъектом социального действия) будет лишь дестабилизировать состояние системы, дисфункция будет лишь увеличиваться.

Поэтому достаточно оптимистическое настроение ряда исследователей, которые полагают, что властные отношения являются результатом рациональных расчётов, что "выигрыш" обеспечивает действительную победу и укрепляет акторов, участников игры, что столкновение интересов ведёт к укреплению и стабильности системы - такие выводы, к сожалению, не учитывают психологической составляющей игры, сущность которой вскрывал, в частности, Эрик Берн. Психологический подход необходим для рассмотрения актора властных (как и любых социальных отношений), поскольку ожидаемый результат игры, предполагаемый и предопределяемый посредством правил игры, не в последнюю очередь зависит от того типа сценария, который принят на вооружение тем или иным игроком. Любая из сфер жизнедеятельности общества, будь то политическая, социальная, культурная или экономическая, пронизана взаимоотношениями, доступными для транзакционного анализа, и взаимоотношения эти могут содержать большую или меньшую долю дисбаланса, привносимую деструктивными сценариями определённого количества акторов.

"Игры являются неотъемлемой и динамичной частью неосознаваемого плана жизни или сценария каждого человека; они заполняют время ожидания развязки и в то же время приближают её. Сценарий должен закончиться чудом или катастрофой; это зависит от того, конструктивен он или деструктивен. Соответственно игры тоже подразделяются на конструктивные или деструктивные"¹³³.

Системный (структурно-функциональный) подход должен учитывать психологический фактор в игровой стратегии акторов - элементов системы. И в данном случае Крозье, хотя и не обращался непосредственно к психологическому анализу, всё же обнаружил достаточную прозорливость при

---

¹³³Там же. С. 49.

выявлении игрового момента в своей концепции властных отношений. Придавая игре, в которой акторы находятся постоянно, которая является основой всех властных отношений, Крозье отмечал, что игра - это "инфраструктура всех систем, в которых организуется наша деятельность, включая сюда самую сложную ее разновидность — общество в целом"¹³⁴.

Психологическая концепция Эрика Берна с его глобальным транзакционным анализом игр, охватывающих широчайший спектр человеческих взаимоотношений, может стать существенным дополнением к игровой концепции Мишеля Крозье, который стремился создать классификацию стандартов взаимоотношений акторов, что, в принципе, коррелирует с задачей Берна. Крозье пытался выделить типы игровых отношений, которые можно было бы применять на производстве и во всех других формах отношений прежде всего в экономической и политической сферах. Эти "относительно стабильные модели" отношений должны были стать своего рода сценариями игры¹³⁵, по которым можно было бы сразу проанализировать дальнейшее развитие системы и, соответственно, подобрать стратегию развития для того, чтобы минимизировать дисбаланс и направить систему на путь дальнейшего положительного развития. Обращение к игровой модели позволило Крозье расширить рамки структурно-функционального подхода, равно как позволило более пристально взглянуть на актора как на равноправный объект исследования наряду с системой, что для системного подхода является существенным методологическим прорывом. Однако следует учитывать то, что фиксация внимания на психологической стороне взаимоотношений акторов, которую мы можем наблюдать у Крозье (поскольку отход от фиксации на сугубо экономических отношениях отторгается им) логически предполагает тот методологический ход, что исследователь прибегнет в рамках междисциплинарности к психологическому подходу, тем более что в психологии существуют уже разработанные концепции теории игр. И хотя сам Крозье отказался от подобного методологического хода, мы полагаем, что дальнейшее

¹³⁴Crozier M. On ne change pas la société par décret. P. 10.

¹³⁵Crozier M. Pour une meilleure gestion du tissu collectif//Où val'administration française. P., 1974.P. 209.

развитие и углубление его концепции должно вестись в связи с уже разработанными концепциями психологов, в частности - Э. Берна, Э. Эриксона, Г. Лассуэлла, К. Г. Юнга и других исследователей, которые значительное внимание уделяют психологии личности.

Тем не менее, Крозье, оставаясь в рамках политологической парадигмы, в рамках своей концепции не позволяет системе безусловно доминировать над актором, и никакой "габитус" (если применять терминологию П. Бурдьё), никакие правила игры, несмотря на их колоссальное влияние на определение вектора развития системы, не способны окончательно и бесповоротно детерминировать поведение индивида. "Никто не запрограммирован. Системы, конечно, направляют действия людей, но не детерминируют безусловно то, что они делают"¹³⁶. Таким образом, властные отношения акторов являются своего рода силовыми линиями, очерчивающими структуру и задающими тон системы в целом.

Однако в то же время подобная фиксация на психологической стороне вопроса без обращения к соответствующей парадигме (в данном случае - психологическому дискурсу) может привести к искажённому пониманию взаимоотношений акторов и, соответственно, к функционированию системы в целом. Такими искажениями страдали теории М. Фуко, Ж. Делёза¹³⁷ и прочих исследователей, которые пытались привлечь психоаналитический дискурс для раскрытия собственных теорий, полностью не владея привлекаемым методологическим и понятийным аппаратом. Так, утверждение Крозье о том, что социальные системы являются "человеческими конструктами"¹³⁸, безусловно, имеют право на существование, однако чрезмерная рационализация мотивов акторов приводит к одностороннему рассмотрению проблематики властных отношений в системе. Другую сторону, формирующую игру (в частности - её правила), мы будем рассматривать ниже, что позволит нам расширить и углубить подход Мишеля Крозье.

¹³⁶Crozier M. Les modes de gouvernements ne sont plus adaptés au monde trop complexe // Le Monde. P. 1978.26 avril.P. 11.

¹³⁷Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie 2: Mille plateaux. Paris. Éditions de Minuit, 1980.

¹³⁸Crozier, M., Friedberg, E., L'Acteur et le système, Editions du Seuil, 1981.P. 5.

Исследуя концепцию властных отношений Крозье, мы можем увидеть немало параллелей с психологическим подходом к теории игры, в частности - концепции Эрика Берна. Так, когда Крозье отмечает, что во французском обществе господствует прежде всего ориентация на замкнутость акторов и подсистем, "игра в оборону", которая, как утверждает сам исследователь, должна быть трансформирована в "игру в доверие", политолог фактически приходит к тому же выводу, к какому пришёл Эрик Берн, констатировавший существование деструктивных и конструктивных сценариев игры. Очевидно, что "игра в оборону" может быть соотнесена в деструктивным сценарием, в то время как "игра в доверие" является иным выражением конструктивного сценария игры. Таким образом, если объединить концепции Эрика Берна и Мишеля Крозье относительно игрового подхода в рассмотрении властных отношений, можно прийти к выводу, что подобный междисциплинарный подход значительно приблизил бы исследователя к раскрытию проблемы дисбаланса социальной системы, поскольку игровая теория Берна проработана значительно более основательно, в то время как Крозье лишь намечал некоторые вехи, исходя из практических исследований, но без широкой теоретической базы, которая могла бы поспособствовать выработке сценария преодоления кризиса как властных отношений, так и кризиса общества в целом.

Однако в этом и заключается методологическая неполнота структурно-функционального метода, избранного Мишелем Крозье в качестве методологического инструментария для исследования властных отношений. Дело в том, что структурно-функциональный метод, неся в себе наследие позитивизма, не стремится искать причины явления, довольствуясь данностью изучаемого феномена. Крозье, прибегая к структурно-функциональному методу, заранее ставит рамки, ограничивающие поле его исследования властных отношений, в то время как расширение этих рамок за счёт, в первую очередь, большего разнообразия методологического инструментария, и, во-вторых, более широкого использования междисциплинарного подхода, могло бы дать

значительно более значительный результат при исследовании проблематики властных отношений.

Крозье, рассматривавший, в соответствии с логикой структурно-функционального (системного) подхода, власть в основном как процесс и как отношения¹³⁹, значительное внимание уделяет элементу переговоров, полагая, что индивиды в качестве "стратегических" акторов, то есть, руководствующихся определённой целью, определённым рациональным расчётом, стремятся анализировать властные отношения исходя из указанных факторов. Мотив поведения акторов в рамках властных отношений, выявление которого необходимо в соответствии со стратегией структурно-функционального подхода, ограничивается лишь рациональным расчётом. И здесь также был бы полезен междисциплинарный подход, представляется более плодотворным обращение к тем научным дисциплинам, которые специализируются на поведении людей и мотивах человеческих поступков. В рамках подобного анализа представляется возможным учитывать опыт транзакционного анализа Э. Берна, учитывающий тот психологический факт, что рациональный расчёт зачастую скрывает за собой те скрытые даже от самого актора побуждения и транзакции, которые могут повернуть "игру" в совсем неожиданном направлении. Другими словами, рациональны мотивы акторов могут быть лишь прикрытием для других, скрытых мотивов, которые должны быть выявлены для того, чтобы уяснить степень конструктивности или деструктивности используемого актором сценария и, исходя из этого, определить реальные цели игры и ожидаемое "вознаграждение", которое может оказаться совершенно не таким, каким его представляет себе даже сам актор. И чем больше акторов вовлечено в "переговорные", то есть, властные отношения и чем дольше они остаются участниками этого процесса (ведь "власть существует тогда, когда стороны интегрируются в организованный ансамбль"¹⁴⁰, тем больше вероятность реализации той игры, которая происходит по сценарию, который уже

---

¹³⁹Crozier M. La Société bloquée. P. 34.

¹⁴⁰Ibid. P. 36.

фактически управляет игроками в большей степени, нежели сами игроки управляют процессом.

Именно этот, организационный момент полагается Крозье одним из основополагающих во властных отношениях - Крозье напрямую связывает властные отношения с отношениями организации¹⁴¹. Поэтому Крозье уделяет в своей концепции огромное внимание именно организациям, институтам, в том числе - бюрократическим. Вместе с тем в эти властные отношения вводятся те самые игровые сценарии, которые определяют отношения внутри этих организаций, равно как определяют и динамику, развитие этих организаций. "Ведь никакая организация никогда не могла и не может функционировать как машина. Её результативность зависит от способности составляющего её человеческого сообщества к координации своей деятельности рациональным образом. В свою очередь, эта способность зависит от технической развитости, но также и иногда особенно от того, как люди могут между собой вести эту игру в сотрудничестве", - отмечает Крозье¹⁴² с неизменной уверенностью в рациональный элемент отношений, и, следовательно, власти. Таким образом, любому новому актору, оказывающемуся новичком в определённой организации, приходится сталкиваться с уже устоявшимися сценариями, с уже установившимися правилами игры, которые зачастую не осознаются самими участниками. И этому новому актору приходится принимать правила игры, либо пытаться их изменить. Так, если структура, в которую он входит, неустойчива, и если сам актор является носителем некоего устойчивого сценария, то существует вероятность, что один человек сможет изменить целую организацию. На этих вероятных сценариях мы остановимся подробнее ниже.

Особо отмечая игровой аспект своей концепции, Крозье, конечно, многое не доработал, однако это не говорит о том, что ему было необходимо отказаться от констатации этого аспекта и от попытки раскрыть игровой аспект пусть даже с позиции ограниченного структурно-функционального подхода. Поэтому мы не можем согласиться с мнением некоторых исследователей, полагающих, что

---

¹⁴¹Ibid.

¹⁴²Крозье М. Бюрократический феномен. С. 222.

"Игровая" терминология не только не углубляет анализа общественных процессов, но заводит исследование в тупик и придает рассуждениям мистическую окраску"¹⁴³. "Мистическую окраску" игра концепция Крозье приобретает лишь в силу нераскрытости определённых положений, которые исследователь высказывает в качестве априорных суждений или раскрывает недостаточно полно. Однако ниже мы попытаемся исправить это положение с тем, чтобы адаптировать концепцию Крозье к той среде, к которой приблизил её сам автор. Что же касается "тупика", то мы уверены, что игровой подход к концепции власти открывает множество возможностей для лучшего понимания исследуемого феномена.

Рассматривая концепцию власти Мишеля Крозье ещё необходимо отметить, что, поскольку, согласно исследованиям французского политолога, властные отношения стоят в теснейшей связи с отношениями социальными, то власть неискоренима, власть будет существовать всегда, пока существует само общество и пока существуют социальные отношения. Невозможность избавиться от власти делает бесполезной и бессмысленной любую борьбу против власти - такую борьбу Крозье уподобляет сражению с гидрой, единственным результатом чего будет лишь вырастание новых голов взамен уже срубленных¹⁴⁴.

Стоит отметить, что подобное убеждение в неискоренимости власти может серьёзно повлиять на взаимоотношение субъектов политических отношений, на программы политических партий и на всю социально-политическую жизнь в целом. Сам Крозье говорит об этом, имея в виду, в основном, последователей марксизма - отношение Маркса и его последователей к власти как к средству для достижения целей определённого класса, что, в условиях классовой борьбы борьба за власть подразумевает дальнейшее противостояние, кто бы ни победил, носит явно негативный характер для развития общества в целом.

Однако какие бы политические силы ни находились у власти в стране (в частности, во Франции), Крозье в соответствии со своей теорией вечности

¹⁴³Спиридонова В.И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). С. 12.

¹⁴⁴Crozier M. On ne change pas la société par décret.P. 52.

власти и с уверенностью в том, что от проблемы власти неотделим элемент организации, считает необходимым обращать внимание на изменение властных отношений внутри этих организаций, прежде всего - в бюрократическом аппарате.

Глава 2.

Становление и функционирование бюрократии в рамках французской социальной системы.

2.1. Исторический аспект формирования бюрократии и развития властных отношений в рамках становления французского архетипа управления.

Проводя настоящий исторический экскурс, мы имеем в виду отсутствие цели по подробному освещению истории становления и развития бюрократии во Франции, равно как и развитие властных отношений. Данный экскурс необходим нам лишь в контексте поставленных целей и задач, поэтому мы считаем необходимым осветить лишь некоторые аспекты развития бюрократии во Франции в той мере, в какой они будут способствовать достижению поставленных в настоящей работе целей и задач.

Прежде всего данное исследование, проводимое нами в диахроническом ключе, должно помочь нам глубже раскрыть следующие аспекты бюрократической системы: время и условия возникновения бюрократической системы во Франции; особенности становления и функционирования иерархической власти во Франции; особенности становления и функционирования параллельной (переговорной) власти во Франции; причины и специфика сакрализации верховной власти во Франции; особенности властных отношений в условиях формирования стратификации общества. Указанные аспекты должны помочь нам рассмотреть более глубоко такие явления как формирование и наполнение архетипа управления, проблематика взаимодействий параллельной (переговорной) и официальной (иерархической) властью, стратификация общества как необходимый фактор функционирования французской бюрократии, неизбежность сакрализации официальной власти и другие аспекты, без которых невозможно дать достаточно полную оценку развитию и функционированию современной французской системы бюрократии.

Официальная иерархическая власть как социально-политическое явление, оставившее свой след в социальном бессознательном французской нации и

оказавшее значительное влияние на формирование архетипа управления, оформилась в период становления феодально-линьажной системы, процесс становления которой показан в ряде трудов французских историков¹⁴⁵, то есть, в Высокое средневековье (X-XIII века). Многие исследователи проявляют тенденцию к вычёркиванию данной эпохи из тех исторических периодов, которые характеризовались созданием социально-политических институтов, оказавших непосредственное влияние на развитие государственного управления и повлиявших на социально-политическую сферу современного государства. Мы уже упоминали позицию по этому поводу Макса Вебера¹⁴⁶, который предпочитал рассматривать в качестве образцов "патримониальную бюрократию" ряда древних и средневековых цивилизаций, некоторые из которых (например, Древний Китай) отделены от современности значительно большими временными пластами, нежели Высокое средневековье. Бюрократия, как и вообще система государственного управления, не рассматривается исследователями как нечто вообще имеющее место быть в Европе и, в частности, во Франции, по меньшей мере, до эпохи Позднего средневековья, предшествующая же эпоха во многих исследованиях всё ещё фигурирует как символ анархии. "Поскольку каждый лорд стремился сделать свои владения возможно более независимыми, он закрывал глаза на постепенную деградацию и распад централизованной системы сбора информации, транспорта и обороны. Бюрократия - а вместе с ней в значительной степени необходимая грамотность среди людей, не принадлежащий к религиозным классам, - почтовая служба, переписи, даже самые элементарные транспортные средства исчезли", - отмечает М. Кревельд¹⁴⁷. Однако для других исследователей, чьё мнение мы разделяем, ситуация видится иначе. Поскольку "каждый лорд", о котором писал Кревельд, разрушая централизованную иерархию, остававшуюся со времён Римской и Каролингской империй, создавал новые иерархические структуры, строившиеся по тому же принципу, но сосуществовавшие друг с другом в конкурирующем порядке при посредстве в

¹⁴⁵Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. - М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. - 376 с. С. 58-102.

¹⁴⁶Weber M. Economy and Society.

¹⁴⁷Кревельд, Мартин ван. Расцвет и упадок государства. - М.: ИРИСЭН, 2006. - 544 с. С. 70.

какое-то время слабого, но со временем всё более усиливавшегося контроля со стороны системы государственной власти. Процесс разрушения имперских структур зачастую представляют гораздо более обширным и имевшим более деструктивные последствия, нежели то было на самом деле. Как отмечает Фернан Бродель, цитируя Фюстеля де Куланжа: "Римская империя умерла, но об этом никто не знал"¹⁴⁸. Таким образом, иерархическая власть не была разрушаема полностью, но продолжала существовать в ином формате, причём эти локальные системы были значительно более важны для формирующейся французской ментальности, потому что, впитав в себя организационные принципы прежних империй (хотя и не в прежнем их виде), ассимилировав их с варварскими принципами общественной организации, они создавали то новое, что впоследствии стало основой французского архетипа управления. Так, мыслители эпохи Возрождения могли в своих трудах вспоминать античных теоретиков государства, стремясь воплотить их мечты в жизнь, но первое "Возрождение" (не считая возрождение "каролингское") было в XII веке¹⁴⁹. А Наполеон Бонапарт мог возрождать символику и принципы Римской империи, но его начинания создавались на многовековом монархическом фундаменте, и, в принципе, в его имперских преобразованиях не было ничего, чего уже не содержалось бы во французском архетипе управления, к XIX-му веку, ко времени правления Наполеона, основательно сложившемуся.

Таким образом, многие начинания, зарождение которых относят к значительно более поздним периодам - ко временам Великой Французской революции или временам Первой империи, на самом деле имеют свои корни в значительно более глубоких временных пластах, а также последствия их формирования находятся в значительно более глубоких пластах социального бессознательного. Одно из таких существенных начинаний в социально-политической сфере - это формирование иерархической власти.

---

¹⁴⁸БродельФ. Что такое Франция? Книга вторая. Люди и вещи. - М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995. - 244 с. С. 91.

¹⁴⁹ЛеГоффЖ. ЛюдовикIXСвятой. -М.: Ладомир, 2001. - 800 с. С. 522.

И хотя власть эта не была централизованной, подобная ситуация является для нас знаковой в том смысле, что иллюстрирует тот феномен в бюрократической жизни современной Франции, о котором упоминал в своей концепции Мишель Крозье. Речь идёт о стремлении различных бюрократических групп изолироваться, дистанцироваться как одна от другой, так и от центральной власти для того, чтобы сохранить определённую монополию на принятие решений и на управление в целом¹⁵⁰. Подобное выстраивание "альтернативной" иерархии, стремящейся если не противостоять, то исподволь противодействовать центральной власти является аналогом тех процессов в социально-политической жизни, которые происходили в продолжение Раннего и Высокого средневековья во Франции. Различие же в "феодах" не являлось принципиальным - как вотчины держателей земли времён каролингской монархии, так и "вотчины" бюрократов времён Пятой Республики являются источником власти для тех и для других, как одни, так и другие стремятся закрепиться насколько можно более основательно на своей "вотчине" и не подпускать к ней не только конкурентов из своего же сословия, но и представителей высшей власти. Причём эта власть не является принципиально иной по отношению к централизованной власти - это та же иерархия, но локальная, "альтернативная". И тот факт, что верховная, королевская власть не всегда допускала подобный произвол со стороны баронов, не меняет факта выстраивания иерархической власти, которая лишь распределялась иначе между французскими пэрами, из которых король (до определённого времени, о котором необходимо говорить особо) был лишь *primus inter pares* - первый среди равных. Графы, главные проводники королевской власти, находятся под контролем *missi dominici*: при случае их перемещают из одного графства в другое, чтобы они не стали расширять свои личные владения и не укоренились на одном месте... Более того, Каролинги изобретают определённую модель социальной иерархии: верные подданные и вассалы дают клятву верности непосредственно государю. Зависимость эта распространяется на все слои, вплоть до свободных

---

¹⁵⁰Crozier M. On ne change pas la société par décret. P. 240.

граждан...", - отмечал ФернанБродель¹⁵¹, фиксируя внимание на том факте, что иерархия выстраивалась с претензией на абсолютность.

Однако если, рассматривая каждое графство, маркграфство и иные административные единицы в отдельности и при этом элиминировать другие административные единицы (включая королевский домен, за пределы которого ослабевшая со временем королевская власть не распространялась), можно увидеть, что графы, маркграфы, бароны и другие нобили стремились на своих землях выстроить такую же иерархическую власть, что со временем им стало отчасти удаваться. Так, Бродель, упомянув об успехах первых Каролингов, продолжает: "И все же это сооружение весьма шатко: оно целиком, от основания до вершины, строится на власти и авторитете государя. Со смертью Карла Великого оно покрывается трещинами. При Людовике Добродушном появляются первые признаки краха. После него дела идут еще хуже"¹⁵².

Таким образом, мы полагаем, что для наиболее оптимального понимания особенностей формирования именно французского архетипа управления необходимо сосредоточить внимание не на противостоянии баронов и центральной власти, поскольку те и другие стремились к выстраиванию структур, которые войдут в архетип управления как иерархическая (официальная) власть (по определению Мишеля Крозье), но на противостоянии тех видов власти, которые и в двадцатом, и в начале двадцать первого века будут продолжать свою конфронтацию - речь идёт об иерархической (официальной) и параллельной (переговорной) власти.

Сближение социально-политических сил, которые стремились к удержанию власти в рассматриваемый период Средневековья, и тех социально-политических сил, которые мы в наше время называем бюрократией, происходит, помимо прочих факторов, ещё и потому, что и те и другие имели непосредственное отношение к организационно-распорядительной системе управления на определённой вверенной им территории. Так, описывая присвоение власти

---

¹⁵¹БродельФ. Что такое Франция? Книга вторая. Люди и вещи. - М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995. - 244 с. С. 108.

¹⁵²Тамже.

французским нобилитетом на стыке Раннего и Высокого средневековья, у исследователей есть повод говорить о переходе власти к прослойке судебнополитических сеньоров, поскольку шателены ещё прежде были наделены правами и обязанностями, во многом сближающими их с представителями определённой прослойки современной бюрократической системы, и именно шателены, как отмечал РоберФоссье¹⁵³, стремились распространить на основную массу населения Франции те принципы иерархического управления, на основании которых строилась французская сеньориальная система. Таким образом, иерархическая власть, стремящаяся в настоящее время расширить зону своего влияния абсолютно на все сферы жизнедеятельности общества, поступает совершенно так же, как поступали представители той социально-политической группы средневековья, которую можно считать аналогом современной иерархической власти.

Однако значительная часть населения Франции - главным образом, представители городских коммун, которые уже прежде получили от сеньоров (прежде всего - от королей) определённые привилегии, даровавшие свободу, не желали быть включёнными в навязываемую им иерархию. Причём мы полагаем важным заострить внимание на том факте, что принципы иерархического порядка были навязываемы не какой-либо одной структурой, но различными структурами, которые мы можем определить в целом как иерархическую власть, невзирая на противоречия между различными структурами этой официальной власти. Подтверждение нашим выводам мы можем найти и в работах других исследователей: "Тогда было немного городов, зависимых от короля: большая часть городов принадлежала баронам или церквям; а епископские города находились, всецело или отчасти, в ленной зависимости от своих епископов. Иногда светский сеньор, начальник древней крепости или соседнего с ней квартала спорил с прелатом из-за верховной власти и управления остальной части города; иногда королю принадлежала городская башня, где помещался его прево с военной командой, чтобы собирать с горожан известную дань сверх податей,

---

¹⁵³Fossier, R. *Enfance de l'Europe. Aspects économiques et sociaux*. Tt. 1 - 2 / R. Fossier. P., 1982. P. 293.

взимаемых епископом и светским сеньором со своих участков", - отмечал О. Тьерри¹⁵⁴. Стремясь к сохранению определённой доли власти и свободы (значение которых Крозье рассматривает для действий параллельной власти), горожане стремились путём переговоров (мирными средствами или силовыми) отстаивать свои свободы. При этом нужно отметить, что речь идёт не о полностью самостоятельных социально-политических объединениях, поскольку коммуны, хотя и имели определённые свободы и права на самоуправление, всё же были включены в государственную иерархию. Таким образом их стремление к переговорам с официальной властью по вопросу возвращения прежних свобод либо их расширения является процессом, аналоговым по отношению к тем, которые исследует Крозье, говоря о выступлениях современных французов, стремящихся путём переговоров вернуть привилегии, которые хочет забрать правительство, либо расширить уже имеющиеся свободы. Однако многие современные политологи отмечают неудовлетворительность современного переговорного процесса в настоящем. Однако современность далека от налаживания коммуникации между различными как политическими, так и социальными силами, что отмечается в работах многих современных политологов¹⁵⁵.

Для нашего исследования важно найти в ранних периодах формирования французского государства те самые принципы, которые Крозье полагает заслугой лишь последнего века - если мы сможем найти их в глубинных пластах французского социального бессознательного, значит, мы сможем использовать этот аргумент при анализе возможностей, открывающихся сегодня перед французским обществом относительно развития бюрократической системы и социальной системы в целом."Речь не идёт об отмене базовых властных отношений, - пишет Крозье, говоря о прогрессе властных отношений в настоящем по отношению к прошлому, - это задача нереальная и не приносящая результатов, - а, напротив, об их признании, чтобы сделать их регулируемыми и заставить

---

¹⁵⁴Тьерри О. Городские коммуны во Франции в Средние века. - М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2011. - 248 с. С. 23.

¹⁵⁵Лебедева М. М. Необходим диалог / М. М. Лебедева // MGIMO.ru/ - 2011/ - 13 декабря. - URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document214097.phtml>

стороны вступить в прямые переговоры, т.е. в коммуникацию"¹⁵⁶. Нам необходимо рассмотреть, наличествовали ли схожие принципы и в средневековом французском обществе, в частности - в рассматриваемый нами период.

Нас интересует ответная реакция населения коммун на действия иерархической власти, стремящейся расширить свои полномочия и укрепить свою власть за счёт власти и свобод членов коммуны. Нам необходимо увидеть, какова реакция частично интегрированных в систему властных отношений иерархической власти членов социальных групп на попытку разрастания системы.

В конце Раннего, первой половине Высокого средневековья взаимоотношения иерархической и параллельной власти во Франции носили нестабильный характер, система была неустойчива, колебания были часты, а периоды стабильности непостоянны. "Горожане XI и XII столетий шли прямо к республике, - отмечал О. Тьерри, изучивший огромное количество документов по разбираемой нами проблеме, - причём было безразлично кому принадлежала верховная власть над городом - королю или графу, епископу или аббату; но противодействие установленных властей скоро изменяло дело. Результатом борьбы этих двух оппозиционных сил явилось в городе смешанное правление; это всё, что было достигнуто, как говорят нам коммунальные хартии"¹⁵⁷. Мы можем видеть, что наблюдения Тьерри созвучны нашим предположениям о том, что различные иерархические власти, несмотря на некоторые разделяющие их разногласия, можно объединить согласно объединяющему их принципу, противопоставить же им необходимо именно параллельную власть.

Однако та нестабильность, которая устанавливалась в городах-коммунах, могла быть преодолена именно путём переговоров. В том случае, если стороны были готовы к диалогу, к коммуникации, именно переговоры являлись гарантией изменения ситуации в сторону стабилизации. Для примера рассмотрим подобную ситуацию в Нуайонской коммуне.

К концу XI века ситуация в городе характеризовалась той нестабильностью, которую мы описали выше. Иерархическая власть стремилась к тому, чтобы

---

¹⁵⁶Крозье М. Бюрократический феномен. С. 223.

¹⁵⁷Тьерри О. Городские коммуны во Франции в Средние века. С. 21.

ограничить свободы горожан, и положение грозило революционным взрывом. Ситуация складывалась таким образом, что различные структуры, являясь различными по существу, стремились к созданию собственных систем, но не к сосуществованию в единой системе. Однако положение изменилось, когда один из представителей иерархической власти, новоизбранный епископ Бодри де Саршенвилль в 1098 решил прибегнуть к переговорному процессу во избежание революции в городе. "По собственному побуждению Нуайонский епископ созвал собрание из всех жителей города - клириков, рыцарей, купцов и ремесленников и представил им хартию, в силу которой все жители города составляли одну постоянную ассоциацию, находившуюся в ведении особых властей, называвшихся... присяжными"¹⁵⁸. Таким образом, с помощью переговоров была предпринята попытка даже не просто определить единый вектор направления развития различных структур, но объединить их в единую систему с единой центральной властью. Подобный процесс в корне отличался от описанного выше стремления иерархической власти включить широкие массы горожан в ту иерархическую структуру, в которой они состояли сами и распространить на них те принципы организации и управления, которые лежали в основе функционирования их социально-политической структуры. В случае с Нуайонской коммуной мы видим процесс, который с помощью отношений переговорной власти привёл к реорганизации всей социально-политической системы сообщества. Причём подобное преобразование получило санкцию высшей центральной власти - Людовик леГро подписал хартию, что свидетельствовало о том, что вся социально-политическая система Франции (пусть даже только зарождавшейся, но пока не закосневшая и более склонная к преобразованиям, в том числе - конструктивным) в принципе была готова к подобному постепенному изменению, когда с помощью переговорной власти вся система в целом развивалась бы гармонично и однонаправленно.

Именно переговоры, коммуникация, явились тем фактором, который изменил систему, и именно переговоры являлись целью и в других случаях, в

---

¹⁵⁸ Там же. С. 45.

других городах и других коммунах. Даже если горожане прибегали к вооружённой борьбе, их целью была коммуникация с иерархической властью, от которой они вовсе не ставили целью избавиться совсем, они не стремились к созданию замкнутой, закрытой системы. Они стремились к созданию единой системы, но с обязательным условием, что они сами, являясь параллельной властью, будут являться подсистемой с собственной структурой и рядом особенных, уникальных функций. Так, когда в самом начале XII века жители города Бовэ решили создать в своём городе коммуну, они искали признания своих действий у епископской и королевской власти¹⁵⁹. То же самое произошло в Амьене столетием позже - в 1113-м году "епископ понял, насколько законно желание горожан достичь независимости и гарантии личной и имущественной неприкосновенности. Он милостиво и без сопротивлений уступил просьбам граждан, и вместе с ними стал ратовать за введение муниципального устройства. И муниципальное управление было введено тихо и спокойно среди всеобщей радости народа, без всяких возмущений"¹⁶⁰. Конечно, не во всех городах повторялись подобные примеры, выражающие стремление иерархической власти идти на контакт с требующей переговоров параллельной властью. Так, в Лаоне, Реймсе и других городах коммунам пришлось вступить в вооружённое противостояние с сеньорами, таким образом иерархическая власть и параллельная оказывались втянутыми в жёсткую конфронтацию. Однако и в этом случае стороны стремились к переговорам. Коммунам, желающим переговорного процесса, было тем легче достичь желаемого, что иерархическая власть имеет достаточное множество ступеней, чтобы можно было опереться хотя бы на одну из них - так, коммуны, находящиеся в вооружённом противостоянии с бароном, могли обращаться к епископу или графу, если находились в конфронтации с графом или епископом - могли обращаться к королю или папе Римскому и т. д.

Итак, мы можем видеть, что в Раннем и в начале Высокого средневековья, ещё до того, когда сформировалась сильная центральная власть в лице монарха, во Франции существовала развитая иерархическая власть. Эта иерархическая

---

¹⁵⁹ Там же. С. 47-48.

¹⁶⁰ Там же. С. 107.

власть, по принципу, действующему как в XX-м веке, так и в Средневековье, стремилась распространить своё влияние и навязать свои "правила игры" другим социально-политическим структурам, вынужденным объединяться в структуры, носящие признаки параллельной (переговорной) власти. Эта параллельная власть, в стремлении отстоять или расширить свои права, вступала в переговоры с иерархической властью. Даже в том случае, если противодействие официальных представителей вызывало вооружённые конфликты, тем не менее параллельная власть оставалась верна своей переговорной природе, пытаясь наладить коммуникацию с какими-либо представителями иерархической власти для выработки компромисса. Таким образом, мы можем делать вывод о том, что, начав формироваться ещё в Раннее средневековье, параллельная и иерархическая власти и их взаимоотношения прочно вошли во французский архетипуправления, сохраняя особенности своего функционирования и иные черты в социальном бессознательном французской нации и по сегодняшний день.

Стоит отметить, что по мере усиления централизованной власти процессы взаимодействия между официальной и параллельной властью продолжают развиваться, несмотря на усиление системы управления и организации, что, без сомнения, укрепляло иерархическую власть, усилившуюся при Филиппе Августе, Людовике IX и Бланке Кастильской. Причём именно в то время, как мы считаем, была заложена основа современной бюрократической системы, и, на наш взгляд, неправомерно относить создание бюрократии к Новому времени, как это делают многие исследователи. Сопоставляя развитие французского государства с развитием других государств, например, с Англией, исследователи склонны утверждать, что во Франции не была создана столь чёткая и жёсткая система администрации, как у её северного соседа. Так, Кревельд отмечает, что во Франции того периода "не могло быть и речи о создании единообразной администрации по английской модели. Такие короли, как Филипп II (1179-1223), Людовик IX (1226-1270) и Филипп III (1270-1285) вынуждены были действовать очень осторожно. Они поддерживали баланс между привилегиями церкви,

дворянства и городских сообществ"¹⁶¹. Однако мы полагаем, что в данном случае факты несколько неверно истолковываются. Во-первых, королевская и государственная администрация развивалась в указанный период достаточно активно и был довольно сложна, охватывая все необходимые сферы. Так, один из наиболее авторитетных исследователей истории Франции, Эдмон Фараль, описывая государственную администрацию, состоящую из "людей, чьи функции составляли часть системы, постепенно сформировавшейся в течение долгого времени", при Филиппе II, Людовике VIII и Людовике IX, отмечал высокую её развитость: "Весь этот механизм, уже очень сложный, который для своих нужд приводил в движение целую массу сеньоров и прелатов, рыцарей и клириков, секретарей и гонцов, капелланов и письмоводителей"¹⁶². Жак Ле Гофф, анализируя систему управления при Людовике IX, даёт ей очень высокую оценку: "Административно-хозяйственная система королевства работала в первую очередь на Людовика Святого. Назначение ревизоров, обязанных информировать короля о действиях его представителей, бальи и сеншалов... имело целью и следствием укрепление королевской администрации; она стала более действенной и не вызывала нареканий"¹⁶³. Можно приводить и другие свидетельства, однако, чтобы не перегружать настоящую работу, мы ограничимся приведёнными примерами для того, чтобы аргументировать нашу позицию, состоящую в том, что бюрократическая система французского государства уже была сформирована в Высокое средневековье, пик этого развития пришёлся на XIII-й век. Вобрав в себя принципы, на которых базировалась иерархическая власть более раннего периода, бюрократическая система, основывающаяся отныне на началах централизации, контролируемая монархом, в таком виде прочно вошла в социальное бессознательное французской нации и на многие столетия определила французский архетип управления, оказывая сильное влияние на социально-политическую жизнь в том числе и Пятой Республики.

---

¹⁶¹Кревельд, Мартин ван. Расцвет и упадок государства. С. 119.

¹⁶²Фараль Э. Повседневная жизнь в эпоху Людовика Святого. - СПб.: Евразия, 2009. - 432 с. С. 42-43.

¹⁶³Ле Гофф, Ж. Людовик Святой. С. 515.

Далее, мы полагаем, что действия центральной власти были "осторожны" (по выражению М. Кревельда) не по причине слабости центральной власти, но именно по причине действия переговорного начала, существованию которого в указанный период практически не уделяется значения, а большинством исследователей "переговорная власть" и вовсе не замечается. По этой причине политологи склонны относить зарождение и развитие переговорной власти к значительно более поздним периодам - как правило, к Новейшему времени. Однако мы полагаем, что именно склонность французской центральной власти к коммуникации между различными структурами иерархической власти и, главное, между иерархической властью и властью параллельной, обеспечили уникальную структуру социальной и, в том числе, бюрократической системы, образ которой прочно закрепился во французском архетипе управления. Так, если вернуться к сопоставлению развития социально-политических систем Франции и Англии, то можно увидеть, что центральная власть в Английском королевстве шла на переговоры (и то под влиянием силы) лишь с другими структурами иерархической власти, и хартии, дающие те или иные свободы, в основном расширяют права нобилитета. В то время как во Французском королевстве мы видим, что переговорный процесс затрагивал и параллельную власть - прежде всего население городов. Процесс этот, начавшийся, как мы видели, в Раннем средневековье, ещё при слабой центральной власти, лишь усилился, когда монархия стала крепнуть. В этом, как мы полагаем, состоит ещё одна уникальная черта развития социально-политической системы Франции, занимающая немаловажное место и во французском архетипе управления, влияние которого на современность постоянно подчёркивает Крозье¹⁶⁴. Переговорная природа власти очень ярко проявлялась в период становления и развития социально-политической системы, в том числе - и системы бюрократической. Такие монархи как Алиенора Аквитанская и Людовик Святой сделали всё, чтобы наладить диалог между иерархической и параллельной властью. Причём необходимо отметить такой немаловажный момент, что то влияние, которое осуществлялось

---

¹⁶⁴Crozier M. La société bloquée. P. 93, 94.

центральной властью в процессе этих переговоров, носило самый конструктивный характер - это не была борьба за навязывание каждой стороной своей воли, но это были шаги к гармоничному развитию всей системы в целом. Так, определённые трения, возникавшие внутри параллельной власти, разрешались путём переговоров именно при посредстве власти иерархической "Вмешательство короля в городские дела участились. Ордонансы свидетельствуют о масштабе действий городских властей. Наблюдается тенденция подпадания городов под королевский контроль. Как правильно заметил У. Ч. Джордан, королевской правительством обнаруживается "вечно живой моральный интерес к коммунальной администрации"... Речь идёт о том, чтобы в городах царил порядок и справедливость. Людовик и его советники были возмущены финансовыми махинациями богачей, управлявших городами в своих интересах, эксплуатируя бедняков"¹⁶⁵. И при этом городам предоставлялось огромное по важности право участвовать в формировании не только собственной, но и государственной политики, что свидетельствует о беспрецедентных успехах власти переговоров: "Людовик Святой предоставил представителям городов право участвовать в принятии важных решений наряду с баронами, единственными, с кем до тех пор совещались в рамках феодального совета"¹⁶⁶. Таким образом, верхние уровни иерархической власти, помимо того, что содействовали налаживанию переговорного процесса и вовлечению параллельной власти в общую властную систему, формировали гармоник, которые, "задавая тон" нижним ступеням власти, задавали направление для всей социальной системы в сторону конструктивного и в целом гармоничного развития. Тот процесс, который описывал Крозье с помощью концепции гармоник в веке XX, в XIII столетии имел место и функционировал точно также, только действуя в совершенно ином ключе, задавая абсолютно иной вектор развитию системы. Так, если в XX - начале XXI века во Франции гармоник создают "узлы блокад", удерживающие всю социальную систему в косном, заблокированном состоянии, то в Высоком средневековье гармоник

---

¹⁶⁵Ле Гофф, Ж. Людовик Святой. С. 500.

¹⁶⁶Там же. С. 501.

способствовали открытости подсистем и их включению в общую систему таким образом, что как на макро-, так и на микро- уровнях властные взаимоотношения характеризовались положительной динамикой.

Приблизительно в тот же период истории Франции в социальном бессознательном формировался другой образ, который прочно вошёл в архетип управления и который сохраняется и в наше время - образ высшей власти как сакральной. "Мы всё ещё продолжаем сакрализовать Государство и высших чиновников"¹⁶⁷. Однако подобные выводы, без сомнения, подтверждающиеся реалиями современной социально-политической жизни, должны быть приняты с особыми оговорками. Современное общество сакрализирует высшую власть совсем иначе, нежели это было во времена формирования архетипа. Диахронический метод показывает, что сакрализация власти в лице французского монарха являлась сакрализацией не самого короля как самостоятельной личности, но короля как носителя идеалов, ценностей, стоящих за королём. Другими словами, король являлся (должен был являться) воплощением, проводником определённых ценностей и идеалов. Если применить к данной ситуации схему, выработанную системным подходом, о которой мы будем подробно говорить ниже (во втором разделе настоящей главы), то можно сказать, что король как структурный элемент макроуровня является для микроуровня проводником (можно сказать - передатчиком гармоник) определённых элементов мегауровня. Король является сакральной фигурой лишь по той причине, что он является носителем ценностей, признаваемых более существенными, нежели личность короля и институт монархии в целом, и особенное положение (относительно этих более высоких ценностей), в котором оказался французский король, обеспечивало ему в глазах французов значительный авторитет даже перед иными европейскими монархами: "Впоследствии король Франции, как единственный коронованный непосредственно Святым Духом, примет титул "христианнейшего" и, когда авторитет императорской власти сойдёт на нет, назовётся "первым из королей христианского мира"", - писал Жак Ле Гофф о начальном этапе формирования

---

¹⁶⁷Crozier M. Etatmoderne, Etatmodeste. P 164.

королевской власти во Франции¹⁶⁸. Кроме того, французский король полагался чудотворцем: в частности, французскому королю приписывалась сила исцелять больных золотухой¹⁶⁹. Немаловажный и, возможно, первоочередной момент в раскрытии представлений о правителе, является воззрение о мессианской роли короля, а чрез него - мессианской роли Франции в целом. И хотя монарх не упоминался непосредственно как мессия, его связывали с теми библейскими персонажами, которые являлись ключевыми в священной истории¹⁷⁰.

Различные атрибуты королевской власти (такие, например, как "рука правосудия"), сама символика короля Франции говорит о том, что монархическая власть являлась выразителем, проводником определённых высших ценностей и идей.

Однако укоренение в социальном бессознательном положительных представлений о центральной власти не отвечает на вопрос, почему французский менталитет и по сегодняшний день столь устойчив к бюрократическим институтам в целом, во всей совокупности бюрократических структур. Ответ на этот вопрос отчасти может дать тот факт, что рядом с сакральной фигурой короля постоянно присутствовали образы приближённых монарха - пэров, легендарных паладинов Карла Великого, выдающихся полководцев времён Карла VII-го и т.д. Кроме того, наследование бюрократическим аппаратом некоторых функций, присущих прежде иератическому сословию, теперь, после секуляризации общественной жизни, также обеспечивает за бюрократией право управлять и являться привилегированным социальным образованием. Последовавшая в Новое время секуляризация социально-политической жизни сделала бюрократию наследником двух прежде соперничавших сословий, существовавших практически в каждом традиционном и средневековом обществе.

Очень мощный фактор, влияющий на сакрализацию бюрократии в целом, а не только высшей власти состоит в том, что бюрократия, как и высшая власть, также со временем стала восприниматься как "проводник" неких высших

¹⁶⁸Ле Гофф, Жак. Рождение Европы. - СПб.: Александрия, 2007. - 398 с. С. 55.

¹⁶⁹Bloch, Marc. Les rois, thaumaturges. Etudes sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Paris, A. Colin, 1961.

¹⁷⁰ЛеГофф, Ж. Людовик IX Святой. С. 297-307.

ценностей, как посредническая структура макроуровня между мега- и микроуровнями. И наш диахронический анализ показывает это достаточно ясно. Помимо собственно управленческих функций право определять аксиологические приоритеты, ценностные установки общества вплоть до Нового времени в большинстве обществ делили между собой иератическое сословие и воинская знать, причём первая как правило доминировала в почти постоянной борьбе за монополизацию выработки ценностных основ жизнедеятельности общества в целом¹⁷¹. Со временем процесс секуляризации социальной жизни сохранил право на определение аксиологических приоритетов за извечным конкурентом жречества - светской властью, сформировавшей бюрократический аппарат. И именно бюрократия стала наследником той функции, которая прежде практически целиком принадлежала жречеству (право царей и иных представителей воинского сословия на определение аксиологических приоритетов было по сути тем же жреческим правом, поскольку в традиционном и средневековом обществах почти повсеместно высшие представители воинского сословия так или иначе были связаны с сословием священнослужителей, зачастую провозглашаясь жрецами). Поскольку монополизация определения ценностной основы жизнедеятельности общества представителями замкнутых от прочего общества структур прочно вошла в тот самый "архетип управления", тем легче было наследникам жречества сохранить за собой это право, и тем легче массам было перенести свои ожидания в аксиологической сфере в секуляризованном обществе на новую прослойку. Таким образом, бюрократии, по сути, не пришлось завоёвывать то право, которое жречеству зачастую приходилось отстаивать в непростой борьбе. Определённые же сопутствующие формированию бюрократии факторы - такие как замкнутость, привилегированность, торжественность, церемониальность, обозначение избранничества круга бюрократов и прочее - ещё более укрепили в массах представление о бюрократии как преемнике иератического сословия. "Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в её собственной среде её иерархической организацией, а по отношению к

---

¹⁷¹Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община древнего мира. -СПб.:Научно-популярная библиотека, 1906. - 459 с. С. 203-206.

внешнему миру — её замкнутым корпоративным характером”¹⁷², - отмечал Маркс, и до сегодняшнего дня дух бюрократии не изменился. Всё это позволяет нам говорить о том, что сакрализация бюрократии является проекцией сакрализации иератического (и отчасти воинского) сословия, и эта ментальная установка прочно укоренена в социальном бессознательном и во французском архетипе управления.

Однако сама по себе бюрократия не является единым социальным образованием, и политологи, анализируя бюрократические структуры, отмечают отсутствие единства внутри бюрократии, внутренние противоречия между отдельными структурами, стремление к замкнутости и нежелание решать сообща даже общие вопросы¹⁷³. Генезис настоящего феномена достаточно сложен, и рамки нашей работы не позволяют рассмотреть вопрос в целом, однако один из факторов мы должны осветить, чтобы показать степень укоренённости феномена в социальном бессознательном. Фактор этот имеет тем более непосредственное отношение к рассматриваемой нами проблематике, что он упоминался, помимо других политологов Крöße - так, последний отмечал, что до сегодняшнего дня среди традиционных буржуазных ценностей большое значение придаётся аристократическому происхождению, которое резко противопоставляется "торгашеству". Следует отметить, что корни подобного взаимоотношения между различными социальными прослойками уходят в глубь веков французской истории. Мы не станем рассматривать зарождение этого конфликта, которое приходится на средневековье, и лишь вкратце рассмотрим проблему в рамках того периода, когда противостояние это обострилось в виде конфронтации "дворянства меча" и "дворянства мантии".

Социальный конфликт двух сословий - рыцарства и бюргерства, имевший место со времени возвышения бюргерства в эпоху Средних веков, всё же не приобретал формы явного соперничества, пока бюргеры, какими бы они ни были зажиточными, всё же оставались в рамках своего сословия. Однако ситуация коренным образом изменилась, когда в Новое время правители стали окружать

---

¹⁷²Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 272.

¹⁷³Crozier M. On ne change pas la societe par decret. P. 240.

себя не только людьми дворянского происхождения, но и выходцами из иных сословий, причём, на наш взгляд, одним из основных факторов недовольства со стороны дворян, стало то, что бюргеров возвышали не за заслуги (что случалось и прежде - и в Раннее, и в Высокое, и в Позднее средневековье, и не вызывало нареканий со стороны рыцарства, ценившего те качества, за счёт которых простолюдины бывали приближаемы к сеньорам), но за деньги. "В отличие от чиновников при предыдущих правителях, европейские бюрократы в ранний период Нового времени не были ни священниками, ни рабами, и не обязательно аристократами... Начиная с Франции и Папского государства, в большинстве стран этот способ был вытеснен системой, при которой должности продавались лицам, предложившим за них наивысшую плату"¹⁷⁴.

Мы можем видеть, что именно Франция задавала тон в методах формирования нового типа бюрократии. Выше мы рассматривали, что точно также в прежнее время, в Средневековье, Французское королевство было образцом в создании модернизированной административной системы, модели которой отчасти перенимали другие государства: "Рост бюрократического аппарата также означал, что традиционное управление двором более не соответствовало своим задачам. Первый известный нам указ об управлении двором, послуживший образцом для подражания при дворах других государей, был издан во Франции Людовиком IX в 1261 г."¹⁷⁵.

Однако если мы могли сделать вывод о том, что форма иерархической власти (и её взаимодействие с властью параллельной), сформированная в Высоком средневековье, являлась конструктивным социально-политическим образованием и способствовала развитию социальной системы в целом, то теперь мы можем сделать вывод, что в Новое время Франция стала на путь создания достаточно опасной модели, которая, будучи принята и другими европейскими государствами, спровоцировала бюрократический кризис, продолжающийся до наших дней. Так, многие отрицательные принципы функционирования бюрократии, с которыми пытаются бороться в настоящее время (зачастую лишь

---

¹⁷⁴Кревельд, Мартин ван. Расцвет и упадок государства. С. 165.

¹⁷⁵ Там же. С. 164-165.

формально либо довольно слабо), были заложены в систему европейской бюрократии именно в Новое время. Помимо прочего, это касается проблемы коррупции и расхищения чиновниками вверенных им средств.

Именно в Новое время правители решили принять на вооружение политику "соглашаться на систему компенсации, связывая исполнение этой должности с определёнными правами, соответствующими источниками вознаграждения и монополии... Должности превратились в частную собственность... Должности можно было покупать, продавать или, по желанию, иным образом передавать другим лицам. За исключением высших уровней иерархии, где выбор интендантов полностью зависел от королевской воли, методом продвижения по служебной лестнице было извлечение прибыли из обладания каждой должностью и использование её для покупки более высокого поста и так далее, пока чиновник не добирался до самых высот"¹⁷⁶.

Таким образом, мы видим, что в раннее Новое время формировалась та система бюрократии, которая стала основой для современной, и все те негативные черты, которые исследователи выделяют в нынешней бюрократической системе, были заложены, более того - санкционированы центральной властью, ещё несколько столетий назад. Вместе с тем мы считаем ошибочно утверждать, что бюрократическая система как таковая зародилась лишь в Новое время. Мы считаем верным тезис о том, что в Новое время произошёл системный кризис, перелом, в корне изменивший структуру и функции бюрократической системы, сформировавшейся ещё в предшествующий период, в эпоху Средних веков, доказательства чему были приведены нами выше, в начале настоящего раздела.

Перелом в бюрократической системе, произошедший в начале Нового времени, не мог не затронуть интересов определённых слоёв, бывших прежде привилегированными, но теперь испытывавших давление со стороны того сословия, считавшегося раньше неблагородным. Бюргерство (причём не обязательно лучшие его представители) теперь считали себя равней дворянству, однако противостояние между сословиями сохранилось, что отражалось и в

---

¹⁷⁶ Там же. С. 165-166.

терминологии - "дворянство меча" (аристократы) и "дворянство мантии" (простолюдины, приобретшие свой высокий статус за счёт должности, как правило - за деньги) противостояли друг другу на протяжении очень долгого времени, и противостояние это, касавшееся различных принципиальных позиций¹⁷⁷, сохранилось, хотя и в менее обострённой форме, до сегодняшних дней как противостояние "аристократизма" и "торгашества" в современном французском обществе.

И это только один пример раскола в самой бюрократической системе. Оставаясь в рамках приведённого примера, можно отметить, что даже все последующие попытки слияния различных бюрократических структур не привели к созданию единой системы, поэтому исследователи тщетно стремятся отыскать такую систему - подобные попытки сродни стремлению представителей классической школы найти пример идеальной бюрократии. Так, анализируя положение, сложившееся во французской бюрократической системе Нового времени и описанное нами выше, Е. В. Осипова пишет: "Положение патримониальных чиновников было чрезвычайно устойчивым, королевская власть не могла полностью подчинить их себе... Провинциальные чиновники постоянно саботировали решения центральной власти, не отвечавшие их интересам... Интенданты постоянно соперничали с патримониальными чиновниками и представителями местной знати, но не могли поставить их в подчинённое положение. Параллельное существование двух групп чиновников, одна из которых обладала значительной автономией, препятствовало созданию единой централизованной бюрократической иерархии"¹⁷⁸.

И только лишь после реформ Наполеона Бонапарта произошли какие-то существенные изменения во властных отношениях. Однако даже Наполеон не смог привести бюрократию в состояние единения, последствия чего видимы и в сегодняшней бюрократической системе, состоящей из разрозненных структур, объединённых зачастую скорее искусственно и формально, а на деле

---

¹⁷⁷Новоселов В. Дуэльный кодекс: теория и практика дуэли во Франции XVI века // Одиссей. Человек в истории. М., 2001. С. 216-233. С. 218.

¹⁷⁸Осипова Е. В. Бюрократия: "идеальный тип" и реальность // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. - М.: ИФРАН, 2008. - 195 с. С. 70.

разъединённой, имеющей вид, образ которого очень точно подсказал Мишель Крозье, говоря о структуре "пчелиных сот"¹⁷⁹.

Выделенные нами лишь некоторые основные черты, вошедшие в качестве определяющих во французский архетип управления, а также основное время их формирования, важны для понимания того, что архетип управления не сформирован только лишь теми факторами, которые стали определяющими в формировании облика преобразованной бюрократической системы, резко изменённой в Новое время.

При проведении исследования нам необходимо понимать, что в социальном (и, в том числе, политическом) бессознательном французской нации, помимо существующих на сегодняшний день черт бюрократии, в значительной степени являющейся наследницей преобразованной системы именно Нового времени, всё же до настоящего времени существуют и те образы, которые определяли облик изначальной бюрократии, бюрократии Средневековой Франции, и эти образы всё ещё могут вернуться и изменить современную бюрократическую систему, повернув её на тот путь, которым она шла достаточно долгое время - с рубежа Раннего и Высокого Средневековья вплоть до окончания эпохи Средних веков.

Именно в выявлении тех положительных черт бюрократии, которые проявляли себя в истории, но которые не утвердились, именно в их внедрении в современность, в нынешнюю жизнь бюрократической системы, видел смысл исследования Мишель Крозье. И это стремление исследователя мы будем иметь в виду, когда ниже будем рассуждать о характерных чертах французской бюрократии.

---

¹⁷⁹Crozier M. On ne change pas la societe par decret. P. 22.

2.2. Общество как система: структура и функционирование.

Представление об обществе как о системе является краеугольным в социальных науках. Такие исследователи как Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Поппер, М. Крöse и другие рассматривали общество как систему. Подходы их различались в деталях, однако все они действовали в рамках одной общей парадигмы.

В нашем исследовании мы следуем тому же принципу, поскольку, следом за упомянутыми исследователями, полагаем его наиболее действенным для рассмотрения социальной структуры в выбранном нами ключе. Системный подход позволяет рассматривать общество во всей его сложности. Выстраивание иерархических уровней, их соотношение и функционирование позволяет анализировать как сложные структуры высших иерархических уровней, так и элементы низших уровней, в первую очередь - самого человека.

Структурно-функциональный анализ даёт исследователю достаточно широкую свободу действий, поскольку позволяет сосредоточить внимание на определённых аспектах системы, выделяя определённые необходимые для решения поставленной проблемы уровни, но в то же время не позволяет исследователю чересчур узко смотреть на проблему, рассматривая её в достаточно широком контексте, поскольку выстроенная в несколько иерархических уровней система предстаёт во всей своей сложности.

Нам необходимо показать структуру рассматриваемой нами социальной системы, и мы представили её в виде трёх соотнесённых уровней. Система французского социума представлена нами в виде мегауровня, макроуровня и микроуровня.

1) мегауровень - уровень, в котором в качестве структурных элементов выступают ценности (идеалы)

2) макроуровень, базовыми элементами которого являются властные, бюрократические институты ("иерархическая власть");

3) микроуровень, элементами которого выступают индивиды, члены определённой социально-политической группы.

Исследование системы в указанном ключе выбрано нами по двум причинам. Во-первых, подобное трёхчастное деление системы прослеживается в теориях маститых политологов и социологов, таких как Т. Парсонс¹⁸⁰, а также и в концепции М.Крозье, для которого такие составляющие как индивид, институты и "правила игры" являются основополагающими. Впрочем, не только для политологии и социологии характерны подобные построения системы - избранная нами схема наблюдается в теории систем как одна из основных.

Так, выделив "креативную триаду" системы и описывая принцип её функционирования, В. Г. Буданов выводит следующую формулу: «"управляющие сверхмедленные параметры верхнего мегауровня" + "короткоживущие переменные низшего микроуровня" = "параметры порядка, структурообразующие долгоживущие коллективные переменные нового макроуровня"»¹⁸¹.

В качестве низшего уровня (микроуровня) нами рассматривается функционирование индивидов, их сознательная деятельность. Именно индивидуальное сознание, его деятельность является решающим фактором, доминирующим на этом уровне и влияющим на другие уровни системы.

Далее, высший уровень (мегауровень), в котором действуют «сверхмедленные управляющие параметры» представлен совокупностью ценностных архетипов, "правил игры", поскольку данные структурные единицы являются наиболее постоянными параметрами, изменяющимися весьма медленно (например, в течение жизни нескольких поколений) либо не изменяющиеся вовсе (базовые архетипы).

Для понимания функционирования системы немаловажно определить базовые элементы системы, то, о чём С. Крапивенский говорил следующее: "В социальной философии издавна идет поиск элементарной "клеточки" социальной системы, то есть такого "простейшего образования", с анализа которого было бы правомерно начинать исследование системы в целом. Короче говоря, философы и социологи давно ищут нечто аналогичное физическому атому или биологической

---

¹⁸⁰Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94-122.

¹⁸¹Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 232 с. С. 60.

клетке. В самом таком поиске ничего зазорного нет. Все дело в том, чтобы в результате было найдено образование, отвечающее научным критериям в этом отношении (подобно тому, как отвечает им "товар" в политической экономии). В качестве примера "от противного" сошлемся на "социальный атом", сконструированный основоположником социометрии Я. Морено, который определял его как совокупность индивида и тех лиц, с которыми он эмоционально контактирует в каждый данный момент"¹⁸². Предложенное Морено определение мы полагаем чересчур узким для нашей системы, однако именно в этом направлении следует искать "базовый элемент системы", и большинство учёных, проводивших исследования в рамках совершенно разнонаправленных подходов, так или иначе подходят к вопросу отношений как базовых элементов системы. "Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу"¹⁸³. Именно отношения являются ключевым фактором и для представителей структурно-функционального подхода, поэтому мы в настоящей работе также базируемся на отношениях как одном из основополагающих факторов для функционирования системы.

Именно отношения являются основополагающим фактором в различных направлениях системного подхода, представленных в современной науке, даже если эти подходы являются разнонаправленными. Так, функционализм, представленный такими исследователями как Т. Парсонс, Э.Дюркгейм, А.Малиновский, Р.Мертон, К.Эрикссон и другими, являющийся структуралистской концепцией единства общества, и, с другой стороны, конфликтология, развиваемая в работах К.Маркса, М.Вебера, Л. Козера, Р.Дарендорфа и иных исследователей, считаются противостоящими концепциями. Однако по сути эти два подхода дополняют друг друга в рамках диалектического противостояния. Конфликтология, развившаяся в ответ на слишком идеализированное представление социальной системы функционалистами, явилась дополнением для того, чтобы социология и политология выработали

---

¹⁸²Крапивенский С. Э. Социальная философия. 3-е изд., исправленное и дополненное. - Волгоград: Комитет по печати, 1996. - 352 с. С. 58.

¹⁸³Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 214.

наиболее полное представление об отношениях. Так, дополняя друг друга в противостоящих концепциях, политологическая мысль продолжала утверждаться в том, что именно отношения являются одним из базовых элементов, изучая которые, исследователь придёт к наилучшему пониманию функционирования социальной системы в целом. Так, например, Б. Малиновский отмечал, что социология - это наука, которая исследует не что иное, как именно человеческие отношения¹⁸⁴. То же можно сказать и о политологии, учитывая некоторые мнения, уже отмеченные выше, о том, что властные отношения являются одними из определяющих отношений вообще.

Однако следует особо отметить, что мы полагаем представленные выше позиции касательно системных отношений чересчур узкими. Учитывая особенности иерархических уровней, составляющих систему, мы видим наличие отношений не только между индивидами. Подобный вид отношений, упомянутый Марксом, Морено и др., характерен для микроуровня системы - именно микроуровень состоит из индивидов в качестве структурных единиц. Несколько иного рода отношения существуют во взаимодействии различных уровней. И если в отношениях между макро- и микро- уровнями можно увидеть отношения, подобные приведённым выше, то относительно мегауровня ситуация видится несколько иной. Узость подобного вида отношений отмечал и Парсонс: "В определённом смысле любое действие можно рассматривать как действие личности. Тем не менее такие подсистемы как организм и культура, содержат существенные элементы, которые не могут быть исследованы на индивидуальном уровне"¹⁸⁵.

При исследовании общества как системы нам необходимо иметь в виду и важность другого аспекта, определяющего существование самой системы. Речь идёт о самих компонентах системы, структурных единицах различных её уровней. В науке сложилась довольно парадоксальная ситуация, когда исследователи стремились ответить на вопрос, что именно первично в системе, что именно

---

¹⁸⁴Малиновский Б. Научная теория культуры. — М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2005. — 184 с. С. 15.

¹⁸⁵Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. С. 94.

определяет её свойства - компоненты (элементы) или отношения между ними¹⁸⁶. Ситуация тем более парадоксальна, что само функционирование системы предполагает необходимость наличия как элементов (компонентов) иерархических уровней системы, так и определённых отношений и между элементами одного уровня, и между различными иерархическими уровнями (подсистемами) системы. Таким образом, если мы (следуя в особенности за представителями функционализма, ввиду избранного нами методологического инструментария) первичное внимание уделяем отношениям в социальной системе, тем более, что отношениям (властным отношениям в первую очередь) уделял огромное внимание Мишель Крöße, мы не должны элиминировать важность самих компонентов системы, элементов различных иерархических уровней, между которыми устанавливаются отношения (в том числе и властные), но необходимо иметь в виду оба этих подхода, образующих в конечном итоге диалектическое единство.

Учитывая вышесказанное, при определении функционирования системы необходимо иметь в виду, что выступающие в качестве структурных элементов мегауровня (как определяющего уровня системы) ценности (идеалы, архетипы) играют очень важную роль, выступая зачастую в качестве цементирующих, либо, напротив, расшатывающих систему факторов. Так, рассуждая о справедливости как об одной из основополагающих ценностей (идей), Т. А. Алексеева отмечает: "Справедливость может быть понята... как меняющееся соотношение равенства и свободы. Обе крайности резко обостряют несправедливость. Слишком много равенства означает утрату свободы. Слишком много свободы приводит к разбалансировке всей системы, скачкообразному росту неравенства. Иными словами, здесь необходимо вечное стремление к равновесию"¹⁸⁷.

Структурные элементы мегауровня имеют, помимо собственно аксиологического, также ещё и онтологический аспект, о котором писали такие

---

¹⁸⁶Садовский В. Н. Основания общей теории систем.- М.: Наука, 1974. 280 с. С. 102-106.

¹⁸⁷Алексеева Т.А. Справедливость - сквозная идея всей истории человеческого общества : [отрывок из доклада] / Т.А. Алексеева // Мировой политической форум в Ярославле. - 2011. - URL: www.mgimo.ru/gpf-yaroslavl/210294.phtml

исследователи как В.П. Бранский¹⁸⁸, П.И. Новгородцев¹⁸⁹ и другие. Наше исследование продолжает указанные традиции, и мы, вслед за упомянутыми исследователями полагаем, что, отвечая на один из основополагающих в системном анализе вопрос о субъекте действия¹⁹⁰ - вопрос "кто действует?" в системе, следует выделять не только лишь личности, но также и социальные институты (относимые нами к макроуровню системы), а также и те структурные единицы, из которых формируется мегауровень системы - ценности (идеалы, архетипы). Так, например, подтверждая наш тезис, С. Крапивенский отмечает: "Дело в том, что объективной реальностью являются не только отношения материальные, но и духовные. Объективность отнюдь не тождественна вещественности (кстати, ни грана вещественности нет и в большинстве материальных отношений), объективность означает только одно: данный феномен существует вне меня, отражаясь моим сознанием. А разве не являются такой объективной реальностью духовные отношения, соответствующие уровню, содержанию и состоянию общественного сознания своей эпохи?"¹⁹¹. Учитывая это, как и то, что структурные элементы мегауровня являются "долгоживущими", нам представляется важным отметить особенный вид взаимоотношений как между мега- и макро- уровнями, так и между мега- и микро- уровнями. Мегауровень выступает в качестве архетипического базиса, хранителя определяющих структур, формирующих направления развития прочих уровней. Это подтверждает уже цитированный нами выше исследователь, говоря об "управляющих сверхмедленных параметрах верхнемегауровня", которые, сформировавшись на протяжении жизней поколений, в свою очередь определяют жизнь последующих поколений.

Анализируя взаимодействие различных уровней системы, Парсонс отмечал, что система культуры ни при каких обстоятельствах не может быть создана только лишь индивидом, каким бы даром не обладал этот индивид, кроме того, жизнь самих этих элементов культурной системы намного превосходит жизнь

---

¹⁸⁸Бранский В.П. Искусство и философия. - Калининград:Янтарный сказ, 1999. - 704 с.

¹⁸⁹Новгородцев П.И. Нравственный идеал в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902.

¹⁹⁰Маркарян Э. С. Вопросы системного исследования общества. - М.: Знание, 1972. - 300 с. С. 48.

¹⁹¹Крапивенский С. Э. Социальная философия. С. 61.

одного индивида, исчисляясь целыми поколениями людей. Индивиду в системе Парсонса, в отношении уже созданных прежде ценностей, сформулированных образцов культуры отводится достаточно скромная роль: "Индивид научается им в основном пассивно, хотя и может привнести в них незначительные созидательные (или деструктивные) изменения. Более общие культурные образцы обеспечивают системе действий высокоустойчивые структурные опоры, в достаточной мере соответствующие генетически заложенным свойствам вида. Они связаны с усваиваемыми элементами действия точно так же, как гены - с врождёнными признаками"¹⁹².

Таким образом, игнорировать онтологию мегауровня не представляется возможным, и об этом говорят исследователи разных поколений, разных направлений и разных дисциплин. Признавая реальность структурных элементов мегауровня, следует с особым вниманием рассматривать отношения, которые генерируются взаимодействием между мегауровнем и макроуровнем, но особое внимание необходимо уделить тем отношениям между компонентами мега- и микро- уровней. Подобное внимание к данному виду отношений обуславливается тем фактом, что ценности, формирующие "правила игры", идеалы, становящиеся архетипами, укоренёнными в социальном бессознательном, воздействуют прежде всего на личность, на сознание (и бессознательное) индивида, то есть, на микроуровень системы.

Что же касается макроуровня системы, то его место в системе во многом определяется свойствами именно мега- и микро- уровней. Выражаясь языком философии, можно сказать, что мы имеем схему, в которой высший и низший уровни формируют средний, подобно тому как в Платоновской онтологии «сверхбытие» и «небытие» формировали собственно «бытие». Настоящее утверждение очень важно с системном анализе, предпринимаемом в отношении социальной системы, поскольку макроуровень имеет значительное влияние в отношениях с микроуровнем (а именно отношения между макро- и микро- уровнями, минуя мегауровень, анализируются чаще всего), и без объективного

---

¹⁹²Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. С. 95.

подхода сложно преодолеть впечатление, особенно сильно влияющее на обывательское сознание, что в отношениях трёх иерархических уровней социальной системы именно макроуровень, структурными элементами которого выступают социально-политические институты, является определяющим, доминантным в отношении прочих. Однако более тщательный анализ показывает, что основополагающими являются мега- и микро- уровни, макроуровень же формируется в результате их взаимодействия, и действует он до тех пор, пока во время какого-то мощного кризиса системы не будет уничтожен, и в таком случае «возникает прямой контакт микро- и мега- уровней, рождающий макроуровень с иными качествами»¹⁹³.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в период "гомеостаза" (ровного, стабильного развития системы) наибольшим влиянием пользуется макроуровень, и именно потому, что общество как правило находится в состоянии достаточно стабильного состояния, не вызывающего стирания макроуровня системы (в том числе и в настоящее время), создаётся впечатление, что именно макроуровень является определяющим по преимуществу, хотя в период, характеризующийся нестабильностью, необходимо иметь в виду, что науке, отвечающей за развитие и конструктивное функционирование общества, каковой является политология, необходимо уделять значительное внимание определяющим иерархическим уровням системы, которые играют ключевую роль в кризисные периоды социальной системы.

Итак, для того, чтобы наш системный анализ социальной системы французского общества был полным и актуальным, продолжая традиции, заложенные в системном подходе Мишелем Крозье и другими политологами, нам необходимо рассмотреть как компоненты различных иерархических уровней социальной системы, так и отношения между мега- макро- и микро- уровнями. При этом нам необходимо иметь в виду те перечисленные выше особенности элементов каждого из указанных уровней, и, кроме того, следует

---

¹⁹³Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. С. 61.

учетью особенностей функционирования самих уровней, как в период гомеостаза, так и в период кризиса системы.

2.3. Мегауровень системы.

Рассмотрим некоторые особенности развития и функционирования мегауровня системы. В рамках нашей работы не ставится целью всесторонний анализ функционирования данного иерархического уровня, равно как и всесторонний анализ его компонентов. Рассмотрение мегауровня интересует нас постольку, поскольку оно отвечает целям и задачам нашего исследования. Прежде всего, нас интересуют те структурные элементы настоящего иерархического уровня системы, которые выступают в качестве формирующих компонентов "правил игры" для функционирующей бюрократии (бюрократических институтов макроуровня) и для индивидов как акторов властных отношений, являющихся структурными компонентами микроуровня системы.

Сразу же необходимо отметить, что в политологической парадигме существует определённый вакуум относительно исследования структурных компонентов мегауровня. Они либо элиминируются исследователями, либо недооцениваются. То же касается отношений, связывающих мегауровень с прочими уровнями системы (равно как и с другими системами). "Что же касается взаимодействия системы со своей социальной средой, то вполне понятно, что возмутителем спокойствия здесь монопольно выступает фактор антропогенный. Так обстоит дело и в связях с внешней, внесистемной социальной средой, и со средой внутрисистемной... Экономика, например, разваливается не только по причине разрыва традиционных хозяйственных и финансовых связей, но и из-за превратившегося в беспредел расхищения государственного и общественного имущества, регресса здравоохранительной деятельности, рассогласования управляющей подсистемы и т.д. В своей совокупности функционирование "вразнос" каждой из подсистем, если таковое будет продолжаться, грозит вылиться во всеобщий распад социальности и самый натуральный геноцид"¹⁹⁴.

Таким образом, мы видим, что прежде всего исследователи видят в качестве основополагающего уровня либо микроуровень, либо макроуровень. Однако мегауровень всё же, как мы показали в предыдущем разделе, влияет очень сильно

---

¹⁹⁴Крапивенский С. Э. Социальная философия. С. 75.

как на макроуровень, так, в ещё большей степени, на микроуровень. Причём чем далее развивается общество, тем большее влияние оно испытывает со стороны идей и ценностей мегауровня. Так, В. Вернадский отмечал: "Биосфера перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние - в ноосферу, перерабатывается научной мыслью социального человечества"¹⁹⁵, и, как известно, Вернадский придавал огромное значение ноосфере как определяющему развитию человечества феномену.

Однако мы хотим отметить, что рассматривать ноосферу в целом как один из иерархических уровней не входит в задачи настоящей диссертации, поэтому мы выделим прежде всего те компоненты, которые выступают в качестве составляющих "правил игры" для акторов властных отношений и для бюрократических институтов. Нас интересуют определённые компоненты социального бессознательного, прежде всего - тот феномен социального бессознательного, который Мишель Крозье определил как архетип управления.

Прежде всего необходимо определить сам феномен социального бессознательного.

Анализ социального бессознательного необходим для достижения поставленных нами задач по раскрытию французского архетипа управления. Архетип не может быть ассимилирован обыденным сознанием, поэтому менталитет народа формируется во многом именно благодаря бессознательной составляющей. Так, по замечанию Ф. Грауса, «ментальности» не зависят от мышления (сознания), «а, значит, "ментальности не могут быть сформулированы их носителями", не могут быть "непосредственно переданными в виде традиции" или заученными»¹⁹⁶. Поэтому архетип управления, укоренившийся в менталитете французской нации, может быть полностью вскрыт и детально изучен лишь при анализе социального бессознательного французского народа.

---

¹⁹⁵Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. Кн. 2. - М.: Наука, 1977 - 191 с. С. 21.

¹⁹⁶Эксле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. - М.: Новое литературное обозрение, 2007. - 360 с. С. 35.

Для ряда политологов и социологов оперирование понятием "социальное бессознательное" является привычным при анализе тех или иных феноменов социальной жизни. Так, введённое в широкий научный обиход ещё Эрихом Фроммом¹⁹⁷ указанное понятие дало дополнительные возможности для проникновения в пласты менталитета масс, играющего значительную роль во всех сферах жизнедеятельности общества. Однако, хотя сближение Фроммом социального бессознательного с индивидуальным бессознательным З. Фрейда открывает вытесненные комплексы идей и представлений определённого социума, всё же подобная трактовка является неполной. Так, опираясь на концепцию Фромма, мы можем предположить вытеснение в бессознательное определённых компонентов архетипа управления в сознании французского народа после революции 1789 года, в частности - компонентов, касающихся сакральной власти короля (что облегчило, при сохранении вытесненных комплексов в социальном бессознательном, упразднение республиканских форм правления и заменой её диктатурой Наполеона Бонапарта). Однако на наш взгляд, социальное бессознательное не ограничивается лишь вытесненными элементами ментальной структуры социума, что позволяют утверждать и работы ряда современных исследователей, стремящихся исправить чрезмерный уклон прежней обществоведческой науки в сторону узко-рационального компонента¹⁹⁸. При этом отечественная исследовательская мысль даёт нам возможность понять социальное бессознательное как совокупность сложившихся исторически представлений народа, необязательно вытесненных, но остающихся как правило за пределами анализирующего сознания, однако, неотделимых от массового сознания и обладающих значительной устойчивостью: "массовое бессознательное обладает большой устойчивостью и инерционностью", отмечал доктор социологических наук В.Г. Немировский¹⁹⁹. Некоторые исследователи определяют данный феномен как стержень, задающий направление развитию социума, некоторые же

---

¹⁹⁷Фромм Э. Из плена иллюзий (Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом). М., 1991. - 148 с.

¹⁹⁸Тощенко Ж.Т. Социальное настроение - феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования, 1998. № 1.

¹⁹⁹Немировский В.Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования, 2006. №2. С. 16.

определяют его такими терминами как социогены, как своего рода "ценностный геном"²⁰⁰.

Понимаемый в таком ключе феномен социального бессознательного рассматривается как носитель компенсаторной функции, что сближает его с понятием коллективного бессознательного, изучаемого психологами юнгианской школы. "Социальное бессознательное содержит свои внутренние законы организации и упорядочивания социума, которые складываются из прошлого социального опыта, представляя собой немаловажный регулирующий социальные процессы механизм... В периоды нарастания социального напряжения и усложнения социальных процессов массовое бессознательное способствует удержанию устойчивости трансформирующего общества посредством опоры на универсальную систему коллективных представлений, образов, стилей поведения, тем самым снижая риск окончательного разрушения социальной системы"²⁰¹.

Вообще же всесторонний анализ социального (коллективного) бессознательного возможен лишь в рамках междисциплинарного подхода. Так, основоположник теории коллективного бессознательного, Карл Густав Юнг отмечал, что «рано или поздно ядерная физика и психология бессознательного должны будут сблизиться, по мере того, как они, независимо друг от друга и продвигаясь в противоположных направлениях, будут осуществлять прорыв на территорию трансцендентного: одна – с помощью понятия атома, другая – посредством понятия архетипа»²⁰².

Концепция Мишеля Крозье, будучи интегрирована в указанное выше направление научной мысли, представленного такими отечественными исследователями как А.И. Субетто, С. И. Григорьев, М.А. Розов, В.Л. Романов и т.д., сможет быть лучше адаптирована для понимания процессов развития общества.

---

²⁰⁰Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. - СПб.: Питер, 2005. - 267 с.; Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1994. - 168 с.

²⁰¹Анциферова Т.Н. Массовое бессознательное как фактор социальных изменений // Теория и практика общественного развития, 2009. № 3-4. С. 165.

²⁰²Юнг К. Г. AION, XIV, 412. М.: Рефл-бук, 1997. С. 285.

Являющееся предметом анализа для Мишеля Крозье французское общество в настоящее время находится в состоянии нестабильности, следовательно, вскрытие пластов социального бессознательного, обладающего компенсаторной функцией, является безусловно актуальным. Поэтому стоит несколько расширить тот культурологический анализ, который был предпринят Мишелем Крозье при определении французского архетипа управления.

Прежде всего, на что обратил внимание Крозье, это благосклонность французов к абсолютной власти. Анализ этого феномена представлен нами в разделе 2.1., поэтому мы не будем повторяться, констатировав лишь то, что корни этой бессознательной традиции уходят в глубокое прошлое французской нации. Это чувство сопровождало французов во все века и во все эпохи, несмотря на видимые изменения в форме государственного правления. Так, именно это обеспечило выдвижение Наполеона и коронование его императором, это явилось одной из основных причин реставрации монархии, и это же повлияло на то, что с окончательным утверждением республиканского строя правления в стране установилась сильная президентская власть.

Итак, архетип управления социального бессознательного французского общества включает в себя те сакрализованные традицией элементы, которые дают иерархической власти несомненную легитимность. И даже в том случае, если общественное сознание толкает массы на противостояние с иерархической властью, социальное бессознательное (по крайней мере все представленные здесь составляющие архетипа управления) будет всячески препятствовать эскалации конфликтной ситуации между массами и властными структурами.

Это подтверждает и анализ Крозье, который говорит о нежелании масс выступать непосредственно против власти, сталкиваясь с нею лицом к лицу.

Однако если современная французская ментальность достаточно явно коррелирует с рассмотренными выше компонентами социального бессознательного, нельзя не обратить внимание на непроявленность в настоящее время одного из существенных элементов социального бессознательного французского общества, который имеет непосредственное отношение к

формированию французского архетипа управления, являясь его основой, своего рода матрицей. Речь идёт о женском архетипическом компоненте, важность которого для социального бессознательного отмечается исследователями²⁰³.

Для данной проблемы является необязательной непосредственная связь с гендерной проблематикой, однако актуальность последней является лишь подтверждением непроявленности женского компонента - "анимы", выражаясь языком психоанализа²⁰⁴.

В исследованиях Крозье данная проблема находила некоторое отражение, однако мы полагаем, что французский политолог уделил ей недостаточное внимание, как правило, лишь констатируя результаты, но, не обобщая их и не делая выводов.

Так, он передаёт слова одной из сотрудниц Парижского финансового агентства, относящиеся к руководству профсоюзов: "Нас защищают мужчины, которые не понимают наши проблемы (как женщин) со всей точностью, и не всегда входят в наше положение"²⁰⁵.

Однако когда речь идёт о женском архетипическом компоненте, подразумевается нечто большее, нежели гендерный вопрос. Подразумевается та самая бессознательная совокупность женских образов, которая, точно так же как и рассмотренные нами выше компоненты архетипа управления, является регулирующим и управляющим фактором в жизнедеятельности социума - носителя данных архетипов.

Анализируя динамику женского компонента в социальном бессознательном французской нации, можно утверждать, что проявленность его в историческом развитии Франции была особенно сильна (до определённого времени).

В ряду основных образы, выражающих "аниму" социального бессознательного именно французского народа, можно прежде всего упомянуть "Fleurdelys", являвшийся символом самой Франции. Далее, Universitas, представлявший собой предмет гордости Франции не только в Средние века, но и

---

²⁰³Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. - СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. - 461 с.

²⁰⁴Юнг К.Г. Эон. М.: Академический проект, 2009. С. 21-34.

²⁰⁵Crozier M. Le Phénomène bureaucratique. P. 43.

в настоящее время, и являвшийся средством для реализации того самого *translatiostudii*, которое французы возлагали на себя в качестве вселенской миссии, и который являет себя сегодня главным образом в Сорбонне, также имеет своей основой женский архетипический компонент. В этом ряду могут быть упомянуты образы святых - покровительниц того или иного города, или же всей Франции в целом. Прежде всего, это - святые Женеви́ева и Жанна д'Арк.

Женский компонент социального бессознательного, на который опирался и архетип управления, был настолько силен, что даже коренная ломка традиционных ценностей, произошедшая во время революции 1789 года, не смогла вытеснить его вовсе, но произошла лишь замена образов.

Так, после показательной "казни" святой Женеви́евы, когда её мощи были разрублены революционерами, после упорной дискредитации Вольтером и иными интеллектуалами образа Жанны д'Арк, после отвержения французской Лилии, после отторжения "матери"-Церкви возникла настоятельная необходимость возникновения иных женских образов, без чего было просто немыслимо рождение новой культуры.

Именно тогда возник знаменитый образ, воплощённый Эженом Делакруа в картине "Свобода, ведущая народ", именно тогда в коллективном сознании укрепился образ Марианны, и по сегодняшний день сохраняющий, пусть и значительно ослабевшую, сведённую лишь к символической, но всё же значимость для французской нации.

Однако культурологический анализ показывает, что с течением времени напряжённость образов революционной Франции ослабевала, и сегодня образ Марианны уже не вызывает того отклика, который вызывал два века, или даже столетие назад.

Однако поскольку бессознательное обладает компенсаторной функцией, рано или поздно недостаток женского компонента в жизнедеятельности общества (и, в частности, в социально-политической жизни, регулируемой архетипом управления) проявил бы себя через настойчивое внедрение женского элемента в различные сферы социальной жизни. И некоторые проявления этого процесса мы

можем наблюдать теперь. Так, Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечают следующее: "В последние десятилетия произошло одно из самых радикальных изменений в культурной сфере за всю историю — переход к гендерному равенству... Особый накал противоречий вызывает вопрос о том, должны ли мужчины считаться более пригодными на роль политических лидеров, чем женщины. В целом большинство населения планеты по-прежнему отдает предпочтение мужчинам, однако в постиндустриальных обществах доля людей, придерживающихся противоположной точки зрения, уже составляет большинство — и оно постоянно растет, а среди молодежи стало просто подавляющим"²⁰⁶.

Социально-политическая жизнь Франции в настоящее время испытывает некоторое воздействие со стороны женского элемента архетипа управления. Паритетное распределение между политиками мужского и женского пола министерских портфелей (17 портфелей из 34-х получили представительницы слабого пола) в кабинете, возглавляемом Жан-Марком Эро; выдвижение Сеголен Руаяль на пост президента Франции и поддержка её кандидатуры почти половиной граждан - подобные события являются подтверждением защищаемой нами гипотезы. Причём архетипический контекст настоящих событий политической жизни может проявляться через аллюзии к неким глубинным женским образам социального бессознательного, уже отмеченным нами выше. Так, характерно сопоставление фигуры Сеголен Руаяль с образом Жанны д'Арк, так же как и высказывание самой Сеголен Руаяль о том, что "скоро появится много Жанн"²⁰⁷

Один из присущих французскому социальному бессознательному архетипическим мотивов, и по настоящее время являющийся, пусть и имплицитно, определяющим французскую политику - как внешнюю, так и внутреннюю, является мотив мессианства. Мессианство Франции проявлялось в открытости миру и в постоянном стремлении нести другим странам какие-то идеалы. Это проявилось в эпоху крестовых походов. Это проявилось и в

---

²⁰⁶Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. - М.: Новое издательство, 2011. - 464 с. С. 89.

²⁰⁷Долгополова С. Фаворитка // Политический журнал. - URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=5709&issue=161>

воззрениях на Францию как хранилище мировой мудрости, в принципе *translatiostudii* - принципе преемственности знаний - от Греции, через Рим²⁰⁸. И французы рассматривали свою страну как кладезь знаний, которыми должно делиться со всем остальным миром. Проявлялось это также и в период после Французской революции, когда французы считали себя избранным народом, призванным нести Европе новые, революционные ценности. Проявляется это и теперь, когда центральная власть заявляет о безоговорочном приоритете ряда высоких ценностей и её стремлении содействовать распространению этих ценностей в мире, что демонстрировали, в частности, высказывания Франсуа Олланда во время его первого визита в Москву в качестве Президента Французской республики.

Мессианство Франции было представлено и в её гербе - по мнению Мишеля Пастуро лазурное поле, усеянное золотыми лилиями - это образ бесконечности вселенной, это космический узор, делающий Францию представителем высших сил²⁰⁹.

Мессианство Франции сегодня выражается во многом в тех ценностях, которые являются структурными элементами мегауровня, однако анализ "экспорта" ценностей не является прямой задачей нашего исследования, поэтому нам необходимо прежде всего рассмотреть те ценности, которые взаимодействуют с макро- и микро- уровнями социальной системы французского общества. И прежде всего в отношении ценностей и идеалов как структурных компонентов мегауровня необходимо отметить, что они во многом являются одним из наиболее существенных "источников неопределённости", которые являются одним из краеугольных понятий концепции Мишеля Крозье.

Поскольку развивавшаяся система неоднократно испытывала нестабильность, генерируя в себе различные ценности, определяющие различные возможные варианты развития системы, как макро-, так и микро- уровни могут испытывать влияние совершенно различных по своей направленности ценностей.

---

²⁰⁸Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. С. 272.

²⁰⁹Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. - СПб.: Александрия, 2012. - 448 с. С. 273.

Каждый индивид может выбирать идеалы, содержащиеся в мегауровне. И в иных случаях даже самой жёсткой фильтрации макроуровня, являющегося как бы центральным и претендующим на посредничество между двумя другими уровнями, может быть недостаточно для того, чтобы отслеживать воздействие мегауровня на микроуровень. Следовательно, сами структурные элементы мегауровня являются мощным источником неопределённости, способным вызвать нестабильность системы в случае, если значительное количество индивидов в качестве структурных элементов микроуровня станут являться носителями определённых ценностей, противоречащих идеалам, одобренным структурами макроуровня, бюрократическими институтами.

Поэтому бюрократические структуры стремятся минимизировать возможности "вторжения" несанкционированных макроуровнем идей, вполне следуя в этом словам Шатобриана, утверждавшего, что "нашествие идей может оказаться опаснее, нежели нашествие варваров". Перечислим некоторые из способов, с помощью которых бюрократический аппарат стремится обезопасить себя от распространения недопустимых для макроуровня ценностей. Одним из способов не допустить распространение в обществе нежелательных идей является усиление идеологического компонента в образовательной и прочих отраслях государственной политики. Другим способом является монополизирование государством права законотворчества (как правило - при сохранении видимости демократического процесса формирования законодательной базы). Третий способ - стремление заклеить наиболее опасные для бюрократии ценности как резко отрицательные и опасные для народа, а то и человечества в целом. Ещё один - довольно парадоксальный - способ заключается в том, чтобы вызвать иллюзию существования находящейся за пределами ценностей бюрократической структуры, пребывающей, пользуясь выражением Ницше, "по ту сторону добра и зла". Крозье отчасти останавливался на этом противоречии, говоря о том, что нельзя разделять сферы жизнедеятельности общества на том основании, что, будто бы, ценности принадлежат только социальной сфере, а, к примеру, к экономике они не имеют никакого отношения. Однако это заблуждение ряда

исследователей требует более пристального внимания, поскольку игнорирование, а зачастую и сознательное вынесение за скобки аксиологического компонента (обращение к аксиологическому подходу считается рядом исследователей чуть ли не дурным тоном, недостойным внимания науки) означает исключение из поля исследования одной из значительнейших составляющих развития социальной системы. Так, политолог Клод Лефор стремился показать аксиологическую индифферентность бюрократических структур. В частности, он отмечал: "Государственная бюрократия приспосабливается к самым разным режимам, доказательством чему является пример Франции, где она остается замечательно устойчивым феноменом со времен Первой Империи. Подтверждение того же факта находим и в том, что в периоды войн бюрократический персонал завоеванных стран совершенно естественным образом используется иностранными властями и продолжает выполнять свои административные функции. Бюрократия в принципе индифферентна к интересам и ценностям, которые отстаивает какой-либо политический режим"²¹⁰. Факты, аргументирующие позицию Лефора, очевидны, однако они могут служить основой для совершенно иных выводов. Основные ценности, лежащие в основе политических режимов начиная от Первой империи заканчивая Пятой республикой, несмотря на привнесение или элиминирование ценностей второстепенных, могут оставаться (и действительно остаются) прежними. Кроме того - и этот аспект очень важен для понимания рассматриваемой проблемы - остаётся прежним стремление бюрократии к выработыванию такой скупулёзной идеологической системы, которая, перерабатывая архетипические ценности (как революционные, так и традиционные, развивавшиеся из обычного права, королевских законов, права городских коммун и других источников), низводит их до мёртвой буквы в том запутанном своде правил, регламентирующих повседневную жизнь социума в интересах бюрократического аппарата, порождая то самое "бюрократическое безумие", о котором говорит Крозье. Так, принципы этатизма, использование оппозиции "свой-чужой", архетипа Мудрого старца в

---

²¹⁰Lefort Cl. *Éléments d'une critique de la bureaucratie*. Paris, Droz, 1971. P. 294.

отношении к главе государства являются лишь малой частью тех ценностей, которые используются в качестве аксиологической основы в практически любом государстве, поэтому даже в случае оккупации одним государством другого бюрократическая машина, генерирующая развившуюся из указанных и ряда прочих ценностей нужную ей идеологию, сможет даже при смене власти по-прежнему ровно и бесперебойно исполнять свои прежние функции.

За социальными структурами, выделившимися из остального общества и поставившими себя над ним, то есть так или иначе оформившимися в макроуровень системы, традиционно признаётся право если не генерирования, то по меньшей мере оформления основополагающих ценностей общества, регламентирующих его жизнедеятельность и обеспечивающих нормальное его функционирование. Вплоть до Нового времени в большинстве обществ это право делили между собой жреческая и светская власти, причём первая как правило доминировала в почти постоянной борьбе за монополизацию выработки ценностных основ жизнедеятельности общества в целом²¹¹. Со временем процесс секуляризации социальной жизни сохранил право на определение аксиологических приоритетов за извечным конкурентом жречества - светской властью, сформировавшей бюрократический аппарат. И именно бюрократия стала наследником той функции, которая прежде практически целиком принадлежала жречеству (право царей и иных представителей воинского сословия на определение аксиологических приоритетов было по сути тем же жреческим правом, поскольку в традиционном и средневековом обществах почти повсеместно высшие представители воинского сословия так или иначе были связаны с сословием священнослужителей, зачастую провозглашаясь жрецами). Поскольку монополизация определения ценностной основы жизнедеятельности общества представителями замкнутых от прочего общества структур прочно вошла в тот самый "архетип управления", о котором говорит Крозье, тем легче было наследникам жречества сохранить за собой это право, и тем легче массам было перенести свои ожидания в аксиологической сфере в

---

²¹¹Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община древнего мира. С. 203-206.

секуляризованном обществе на новую прослойку. Таким образом, бюрократии, по сути, не пришлось завоевывать то право, которое жречеству зачастую приходилось отстаивать в непростой борьбе. Определённые же сопутствующие формированию бюрократии факторы - такие как замкнутость, привилегированность, торжественность, церемониальность, обозначение избранничества круга бюрократов и прочее - ещё более укрепили в массах представление о бюрократии как преемнике иератического сословия. "Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в её собственной среде её иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — её замкнутым корпоративным характером"²¹², - отмечал Маркс, и до сегодняшнего дня дух бюрократии не изменился.

И в настоящее время от иерархической власти, принадлежащей бюрократии, ждут приверженности ценностям, тем ценностям, которые во все времена считают высокими. Причём все попытки бюрократии дистанцироваться от ценностей не встречают понимания в обществе. Вовсе неправомерно считать, будто от власти ожидают лишь "рационального расчёта" - того самого, который является одним из центральных понятий в исследовании Крозье. Бюрократия должна быть привержена высоким ценностям, в том числе ценностям моральным. "Над государством стоят некоторые высшие нормы, которым оно должно подчиняться, из которых оно черпает и свое оправдание, и свои руководящие начала"²¹³, - отмечал П.И. Новгородцев, выражая осознанную или бессознательную позицию масс. О подтверждении устойчивости этой позиции свидетельствует во-первых, то, что любые политические группы приходили к власти используя в своих лозунгах (революционных или предвыборных) высокие ценности. Во-вторых, мы можем наблюдать, насколько щепетильно относится электорат к члену бюрократической системы, запятнавшему себя каким-либо скандалом, и чем более высокую ступень в иерархии занимает запятнавший себя чиновник, тем больший резонанс находит его дело в обществе. Примеры пристального внимания общества к получившим огласку скандальным эпизодам

²¹²Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 272.

²¹³Новгородцев П.И. Государство и право. // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. 75. С. 510-511.

личной жизни Доминика Стросс-Кана, президента США Билла Клинтона и прочих видных политиков являются ярким тому подтверждением. Тот же момент, что само определение бюрократии зачастую как у исследователей, так и у обывателей вызывает негативные коннотации, следует интерпретировать как ещё одно доказательство того, что от власти ожидают значительно большего, нежели то, что она являет собой на сегодняшний день, ведь критику вызывает именно то, что должно быть изменено, а не то, что должно оставаться таковым.

Как бы ни критично относились обыватели к власти, от неё ждут движения, параллельного общему вектору системы - тому, каким он видится индивидам как элементам микроуровня. Ведь для гармоничного развития динамичной системы, какой и является общество, все три уровня должны развиваться, и развиваться в едином направлении (именно для того, чтобы контролировать возможные направления развития, бюрократия и пытается с помощью идеологии свести к минимуму воздействие ценностей как источников неопределённости). Поэтому когда определённые ценности воспринимаются значительной частью граждан как очевидные, воплощения этих ценностей в жизнь ждут именно от бюрократической системы, и именно к власти обращаются призывы проводить в жизнь требуемую политику. Характерным примером этому могут служить волнения во Франции в 1968 году.

Анализ лозунгов и призывов, обращённых к правящим кругам, показывает, насколько общество зависимо от бюрократического аппарата, насколько микроуровень зависим от макроуровня. Даже те ценности, для воплощения которых вполне можно (и даже нужно) обойтись без иерархической власти, индивиды не могут (или не хотят) принимать и перерабатывать лишь собственными силами, им необходимо, чтобы за них это сделала система. Так, например, лозунги "Творчество, Непосредственность, Жизнь!", "Вся власть - воображению!" и другие подобные им²¹⁴, несмотря на то, что должны иметь адресатом лишь каждую непосредственную личность, всё же были политизированы и обращены к бюрократической структуре.

---

²¹⁴URL: voxfree.narod.ru/slogan/political.html

Подобное обусловлено именно "управленческим архетипом", характерным не только для Франции, но и для большинства других народов и цивилизаций в целом, что было отмечено нами выше. И именно подобное отношение к бюрократии как к иератическому сословию заставляет массы ждать от власти системного внедрения требуемых ценностей.

Рассматриваемый пример свидетельствует и о том, насколько бюрократия показывает свою несостоятельность в вопросах аксиологического плана - то, о чём мы говорили выше касательно отмежевания от ценностей и замены их идеологией, являющейся суррогатом ценностной системы и лишь тормозящей, но не проводящей даже декларируемые ценности, можно проследить на тех же событиях 1968 года.

В соответствии с ожиданиями масс, лозунги отражали просьбы народа к правительству об изменении положения в стране, в то время как выступления против непосредственно правительства не являлось лейтмотивом выступлений²¹⁵. Такие лозунги как "Социализм без свободы - это казарма!" или "Ни роботов, ни рабов!" вовсе не противоречили официальной идеологии и не имели целью свержение власти. Являясь, напротив, подтверждением и развёртыванием республиканской идеологии, они ставили целью добиться именно того, что государство уже давно провозгласило, но медлило с исполнением. Массы желали реального воплощения того, против чего власть попросту не могла ничего возразить, поскольку требования вполне вписывались в социальную политику государства. Что могло возразить правительство, например, на лозунг "Университеты - студентам, заводы - рабочим, радио - журналистам, власть - всем!" - ведь подобные идеи лежали в основе республиканского строя. И если бы власть поддержала требования масс, то есть, попросту стала бы воплощать то, что издавна провозглашала сама, ситуация не стала бы кризисной, революционной. Однако бюрократический аппарат на всех уровнях своей иерархии продолжал прежний курс, ведь уступить требованиям значило сломать своё

---

²¹⁵Спесивцева С.Н. Лозунги и плакаты как отражение революционной ситуации 1968 года во Франции // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре Государственного технического университета. Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, 2010 № 4, том 2. С. 99.

функционирование. Ведь хотя массы не протестовали против верховной власти, недовольство средним звеном бюрократического аппарата вырисовывалось весьма чётко, и лозунги типа "Ты нужен боссу, а он тебе - нет!" или "Профессора, вы нас старите!" бросали вызов устоявшейся бюрократической системе.

Однако власть показала, насколько бюрократия в качестве структур макроуровня обособилась от микро- и мега- уровней, обретя вместе с тем внутреннюю цельность и монолитность. Высшие функционеры вовсе не желали прислушиваться к массам, и тогда стало очевидно, что макроуровень в целом противостоит микроуровню и тем элементам мегауровня, которые лишь формально находили отклик в структурах макроуровня, будучи включены в официальную идеологию в качестве "фасада".

И лишь в ответ на реакцию де Голля последовал протест против бюрократической системы в целом, включая высшую власть. Только когда де Голль дал понять, что ни во что не ставит требования масс, когда он бросил в народ лозунг "Реформы - да, но без дерьма в постели!", массы восстали и против высшей власти. Именно после жёсткой реакции президента во множестве появились лозунги "Де Голль - в отставку!", "Де Голля - в архив", "Прощай, де Голль!", и даже "Де Голль - убийца!". И лишь благодаря тому, что власть продолжала формально отстаивать близкие французам ценности, грозя в случае смены власти "коммунистической тиранией" и "тоталитарным коммунизмом", часть народа осталась верной президенту и его политике, о чём свидетельствуют шествия под плакатами "Коммунизм не пройдёт!" и "Де Голль не один!".

Анализируемая ситуация 1968-го года даёт возможность доказать также и то, что нельзя чересчур переоценивать составляющую "рационального расчёта" (на который делает слишком значительный упор Крозье) в действиях протестующих. Да, они ставили перед собой весьма меркантильные цели, обусловленные личной выгодой ("Тысячу франков - не меньше, 40 часов - не больше!", "Даёшь гарантию занятости!" и т.п.). Но не всё сводилось к этому, и в лозунгах того периода значительную роль играют составляющие мегауровня, нашедшие отражение в микроуровне. Такие приведённые выше лозунги как

лозунги как "Творчество, Непосредственность, Жизнь!", "Будьте реалистами - требуйте невозможного!" и т.п. свидетельствуют о корреляции мега- и микроуровней, стремящихся двигать систему, удерживаемую косностью макроуровня. Использование в лозунгах таких слов как "творчество", "невозможное", "воображение" доказывают о стремлении увеличить вероятность источников неопределённости, однако не только лишь для укрепления собственной власти элементами микроуровня, но для свободы, даваемой действием составляющих макроуровня.

Крозье высказывает мысль, что реформирование, являющееся центральной проблемой развития социальной системы, должно начинаться с изменения самих реформаторов. Эта мысль должна быть расширена и дополнена в том смысле, что реформаторами должны выступать не только чиновники, от которых массы ждут внедрения новых ценностей и новых принципов, а реформаторами должен стать каждый индивид, напрямую воспринимая требуемые ценности. Ценности, структурные элементы макроуровня являются мощнейшим источником неопределённости, являющиеся тем более значимым средством для приобретения свободы (увеличения "параллельной власти"), чем более структуры макроуровня стремятся дистанцироваться от них. Акцептируя ценности без посредничества иерархической власти, микроуровень может сыграть решающую роль в развитии системы в целом. Ведь в том случае, если элементы микроуровня будут коррелировать с элементами макроуровня (что может случиться в любой из периодов нестабильности системы, как мы показывали в разделе 2.2.), пользуясь ими как источником неопределённости, у системы будет значительно больше возможностей к развитию, поскольку макроуровень (будучи напрямую зависим от элементов микроуровня) будет вынужден принимать намечаемый двумя другими уровнями вектор развития.

И в таком случае мессианство Франции в плане "экспорта" ценностей может оказаться действительно возможным, учитывая то, что Франция уже неоднократно являлась моделью для развития социально-политических систем других государств.

Итак, анализируя социальное бессознательное как источник значительной доли составляющих "правил игры", мы можем констатировать, что в мегауровне социальной системы французского общества наличествуют все те составляющие, которые определяют поддержку макроуровня в том виде, как он есть, однако при этом в архетипе управления, как и в социальном бессознательном в целом, существуют ценности (идеалы), которые вынуждают индивидов выступать за изменение тех "гармоник", о которых писал М. Крозье, за коренные преобразования бюрократической системы для того, чтобы как бюрократия, так и социальная система в целом развивалась в более конструктивном ключе.

2.4. Макроуровень системы.

В настоящем разделе мы не будем подробно анализировать макроуровень социальной системы французского общества, поскольку в работах самого Крозье этот анализ произведён всесторонне и достаточно глубоко. Мы хотели бы остановиться прежде всего лишь на некоторых аспектах, важных для понимания функционирования данного иерархического уровня, а также в целях выяснения возможностей дальнейшего развития системы в целом. Прежде всего, это аспекты закрытости и открытости системы. В настоящем разделе мы рассмотрим степень открытости (закрытости) системы на основании рассмотрения некоторых аспекты функционирования макроуровня - как в отношении связей с внешней средой, так и относительно внутреннего функционирования.

Анализ различных работ Мишеля Крозье показывает, что французский исследователь склонялся к мысли о закрытости, замкнутости современного французского социума. Для любого общества является весьма важным вопрос о том, насколько оно является открытой или закрытой системой. Особенно актуален этот вопрос в современном мире, в котором вопросы глобализации и антиглобализма являются противоборствующими тенденциями. Для развития современного общества открытость необходима, она является гарантом того, что социум сможет адекватно реагировать на все вызовы со стороны других социальных систем. Вместе с тем степень открытости системы прослеживается не только по внешней, но и по внутренней политике. Открытая социальная система должна оперативно и адекватно реагировать на внешние изменения²¹⁶, но это же касается и изменений внутренних. Поскольку же в социальной системе французского общества, которую мы рассматриваем, именно бюрократические институты являются тем стержнем, который, в случае его косности, сдерживает развитие системы, то мы можем полагать, что именно макроуровень отвечает за открытость или закрытость системы в целом. Причём следует отметить, что системный кризис французского социума связан также и с кризисом социально-политической системы современного мира в целом. Ведь, как замечают

---

²¹⁶Мильтнер Б. В. Теория организации. – М.: ИНФРА-М., 1998. - 480 с.

отечественные исследователи, политологи М. М. Лебедева и А. Ю. Мельвиль, "на конец веков пришлось сразу несколько кризисов в системе между народными отношениями. Это и кризис системы суверенных государств (или, как его ещё называют, кризис Вестфальской системы мира), когда государствам всё больше приходится "делиться" своими властными полномочиями, с одной стороны, с межправительственными организациями, с другой - с регионами и неправительственными объединениями; кризис ялтинско-постдамской системы, наступивших после окончания холодной войны; распад и демократизация многих авторитарных режимов и общий кризис системы тоталитарных государств, получившие название "третьей волны" демократизации. К этому добавились финансовые кризисы, поразившие азиатские, латиноамериканские страны, а потом и Россию. Эти и многие другие кризисы накладываются и усиливают друг друга, в результате чего есть основания говорить о том, что мы являемся свидетелями общесистемного кризиса современного политического мира"²¹⁷.

Тот краткий анализ, который мы можем позволить себе в рамках настоящей работы, показывает, что французское общество, являясь европейской страной, не может не участвовать в процессах глобализации, происходящих сегодня. К тому же, учитывая, что, наряду с Германией, Франция стремится играть основную роль в современных социально-политических процессах, надо полагать, что в таком случае система должна быть открытой. "Сегодняшнему составу Европы... приходится сталкиваться с амбициями пары Франция-Германия, которая, безусловно, поддерживает стабильность в Европе, но в то же время порождает неравенство и является источником напряжённости в Европейском сообществе", - отмечает исследователь²¹⁸.

Исследователи, изучающие как современное развитие Франции, так и её историю, полагают, что корни функционирования системы необходимо искать в прошлом, то есть, необходимо обращение к социальному бессознательному и, в том числе, к архетипу управления как его составляющему, важность которого

---

²¹⁷Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю. "Переходный возраст" современного мира // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия в четырёх томах. Т. 1: Исследования. - М.: "Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2002. - С. 66-75. С. 66.

²¹⁸ЖакЛеГофф. РождениеЕвропы. С. 68.

подчёркивалась Мишелем Крозье. Так, Марк Блок отмечал: "Европейский мир, именно как европейский, - это порождение Средневековья, когда разом была разрушена целостность средиземноморской цивилизации, весьма, кстати, относительная... Тогда-то и родилась Европа в привычном понимании этого слова... И появившийся тогда европейский мир с тех пор то и дело охватывают общие веяния"²¹⁹.

Однако следует иметь в виду, что во французском архетипе управления сосуществуют две тенденции касательно управления внешней политикой - это, прежде всего, политика взвешенного подхода и партнёрских отношений и, с другой стороны, это тенденция к экспансии (последняя может проявляться необязательно как территориальная экспансия, но и как экономическая, культурная и т.д.). Поэтому и сегодня стремление к партнёрским отношениям соседствует с тенденцией к лидерству, неизменно связанной с противостоянием пары "Франция-Германия", а также, наряду с открытостью существует определённая закрытость, направленная не на развитие партнёрских отношений, но на стремление к доминированию. Причём это характерно не только для центральной власти, но и для прочих структур макроуровня, а также, в значительной степени, и для структур микроуровня. Характерным примером может служить голосование французов против принятия конституции Евросоюза, несмотря на то, что автором её является француз - бывший президент Французской Республики Валери Жискар д'Эстен. Здесь мы можем видеть, что не только лишь определённые властные институты стремились не допустить сближения Франции с остальными странами на почве общей Конституции, но также и основные массы проголосовали против введения этого закона, который стал бы общим для всего Европейского Союза и позволил бы дальнейшее сближение социальных систем всех европейских стран.

Однако необходимо отметить, что идеал объединённой Европы является одним из центральных в политическом дискурсе центральной власти, и особенно часто встречается в риторике новоизбранного президента Французской

---

²¹⁹ Bloch, Marc. *Historie et Historiens*, ed. d'Etienne Bloch Paris, Armand Colin, 1995. P. 126.

Республики - Франсуа Олланда. В свете представленной в предыдущих разделах настоящей диссертации (2.2. и 2.3.) концепции о воздействии аксиологического компонента мегауровня на другие иерархические уровни системы мы считаем необходимым отметить тот упор, который делается центральной властью на ценности объединения и посредничества Франции не только лишь в деле объединения Европы, но также и в деле объединения и согласованной политики мирового сообщества в целом.

Так, перечёркивая предыдущие тенденции к сепаратизму в вопросе проведения военных операций, Олланд признаёт верховенство Организации Объединённых Наций, подчёркивая, что Франция не станет участвовать в военных операциях по поддержанию мира и защите населения в каком бы то ни было регионе, если они не будут санкционированы Советом Безопасности Организации Объединённых Наций.

Аналитик Натали Нугеред, сравнивая политику новоизбранного и прежнего президентов Франции отмечает²²⁰, что во время президентства Николя Саркози отношения с развивающимися странами – Мексикой, Турцией, Бразилией и рядом других – заметно деградировали, также Саркозине стремился развивать отношения и с Японией. Олланд придаёт большое значение развитию отношений с различными регионами мира, обещая укрепить и поддерживать отношения с указанными государствами. Таким образом, Олланд даёт понять, что Франция больше не принадлежит только лишь к "западной семье". В глазах Олланда Французская республика должна стать своеобразным мостом между Востоком и Западом и посредником в диалоге различных цивилизаций²²¹. И следует отметить, что этот подход не нов, не один лишь новоизбранный президент от социалистов решил отстаивать подобный подход. Так, в частности, эта его позиция совпадает с убеждениями, которые отстаивал Жак Ширак. "Франция – мост между странами, в том числе поднимающимися, между Севером

---

²²⁰Нугеред, Н. Внешняя политика Франции: Франсуа Олланд уточняет маршрут. - URL: www.rodon.org/polit-120917103202

²²¹ Там же.

и Югом, – заявил Олланд. – Наша страна это участник и посредник в диалоге между цивилизациями"²²².

Также наблюдается идейный сдвиг в сторону укрепления позиций международного права. Франсуа Олланд заявляет, что намерен основываться в своих подходах к мировым проблемам на международном праве. "Я буду и далее от имени Франции стремиться к превращению ООН в центральную инстанцию мирового управления для сохранения мира, защиты населения, в организацию, способную объявлять санкции и применять их, прибегая к мировому правосудию против диктаторов и в отношении самых серьезных преступлений"²²³.

Нынешнее правительство намерено развивать и поддерживать систему партнерских отношений в регионе Средиземного моря в целях контроля за иммиграцией, улучшения профессиональных и студенческих обменов, создания положительного инвестиционного климата для бизнеса и т.д.

Таким образом, мы можем видеть, что наряду с тенденцией, нацеленной на достаточную закрытость системы, на сопровождаемую стремлением к единоличному лидерству тенденцией к замкнутости, в системе существует и тенденция к открытости, межкультурному диалогу и посредничеству, что возвращает (точнее, может вернуть в том случае, если последняя тенденция возобладает) Францию к конструктивному развитию и перестраиванию гармоник, определяющих развитие основных структур бюрократической системы.

Выстраивание открытой и сбалансированной внешней политики должно отразиться и на внутренней открытости системы, в то время как сейчас, следуя за основными гармониками, задаваемыми макроуровнем, другие структуры выбирают ориентацию на закрытость и отсутствие конструктивного диалога с другими структурами - создаётся та блокированность общества, о которой писал Крозье²²⁴. Так, даже внутри самой бюрократической системы происходит дистанцирование одних управленческих структур от других, причём речь идёт как о более, так и о менее значительных структурах. Подобная тенденция наблюдается

---

²²² Там же.

²²³ Там же.

²²⁴ Crozier M. La société bloquée. P. 9

и в других странах, и отечественные политологи отмечали выделение подобных тенденций. Так, в качестве иллюстрации можно привести следующий пример из исследования В. М. Сергеева, Е. С. Алексеенковой и других политологов, которые констатируют "дистанцированность центров политического и экономического влияния. Причины такого поворота, по-видимому, кроются в постепенной институционализации и бюрократизации процесса принятия решений, что затрудняет влияние бизнес-сетей на сети власти. В поздних демократиях, где отношения между этими сетями строятся на институциональном, а не на персонализированном доверии, приближенность экономического центра к политическому становится необязательным"²²⁵.

Отсутствие конструктивного диалога с другими структурами, дистанцированность, замкнутость мы можем наблюдать и в формирующейся во Франции с недавних пор (относительно жизнедеятельности системы в целом) структурой, включающей в себя иммигрантов из североафриканских стран. Просчёты, допущенные бюрократией (не только лишь центральной властью, но и другими структурами, отвечающими за развитие социальной политики в стране), привели к тому, что определённые структуры, взраставшие в иммигрантских кругах и со временем выделенные общественным сознанием под названием "кассёры", стали играть весьма существенную в плане дестабилизации системы роль. Проявление активности "кассёров" можно было бы приписать проявлению "параллельной власти" и таким образом вписать её в теорию Крозье, однако подобное узкое приложение концепции Крозье к данному феномену являлось бы довольно грубой политологической ошибкой. Параллельная власть носит переговорный характер²²⁶, то же подтвердил и наш диахронический анализ (разделы 2.1, 2.3). Однако никаких склонностей к переговорам у кассёров не наблюдается, они вообще не желают вести никакие переговоры. Так, если начиная со времени своего зарождения в Средневековье - начиная от выступлений коммун, и до нынешнего времени, до выступлений студентов, параллельная

---

²²⁵Сергеев В. М., Кузьмин А. С., Нечаев В. Д., Алексеенкова Е. С. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // ПОЛИС (Политические исследования). - № 2. 2007 г. - С. 8-17. С. 16.

²²⁶Crozier M. La société bloquée. P. 37.

власть стремится к диалогу с иерархической властью, то кассёры не настроены ни на какие отношения ни с иерархической властью, ни даже с властью параллельной. Подобное резкое отличие от других структур замечают и другие исследователи. "В течение полугода во Франции состоялись молодёжные выступления двух видов - погромы в октябре 2005 г. и студенческие протесты зимой и весной 2006 г. ... При этом манифестации студентов расцениваются как один из способов выражения свободы слова и влияния общества на государство, а волнения иммигрантов - как следствие ряда серьёзных политических просчётов в отношении к иммиграции, в деятельности правоохранительных органов, в сфере образования. Эти ошибки привли к появлению нового социального слоя с особенным самосознанием"²²⁷.

Итак, внимательный анализ ситуации во Франции в 2005-2006 годах показывает, что выступления студентов и молодёжи являлись проявлением переговорной власти, реакцией на непопулярный законопроект (об увеличении испытательного срока для молодых работников). Таким образом, манифестации явились проявлением того механизма параллельной власти, о котором мы говорили выше. Молодёжь стремилась вызвать иерархическую власть на диалог, и именно в этом состояла суть уличных студенческих демонстраций.

Однако вместе с этими выступлениями в то же время по Франции прокатилась волна других выступлений, которые иначе как беспорядками не назовёшь. Их не назвать даже бунтами, так как не было выступлений даже против чего-то или кого-то конкретно. Погромы, мародёрства и грабежи - вот чем характеризовались выступления тех, кого назвали "кассёры" (что в переводе с французского означает "взломщики"). Беспорядки, вызванные этой новой социальной прослойкой, были вызваны в значительной степени именно склонностью французской социальной системы к закрытости, к замкнутости отдельных слоёв, к жёсткой стратификации. С одной стороны, система была нацелена на создание ещё одной закрытой социальной группы со строго регламентированным образом жизни. Однако получилось так, что другой

---

²²⁷Ворожцов Е. В. Молодёжные волнения во Франции: проблемы иммиграции и образования // Вопросы образования. - 2006. - № 2. - С. 23-29. С. 23.

менталитет, другие архетипы социального бессознательного, другие "правила игры", которые принесли с собой иммигранты из мегауровня своей прежней системы, создали внутри системы французского социума взрывоопасную ситуацию. Ворожцов отмечает, что, в силу закрытости для иммигрантов и их потомков пути вверх, в обществе сформировалась прослойка с особым типом менталитета. "Современная иммигрантская молодёжь предрасположена к криминалу как к единственному надёжному и быстрому пути повышения своего социального статуса. Наряду с этим вырабатывается высокий уровень агрессии. Как следствие, молодёжь негативно относится к государству как символу неравноправия и институту, мешающему ей жить. Но вместе с тем, как это ни парадоксально, она использует государство в качестве источника получения социальных пособий, бесплатного жилья и т.п., а также виртуозно владеет либерально-демократической риторикой, с помощью которой оправдывает в глазах общества своё поведение и добивается очередных уступок"²²⁸, - отмечает исследователь.

Таким образом, французская бюрократическая система со своей стороны делает всё, чтобы создать из иммигрантов замкнутую социальную группу, в свою очередь продолжая замыкаться сама в себе и не замечать потребностей индивидов, которых, вместо изоляции, следовало бы интегрировать в социальную систему. Однако интеграция - это политика открытого общества, а французская система подтверждает и в данном случае перевес тенденции к закрытости. Иммигранты же, со своей стороны, усугубляют данную ситуацию. Так, очевидец событий, французский славист Рене Герра так говорит об участвовавших в беспорядках иммигрантов: "На мой взгляд, они не хотят ассимилироваться... Да, это выбор изоляции. Это их право, я их не осуждаю. Я осуждаю наших правителей"²²⁹. Подобная нацеленность на изоляцию, на закрытость каждой из структур создаёт в целом негативный фон для развития системы в целом.

---

²²⁸ Там же. С. 26.

²²⁹ Яковлева Е. Трудный перевод. Что увидел славист Рене Герра в пламени Парижа // Российская газета. RG.RU. - URL: <http://www.rg.ru/2005/11/16/gerra.html>

Оживляющими эту ситуацию являются лишь действия параллельной власти, стремящейся к переговорному процессу.

В рассматриваемой нами ситуации, когда выступления молодёжи из среды студенчества и из среды кассёров, казалось, смешались, выступая единым фронтом против иерархической власти, параллельная власть доказала свою переговорную природу, показав лояльность системе в целом - объединившись с силами официальной власти, студенты очищали свои ряды от старавшихся смешаться с ними кассёров. "28 марта 2006 г. в Париже, на площади Республики, во время манифестации студентов впервые в мировой истории демонстранты и полиция действовали заодно! Несколько банд из пригородов, решивших воспользоваться митингом для того, чтобы ограбить близлежащие магазины и затем безнаказанно скрыться, растворились среди митингующих, но попали в ловушку. С одной стороны, они оказались блокированы студентами, которые не дали им смешаться с колонной демонстрантов, с другой стороны, полиция оперативно перекрыла все выходы с площади и постепенно, одного за другим, задержала всех"²³⁰. Подобное поведение митингующих в очередной раз свидетельствует о том, что параллельная власть стремится поддерживать систему в целом, своими действиями лишь стремясь направить её развитие в русло, отвечающее развитию различных социальных групп в отличие от иерархической власти, поддерживающей закрытость отдельных структур и социальной системы в целом.

Таким образом, проанализированная ситуация в очередной раз подтверждает закрытость бюрократии в отношении происходящих во французском обществе социальных процессов. Открытость системы может обеспечить лишь активно вмешательство параллельной власти, и то лишь в том случае, если их стремление к переговорам будет находить ответ у власти иерархической, и если последняя будет склоняться к коммуникации, к диалогу, долженствующему вывести общество из системного кризиса. Поскольку наше исследование в очередной раз доказывает, что на регуляцию подобных процессов

---

²³⁰Ворожцов Е. В. Молодёжные волнения во Франции: проблемы иммиграции и образования. С. 24-25.

зачастую в большей степени воздействуют некоторые меры, предпринимаемые параллельной властью, нежели те слабые меры, которые предпринимаются (очень редко и достаточно вяло) властью иерархической. В то время как политологи признают, что сегодня очень важно выстраивать диалог между различными социальными группами, и власть должна участвовать в это самым непосредственным образом. Так, говоря о современной ситуации в мире, доктор политических наук М. М. Лебедева отмечает: "Выход один: постепенно менять политическую систему мира, делая её более адекватной современным реалиям и при этом учитывая интересы различных групп, вовлекая их в политические процессы и ведя диалог... Важно иметь в виду, что речь идёт именно о диалоге, который требует времени и знаний, но главное - он не может быть односторонним. Диалог - это всегда "двустороннее движение". Удивительно, но на этот факт мало кто обращает внимание"²³¹. Как видим, важность "переговорного" элемента во властных отношениях постоянно подчёркивается политологами.

---

²³¹Лебедева М. М. Необходим диалог / М. М. Лебедева // MGIMO.ru/ - 2011/ - 13 декабря. - URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document214097.phtml>

2.5. Микроуровень системы.

Функционирование индивидов, выступающих в качестве элементов микроуровня социальной системы, структурировано определённым образом, сообразно с "правилами игры", задаваемыми по большей частью верхними уровнями системы - мегауровнем и макроуровнем. Выше мы показывали, каким образом ценности и идеи - воздействующие или непосредственно из мегауровня, или опосредованные структурами макроуровня - оказывают влияние на отдельную личность, ставя его в определённые рамки и тем самым в некоторой степени детерминируя его социальные действия.

Причём мы можем видеть, что пресловутый рациональный расчёт, принимаемый рядом исследователей в качестве определяющего фактора в исследовании функционирования системы, зачастую не объясняет те действия, которые актор совершает в рамках властных и, в целом, социально-политических отношений. Там, где рациональный расчёт требует принятия одних решений, индивиды принимают совершенно другие решения.

Так, если коснуться вопроса о коррупции во Франции и борьбе с ней, можно увидеть любопытные факты. В частности, можно видеть, что, несмотря на желание избавиться от коррупции в целом, французы, казалось бы, делают всё, чтобы борьба с коррупцией оказалась неэффективной. Так, в современной Франции граждане не только зачастую игнорируют усилия власти по борьбе с коррупцией, но даже выступают против осуждения уличённых в коррупционных махинациях чиновников.

Одним из самых ярких примеров может выступить дело, возбуждённое против мэра Гренобля Алена Кариньона. Последний был уличён в махинациях с системой водоснабжения города, которые стали возможны при попустительстве местного судьи. "Что же получил мэр? Во-первых, неплохую квартиру в Париже площадью 280 м² на бульваре Сен-Жермен. Она, кстати, была для сокрытия следов взята "на баланс" специально созданной мэром фирмы Whip. Во-вторых, около сотни бесплатных полетов на самолетах компании Sinair (Кариньон большой любитель путешествий) плюс 13 млн на личные нужды во время

путешествия. И наконец, тысяча мелочей вроде бесплатных курсов английского (необходимость которого объяснялась все той же любовью к путешествиям). В общей сложности — 24,9 млн франков"²³². Однако когда из-за возникших разногласий Кариньона с судьёй последний решил более не закрывать глаза на махинации мэра, и когда Кариньон оказался в тюрьме, на улицы Гренобля вышли протестующие горожане. Причём протестовали они не против злоупотреблений, которые совершил Ален Кариньон, находясь в должности градоначальника. Протестовали они не против карательных властей, стремившихся под руководством судьи очернить мэра. Не сомневаясь в том, что глава городской администрации действительно повинен в тех правонарушениях, которые ему инкриминировали, горожане тем не менее достаточно бурно пытались отстоять свободу своего мэра. "Толпа не была так наивна, чтобы верить в безгрешность кого бы то ни было; ее мнение можно сформулировать примерно так: "Почему посадили именно нашего Кариньона, когда там, наверху, они все такие?" Гренобльцы с радостью встретили известие, что Кариньон не пал духом и собирается бороться"²³³.

Исследователи коррупции во Франции называли различные причины укоренённости данного феномена во французском обществе, в числе прочих назывались и причины, имеющие свои корни в социальном бессознательном французской нации. Так, Ю. И. Рубинский отмечал: "Почва для коррупционных явлений во французской общественной жизни во многом обусловлена противоречивым сочетанием двух базовых ценностных установок социальной культуры: принципа равенства граждан перед законом, провозглашённого в Декларации прав человека и гражданина 1789 года и фигурирующего с тех пор во всех многочисленных конституциях страны, и стремлением различных социальных категорий либо отдельных граждан добиться для себя групповых или индивидуальных привилегий, льгот, исключений из общих правил"²³⁴. Однако подобные объяснения раскрывают мотивы тех, кто оправдывает собственные

²³² Демьянова Е. М., Каменский А. А. Повальная коррупция во Франции. Мэрская история / Коммерсантъ, №74 (792), 22.04.1995.

²³³ Там же.

²³⁴ Рубинский Ю. И. Франция: коррупция и борьба с ней // Современная Европа, №2, 2010 г. С. 76-88. С. 80.

стремления получить противоправным путём выгоды, приносимые чиновничьей должностью, но не мотивы тех, кто оправдывает чужие стремления воспользоваться коррупционными схемами.

Подобные "правила игры" объясняются архетипическими мотивами, заложенными в социальном бессознательном французской нации. Выше мы уже упоминали об иератических корнях французской бюрократии, равно как и ряда других бюрократических систем. Здесь мы рискнём предположить, что молчаливое одобрение (а иногда и высказываемое в полный голос, как показал случай с мэром Гренобля), выказываемое массами чиновникам разных уровней, пользующихся различными коррупционными схемами, в том числе, прибегающих ко взяточничеству, объясняется в значительной части тем бессознательным фактором, что иератическому сословию каждым обществом издавна выделялись те или иные приношения. Бюрократия, являясь наследницей жреческого сословия, переняла и проекцию подобных приношений. Другими словами, мы полагаем, что взятки, несомые гражданами чиновникам разных рангов, попустительство коррупции в бюрократических структурах со стороны масс - это своего рода жертвоприношение, доля жрецов в том перераспределении ценностей, в котором они издавна играли самую значимую роль.

Таким образом, идеи мегауровня в данном случае, как правило не встречая со стороны индивидов, элементов микроуровня, рассудочного анализа, способствуют сохранению в макроуровне бюрократических структур в том виде, в каком они существуют сегодня. И в том случае, если необходимый анализ подобных идей и их приложений (проекций) не будет проводиться каждым отдельным индивидом (и, как результат - обществом в целом), перестройка социальной системы не сможет произойти, и конструктивные системные процессы не смогут даже начаться.

Вообще тот "дух таинства", который присущ бюрократии и о котором писал Маркс²³⁵, является ширмой, которая должна быть сорвана для того, чтобы увидеть явственно подоплёку процессов, происходящих в пластах макро- и мега- уровней

---

²³⁵Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 272.

и, как правило, скрытых от микроуровня, от индивидов. Недаром в том случае, если ширму пытаются отдернуть, система сотрясается, разыгрывается грандиозный скандал.

Так произошло, например, в случае с публикацией во Франции книги Зои Шепард (ZoéShepard), которая вышла под названием "Absolumentdé-bor-dée! Ouleparadoxedufonctionnaire"²³⁶. Самоназваниемможноперевестикак "Совершенноперегруженная (Сплошнойаврал), илиПарадоксбюрократии". Книга, вскрывающая будни французских госслужащих, буквально взорвала общественность, и прежде всего, саму бюрократию. Возмущение чиновников было колоссальным, причём как тех, кто узнал себя (автора, издавшего книгу под псевдонимом, быстро раскрыли - ей оказалась сотрудница региональной администрации города Бордо ОрельБолле). "Офисную жизнь госслужащих Зоя Шепард описывает необыкновенно красочно. Так красочно, что ее коллеги из региональной администрации Бордо сразу узнали себя. "Эти отвратительные паразиты - мы с вами!" - кричал ее шеф, потрясая книжкой, которую прочел буквально за одну ночь...Чиновники всей огромной страны писали возмущенные письма в издательство, представители Союза госслужащих с экранов телевизоров уверяли французский народ, что "скучающая дамочка" их оклеветала, что граждане не зря платят налоги, что не будь пяти миллионов государственных чиновников, каждый день ударно вкалывающих на благо родины, жизнь во Франции остановилась бы.Скандал разразился колоссальный"²³⁷.

Бюрократия была возмущена отдергиванием ширмы, той завесы, которая удобна всем, которая помогает бессознательным проекциям оставаться неосознанными, сохраняя statusquo в отношениях между иерархическими уровнями системы, сохраняя неизменными установленные правила игры.

Именно правила игры остаются всегда затенёнными, они не прописаны ни в одном уставе, те же, которые прописаны, являются не настоящими, фиктивными правилами. Выше мы уже отмечали, что остающиеся бессознательными правила

---

²³⁶ZoéShepard. Absolumentdé-bor-dée! Ou le paradoxe du fonctionnaire. EditionsAlbinMichel, 2010.

²³⁷Пастухов Р. Обзор прессы: массовое вымирание и "синдром хронической скуки". - URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=486358>

"игр, в которые играют люди", стремился раскрыть Эрик Берн. "Предметом нашего исследования являются бессознательные игры", - отмечал психолог²³⁸. Его психоаналитический подход может существенно дополнить политологический анализ в рамках междисциплинарности. Так, ситуацию, которая описана в книге Зои Шепард, можно сопоставить с ситуациями, описываемыми Э. Берном в своих исследованиях.

Психологическую игру, которую Берн описывал в случаях, раскрытых в книге "Полный аврал", равно как и в случаях, раскрываемых в работах Мишеля Крозье и других исследователей, американский психолог назвал "Я всего лишь пытаюсь помочь Вам" (ЯППВ), к этой психологической игре близка игра под названием "Неимуший".

В качестве примера Берн выбирает одну из служб социальной помощи - структуру, которая является частью бюрократической системы. Суть психологической игры в том, что работники социальной службы только лишь делают вид, будто помогают клиентам найти подходящую для них работу, клиенты же, со своей стороны, только лишь делают вид, будто стараются найти работу, чтобы выйти из своего, в какой-то степени, привилегированного, положения."Между клиентом и сотрудником агентства существовало примерно следующее молчаливое соглашение:

С. (сотрудник): Я попытаюсь помочь вам (при условии, что ваше положение не улучшится).

К. (клиент): Я буду искать работу (при условии, что мне не нужно будет непременно найти ее).

Если клиент нарушал договор, улучшив свое материальное положение, агентство теряло клиента, а клиент — пособие. Таким образом, оба чувствовали себя наказанными. Если сотрудник... нарушал договор, заставив клиента действительно найти работу, наказанием для агентства служили жалобы клиента,

---

²³⁸ Берн. Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. С. 37.

которые могли дойти до вышестоящего начальства, а клиент опять-таки был наказан тем, что терял пособие"²³⁹.

Несмотря на то, что в качестве примера было выбрано общество американское, во французской социальной системе подобные игры также ведутся, устанавливая подобные связи между макроуровнем и микроуровнем. Многие из тех, кто находятся под опекой социальных служб, не желают на самом деле изменения своего статуса. Так, мы уже упоминали позицию определённого круга иммигрантов: "Как это ни парадоксально, - пишет исследователь об иммигрантской молодёжи, - она использует государство в качестве источника получения социальных пособий, бесплатного жилья и т.п., а также виртуозно владеет либерально-демократической риторикой, с помощью которой оправдывает в глазах общества своё поведение и добивается очередных уступок"²⁴⁰. Впрочем, подобное привилегированное положение отдельных категорий граждан, когда последние привыкают к государственной помощи, дотациям, специальным программам, свойственно и для коренных французов. "Хотя такие статусные преимущества могут иметь порой довольно ограниченные материальные последствия, их сохранение и расширение служит объектом бесконечных юридических споров и прямых конфликтов вне правового поля, где арбитром, а зачастую одновременно и стороной оказывается государство в лице его учреждений и отдельных чиновников. Это, естественно, не обходится без коррупции. Как иронически заметил генерал де Голль, "француз хочет равенства для других, но привилегии для себя". Достаточно указать, например, что наряду с общей системой соцобеспечения в стране существуют не менее 600 "особых режимов" (пенсионного, по здоровью и т.д.)!", - отмечает в своём исследовании Ю. И. Рубинский²⁴¹.

Однако следует особо отметить, что в случае, если бы со стороны бюрократии не было поддержки подобных психологических игр, то и сами игры не смогли бы укорениться в социуме. Между тем сами бюрократические

---

²³⁹ Там же. С. 126.

²⁴⁰Ворожцов Е. В. Молодёжные волнения во Франции: проблемы иммиграции и образования. С. 26.

²⁴¹Рубинский Ю. И. Франция: коррупция и борьба с ней. С. 80.

структуры поддерживают эти неписанные правила, по которым играют и сами. Чиновники сами лишь делают вид, будто помогают клиентам, причём это касается не только лишь служб социальной помощи, но и других различных ответвлений бюрократического аппарата. Можно найти примеры психологических игр (без их анализа и, зачастую, без должного внимания к самой проблеме) в различных работах современных, в том числе французских, исследователей²⁴², однако книга Зои Шепард, которая, не являясь исследованием в собственном смысле, даёт нам возможность проанализировать психологические игры, наличествующие в среде французской бюрократии.

Структурирование времени чиновника, которое вовсе несоразмерно выполняемой им работе, занимает значительную часть усилий многих чиновников различных ведомств - это одна из сентенций, красной нитью проходящей через откровения молодого чиновника из Бордо, Орель Болле, ставшей известной миру под именем Зои Шепард. Причём иллюзию оказания необходимой помощи, иллюзию своей востребованности, наряду с неизменным искажением необходимых для этого усилий и времени, чиновники стремятся выставить в качестве ширмы не только перед клиентами, но также и друг перед другом, в том числе - и перед собственным руководством.

Описание подобных особенностей повседневной жизни бюрократического аппарата, складывающихся в особенности функционирования бюрократической системы в целом, можно найти в избытке в книге Зои Шепард. "Я беру объёмный материал со скромной пометкой «Сделать круговые диаграммы». Я открываю папку и подбираю две сводные таблицы прошлых лет.

«Сделать круговые диаграммы», означает - представить кучу графиков, построенных в программе "Excel", с целью сравнения развития различных бюджетных управлений за два года, что заберет у меня всего двадцать минут, в результате чего я могу быть уверена в вечной признательности генерального

---

²⁴²Parker, Etan. Au boulot Zoe! Ou le quotidien d'un fonctionnaire engage. Guilin editeur, Lextenso editions, 2012; Stanger, Ted. Sacres fonctionnaires! Un Americain face a notre bureaucratie. Gallimard. Editions Michalon, 2006; Monnier F., Thuillier, G. Histoire de la bureaucratie: verites et fictions. Ed. Economica, 2010; Hibou, Beatrice. La bureaucratization de monde a l'ere neolibérale. Editions la decouverte, Paris, 2012.

директора АIF, БертранаДюпьи-Каме, неспособного самостоятельно найти программу для того, чтобы сложить два плюс два на своем компьютере.

Исходя из необходимости упомянуть и взаимоотношениях, стоит сообщить и о нескольких собраниях, на которые я должна явиться из вежливости, и таким образом, моя работа может быть оценена в объёме девяти часов в неделю"²⁴³. Причём упомянутый случай, показывающий иллюзию деятельности, как правило, как нечто основополагающее, является не единственным, он чётко вписывается в распорядок работы бюрократических служб. Необходимость создавать иллюзию содействия, помощи, усердной работы преследует чиновников постоянно, и зачастую неопытному, не знакомому с подобной спецификой работы человеку подобное покажется или издевательством, или, по меньшей мере, неудачной шуткой. "В первый раз, - вспоминает о своём первом столкновении с необходимостью участия в подобной психологической игре Зои Шепард, - мне это показалось настолько ошеломительным, что я хотела над этим попросту рассмеяться...

Это были пятьдесят страниц документов, которые в день моего прибытия босс положил на мой стол со смущенным видом.

- Не могли бы вы обобщить этот доклад об использовании европейских фондов? Думаю, Вы справитесь за неделю, не правда ли?- спросил он, и его лицо выражало такое смущение, как будто он являлся сторонником рабства.

- Это шутка? - спросила я недоверчиво.

- Да, я знаю..., - добавил он, - это... как бы сказать?...

Я была ошеломлена этим его предположением, будто мне потребуется целых пять дней работы над этим документом, в то время как я могу закончить его составлять в два дня!

-...Это огромная работа. Вы можете предоставить это мне в середине следующей недели, если не сможете закончить раньше. Никаких проблем, -

---

²⁴³ZoéShepard. Absolument dé-bor-dée! Ou le paradoxe du fonctionnaire. P. 19-20.

закончил он уходя из моего кабинета, заставив меня по меньшей мере задуматься"²⁴⁴.

Основная часть чиновников включаются в эту игру, и постепенно целиком входят в "абсурдный мир, где люди позиционируют себя совершенно заваленными делами, и тридцать пять рабочих часов они вырабатывают не за неделю, а за целый месяц"²⁴⁵.

Игровой характер подобных отношений, складывающихся в функционирование целого иерархического уровня социальной системы и, более того, формирующих взаимоотношения между различными уровнями и, тем самым, определяющих функционирование всей социальной системы в целом, отмечается автором бестселлера о бюрократии в самом начале книги, когда соискательство чиновничьей должности сравнивается с "покорением Лас-Вегаса" и когда необходимость блефа указывается в качестве основополагающего навыка для чиновника²⁴⁶.

Нарушение правил игры, равно как и раскрытие бессознательных содержаний игр жестоко карается системой, поскольку нарушает равновесие системы и создаёт угрозу не только равновесному состоянию, но и самому существованию системы в её прежнем виде, поскольку определённые "правила игры" должны сохраняться в социальном бессознательном, не появляясь в поле сознания, и в случае нарушения этого принципа ставится под удар сама игра, её функционирование, её акторы - всё то, что составляет систему.

Потому-то после разоблачений Зои Шепард наблюдался поток гневных сентенций со стороны бюрократии, потому и попытались "ортодоксальные" чиновники удалить из своих рядов ренегата, подобно разгневанным иерархам, ратующим за изгнание еретика. Подобную же реакцию наблюдал и Эрик Берн, когда сотрудница службы социальной помощи, выведенная им в книге под именем "мисс Блэк", раскрыла суть психологической игры и попыталась поменять "правила игры", решив вместо иллюзии работы выполнить свою работу по-

---

²⁴⁴Ibid. P. 20-21.

²⁴⁵Ibid. P. 21.

²⁴⁶Ibid. P. 9.

настоящему. Результатом этого было следующее. "Несколько человек тут же нашли работу, причем некоторые из них впервые за несколько лет. Однако они были возмущены ее отношением, и кое-кто из них письменно пожаловался на нее начальству. Начальник вызвал ее к себе и еще более строго указал ей на недопустимость её поведения, так как, несмотря на то что ее бывшие клиенты и нашли работу, они все же не были «по-настоящему реабилитированы». Он заметил, что не уверен в уместности дальнейшего пребывания мисс Блэк в штате агентства. Мисс Блэк с настойчивостью, которую она могла себе позволить, чтобы не ухудшить свое положение в еще большей степени, тактично попыталась выяснить: что значит, с точки зрения данного агентства, «по-настоящему реабилитировать». Ясности она не добилась. Ей сказали только, что она оказывала недопустимое давление на людей. А тот факт, что впервые за много лет бывшие безработные сами смогли содержать свои семьи, никоим образом не был поставлен ей в заслугу"²⁴⁷.

Таким образом, мы можем видеть, что "правила игры", во многом формирующиеся бессознательным как структурным элементом мегауровня системы, поддерживаются микроуровнем - подавляющим большинством членов социальной системы, тем самым укрепляющим бюрократические структуры и - тем самым - макроуровень системы.

Впрочем, нельзя сказать, что индивиды, придерживаясь правил игры и тем самым поддерживая макроуровень, действовали под влиянием только лишь бессознательного фактора. Ряд действий, направленный на поддержание statusquo системы, генерируется вполне осознанными решениями. Прежде всего, это согласие с посредничеством макроуровня как проводника ценностей, идей мегауровня. Далее, правила игры изменить достаточно сложно, пока существуют специальные учреждения, цель которых - навязать эти правила игры тем, кто призван наиболее тесно соприкасаться с макроуровнем, с бюрократическими структурами. Речь идёт о Больших Корпусах и Больших Школах (в числе которых - знаменитая Национальная школа администрации, ЭНА), в которых готовят

---

²⁴⁷ Берн. Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. С. 125-126.

будущих чиновников. Таким образом, от индивидов ожидают определённых изменений в сознании и поведении для того, чтобы они были подготовлены ко вступлению в элитные структуры, для того, чтобы исключить ситуации, подобные той, что произошла с ОрельБолле в департаменте Бордо - чиновники должны безоговорочно принять уже установленные правила игры. Воздействовать на них и менять их они не властны.

Таким образом, бюрократии обеспечена "технократичность"²⁴⁸, ставшая одной из основных особенностей французской системы. И, судя по тому, насколько популярны во Франции Большие Корпуса и Большие Школы, следует отметить, что достаточное количество элементов микроуровня готово поддерживать макроуровневые структуры, достаточное количество граждан Французской Республики готовы вступать в ряды бюрократии (и даже бороться за это место) на правилах, навязываемых им. О подобном же упоминал и Крозье, когда говорил об узлах блокад, которые, под воздействием гармоник первого порядка, цементируют бюрократические структуры и обеспечивают им сохранение во французской социальной системе - речь шла о системе социальной администрации, системе рекрутирования элиты и системе образования.

Таким образом, мы можем видеть, что пока правила игры признаются на нижнем иерархическом уровне, микроуровне системы, который по своей важности во многом является определяющим для сохранения (или кризиса) системы, пока эти правила будут поддерживаться сознательным и - в значительной степени - бессознательным факторами, система в целом будет функционировать как прежде, и косность и закрытость, порождённая бюрократическими структурами макроуровня, будут по-прежнему сдерживать конструктивное развитие социальной системы.

---

²⁴⁸Meynaud J. Technocracy. New York: Free Press., 1969.

2.6. Возможности преодоления системного кризиса с учётом структуры и динамики "архетипа управления" и психологических игр.

Бюрократический кризис, которому посвящены исследования различных упоминавшихся нами учёных, в том числе и Мишеля Крозье, распространяется, как мы увидели, на все иерархические уровни системы, поэтому с полным правом может носить название системного. Однако равно как все уровни системы (точнее, наиболее активные на данный момент их структурные элементы) сегодня способствуют сохранению и усугублению этого системного кризиса, точно так же каждый из иерархических уровней может стать катализатором, стимулирующим выход из кризиса системы в целом.

Так, мегауровень, являясь "хранилищем" архетипических идей и ценностей, может быть использован как основа для формирования той ценностной базы, которая, будучи принята на вооружение микро- и макро- уровнями, сможет изменить установившиеся "правила игры" и, соответственно, задать другой вектор развитию системы.

Однако для этого необходимо, чтобы ценности были восприняты не в качестве очередного дискурса, не затрагивающего глубин личности и не влияющего на взгляды и цели индивида, а в качестве действительно весомых, ёмких явлений духовной жизни, которые повлияют как на мироощущение и мотивацию каждого отдельного индивида, так и на менталитет и цели социальных структур и нацию в целом. Одним из таких явлений политической жизни общества является архетип управления, в котором скрыты механизмы, которые имеют в себе потенциал для воздействия на все иерархические уровни системы и изменения вектора развития системы в целом.

Катализатором подобного процесса может послужить какая-то конкретная личность. Так, известно, что личные примеры Людовика Святого и Жанны д'Арк способствовали тому, что ценности и идеи, прежде не воспринимаемые вовсе либо воспринимаемые лишь поверхностно (подобно многим современным ценностям, постулируемым, но не играющим реальной роли в жизни общества), оказывались под влиянием харизматических личностей восприняты широкими

массами народа, так что происходившие изменения всерьёз затрагивали всю социальную систему в целом.

Важность существования в обществе личностей, которые могут интегрировать бессознательные процессы мегауровня (в нашем случае речь идёт о структуре и динамике архетипа управления), выразил Карл Густав Юнг. Однако в их отсутствие в обществе всё равно имеются люди, которые, даже при отсутствии харизмы, должны стремиться к выработке и внедрению в социальную систему определённых ценностей и идей в силу своей принадлежности к прослойке как интеллектуалов в собственном смысле слова, так и тех, кто находится у истоков принятия важнейших решений в различных эшелонах власти. В противном случае у общества будут все основания говорить о "предательстве интеллектуалов" (очередном). "Стоящая перед нашим веком задача отличается поистине неодолимой сложностью. Она требует от нас высочайшей ответственности, если только мы не хотим стать виновниками очередного *trahison des clercs* (предательства интеллектуалов). Решение этой задачи - это прерогатива тех ведущих и влиятельных личностей, которые обладают необходимым знанием для понимания сложившейся в нашем мире ситуации"²⁴⁹.

Вместе с тем нельзя рассчитывать только лишь на какую-то особую группу людей, в то время как каждый человек, являясь структурной единицей микроуровня, способен к взаимодействию с мегауровнем. Однако ценности мегауровня должны быть интегрированы без искажений, иначе обществу в целом грозят деструктивные последствия. Так, Юнг говорил о влиянии на сознание ценностей, архетипов, генерирующих порядок, но отмечал также, что если бессознательные содержания не будут верно интегрированы в сознание, порядок может трансформироваться в тоталитаризм: "Отсутствие ориентира в уме индивида компенсируется в бессознательном архетипами порядка... Если эти символы порядка не интегрируются в сознание, то силы, ими выражаемые, могут накапливаться, достигая опасного уровня концентрации... Интеграция бессознательного содержания является актом индивидуальной реализации,

---

²⁴⁹Юнг К. Г. Нераскрытая самость (настоящее и будущее) / Юнг К. Г. Избранное. - Мн.: Попурри, 1998. - 448 с. С. 129.

понимания и оценки. Это наиболее трудная задача, требующая наивысшего уровня этической ответственности. Лишь относительно небольшое число индивидов способно на такое достижение, и они являются не политическими, а моральными лидерами человечества. Поддержка и дальнейшее развитие цивилизации зависит от этих личностей, поскольку совершенно очевидно, что сознание масс отнюдь не улучшилось... Таким образом, совершенно ясно, что подавляющее большинство не способно к интегрированию сил порядка. Напротив, даже возможно, что эти силы вторгнутся на территорию сознания, и, застав врасплох, против нашей воли овладеют им силой. Мы видим первые симптомы повсюду: тоталитаризм и порабощение Государством. Ценность и важность индивида быстро уменьшаются, и шансов быть услышанным у него всё меньше"²⁵⁰. Таким образом, Карл Густав Юнг призывал к интеграции различных пластов человеческой психики, к гармоничному развитию как человека, так и человечества. Таким образом, он с профессиональной, психоаналитической точки зрения обосновал те попытки исследователей – критиков «классической школы», таких, как Мертон, - которые предпринимались для подчёркивания значимости иррациональной составляющей как важного фактора в деятельности элемента системы, актора, индивида.

Умение интегрировать содержания коллективного бессознательного, умение распознавать свойства и правила психологической игры можно вырабатывать в каждой личности, но здесь должны двигаться в этом направлении все иерархические уровни системы. Если макроуровень будет и впредь, как происходит теперь, тормозить развитие системы, тогда развернуть указанный процесс будет достаточно сложно. Однако если хотя бы один из "узлов блокад", о которых говорил М. Крозье, а именно, система образования, отступит от нынешних первичных гармоник, сдерживающих систему, тогда возможность воспитания личностей, способных интегрировать новые ценности, значительно увеличится. Учитывая важность для французского менталитета представления о "translatiostudii", заложенного в социальном бессознательном французской нации,

---

²⁵⁰Юнг К. Г. Борьба с тенью / Юнг К. Г. Избранное. - Мн.: Попурри, 1998. - 448 с. С. 55.

и, в том числе, в архетипе управления, представляется вероятным, что именно система образования и наука смогут породить те гармоник, которые станут конструктивно влиять и на макроуровень, и на систему в целом.

Когда "склонных к размышлению умов" (по выражению Юнга), нацеленных на осознание поля мегауровня, станет значительно больше, тогда ситуация может кардинально поменяться и тогда микроуровень (интегрируя определённые архетипы мегауровня) сможет выступать в качестве преобразователя социальной системы. Размышляя о современной системе образования, Крозье обобщает: "Мы должны сегодня признать, что развитие умения размышлять важнее накопления знаний"²⁵¹.

Качественное изменение образовательной системы может решить если и не все, то значительное количество проявлений системного кризиса, о которых мы упоминали в настоящей работе. Это, например, касается и проблемы появления "кассёров", прослойки, отказывающейся от социализации и в то же время стремящейся отстоять свою нишу во французском обществе. Как известно, уровень образования влияет на способность к социализации самым непосредственным образом, о чём говорится во многих исследованиях, в частности, об этом пишет доктор политических наук Г. В. Шешукова²⁵². Таким образом, французская бюрократия, лишая надлежащего образования иммигрантов, провоцирует появление замкнутых социальных групп склонных к криминалу вроде упомянутых "кассёров".

Призывы к кардинальному реформированию системы образования зачастую сопровождаются выступлениями французской молодёжи, в частности - студенчества, являющегося одной из наиболее политически активных социальных групп. Студенчество является наиболее восприимчивой группой, способной к принятию кардинальных реформ (в случае, если они будут отвечать ожиданиям самих студентов), возможно, прежде всего стоит обратить внимание на студентов гуманитарных факультетов. Именно студенты гуманитарного факультета в

---

²⁵¹Крозье М. Новые размышления об образовании // Перспективы: сравнительные исследования в области образования. 1999. № 4. С.7.

²⁵²Шешукова Г. В. Роль и место системы образования в политической социализации населения современной России // Кредо. - 1998. - № 10. - С. 31-38.

Нантере 22 марта 1968 года начали знаменитые волнения во Франции. В данном случае нельзя списывать волнения лишь на бунт молодости, и лозунг "Профессора, вы устарели!" вовсе не является выражением конфликта поколений. Это конфликт ценностей, поскольку крупнейшие маститые деятели французской интеллигенции (включая французских лауреатов Нобелевской премии) поддержали студентов. Более того, многие преподаватели, учёные сами включились в забастовку, поэтому можно сказать, что интеллигенция являлась основной движущей силой волнений 1968-го года. И именно студенчество являлось одной из главных сил в действиях параллельной власти во французских городах на протяжении того времени, когда формировался французский архетип управления. Таким образом, происходящие сегодня политические события, происходящие при участии студенчества, "санкционированы" архетипом управления французской нации. Важно только верно использовать тот потенциал, который заложен в этом архетипе, и использовать его лишь в конструктивных целях.

Возможно, что "косвенная стратегия изменения", о которой писал Крозье²⁵³, окажется действенной в том случае, если при выявлении наиболее восприимчивых групп, долженствующих стать "отправными пунктами" преобразовательных реформ, будет учтена склонность студенчества и интеллигенции к поиску новых форм социального существования.

Крозье, как и другие исследователи-политологи, понимал, что нельзя проводить некие глобальные реформы сразу во всей системе, что должны быть некие отправные пункты, точки отсчёта, которые станут противодействием действующим ныне "узлам блокад". Важность подобных точек отсчёта, подобных "центров", из которых уже после расходятся "волны" распространяющихся в социальной среде идей, отмечают и такие отечественные исследователи как А. Ю. Мельвиль и В. М. Сергеев. "Прежде всего, волны распространяются в результате некоего начального "возмущения" среды, обычно - из некоего эпицентра или источника. Идея эпицентра содержится имплицитно в метафоре "волн".

---

²⁵³Crozier M. On ne change pas la societe par decret. P. 226.

Следовательно, эта метафора предполагает разделение мира на некоторый "центр", где собственно и происходит возмущение, и "периферию" - массовую среду, в которой это начальное возмущение распространяется... Представление о "волнах"... содержит помимо разделения "центр-периферия" ещё одно очень важное имплицитное допущение - коллективность этого эффекта"²⁵⁴. Таким образом, мы можем видеть, что необходим некоторый "центр" (центры), которые могли бы стать источником распространения необходимых идей с массах. И мы полагаем, что система образования (по меньшей мере, некоторые её структуры - например, университеты) достаточно хорошо подходит для данной цели.

Возможно, в случае, если бюрократия откажется от использования системы образования в качестве средства для создания границ - как внутри личности, так и внутри социума, тогда к изменению будет готов и макроуровень системы, поскольку в прежнем виде он попросту не будет востребован.

Для того, чтобы "косвенная стратегия изменения" проходила в достаточно сжатые сроки, необходимо содействие микроуровню, содействие параллельной власти со стороны хотя бы каких-то структур макроуровня. "Ситуация коренным образом меняется, когда общество и власть принимают концепцию "постепенных, постоянных и ответственных" изменений в современных сложных обществах. Тогда государственные, общественные регламентации переходят из разряда принудительных в разряд посреднических, вслушивающихся в социологические законы функционирования "человеческой ткани" общества, и поэтому берут на себя роль помощников, "акушеров" новых отношений", - отмечает В. И. Спиридонова²⁵⁵.

Вместе с тем, нельзя забывать о том, что для изменения системы важно изменить сущность властных отношений как собственно внутри микроуровня, так и между микро- и макро- уровнями - тех, которые сегодня базируются на психологических играх (пример которых был приведён выше, в разделе 2.5),

---

²⁵⁴Мельвиль А. Ю. "Воронка причинности" и волны демократии / А. Ю. Мельвиль, В. М. Сергеев // Россия. Политические вызовы XXI века. Второй всероссийский конгресс политологов. 21-23 апреля 2000 г. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. - С. 223-225. С. 223.

²⁵⁵Спиридонова В. И. Возвращение "доброего гения". Часть II. Социальное государство в постиндустриальном мире // <http://www.politvektor.ru/glavnaya-tema/3870/>

описанных политологами и разъяснённых Э. Берном. Актеры сами должны влиять на изменение "правил игры" для того, чтобы изменилась вся система в целом.

Возможно, в результате рождения "новых отношений" общество окрепнет настолько, что мысль Крозье о "скромном государстве" сможет быть реализована. На сегодняшний же день зависимость масс чересчур сильна. "Люди, в сущности, могут обойтись без управления не больше, чем без еды, питья и сна. Эти политические животные нуждаются в организации, то есть, в порядке и вождях"²⁵⁶, - говорил де Голль, и до сих пор его слова подтверждаются. Однако это не значит, что ситуация не может измениться. В противном случае замкнувшаяся в себе бюрократическая система, скрываясь за "фасадной демократией", будет генерировать лишь ничего не значащие идеологические клише, а люди будут по-прежнему ожидать, когда же воплотятся неизменные слова главного лозунга Франции - "Свобода, равенство, братство!"

---

²⁵⁶Голль де, Ш. На острие шпаги. - М.: Европа, 2006. - 240 с. С. 96.

Заключение.

На основании проведённой исследовательской работы в отношении поставленных задач и целей можно сделать следующие выводы:

- рассмотрев концептуальную основу политического анализа бюрократии и властных отношений, включая концепцию Мишеля Крозье, был сделан вывод о необходимости более детального исследования бессознательных аспектов "правил игры" и "архетипа управления" для более глубокого понимания политических процессов и функционирования и структуры бюрократической системы во Франции;

- на основе анализа становления и развития "правил игры" и "архетипа управления" во Франции можно делать вывод о значительном влиянии социального бессознательного французского общества на властные отношения и функционирование бюрократической системы на протяжении длительного периода, с момента зарождения отношений иерархической и параллельной видов власти до сегодняшнего дня;

- системный анализ показал, что современная бюрократия во Франции, переживая системный кризис, зависит как от мегауровня (в том числе "правил игры" и "архетипа управления"), так и от микроуровня, поскольку психологические игры, ведущиеся акторами властных отношений, напрямую влияют на состояние бюрократической системы;

- основная рабочая гипотеза исследования получила подтверждение, поскольку тщательный анализ "архетипа управления" и бессознательного аспекта, отвечающего за психологические игры в сфере властных отношений и политических процессов, необходим для преодоления системного кризиса бюрократии, поскольку без учёта указанных факторов анализ взаимодействия иерархических уровней системы не может считаться полным, учитывая же, что взаимодействие всех уровней необходимо для стабильного и гармоничного функционирования системы, элиминирование указанных факторов не представляется конструктивным.

- углубленный анализ указанных структур, генерируемых социальным бессознательным, может стать основой конструктивного решения преодоления кризиса не только французской, но также и российской бюрократической системы, функционирование которой в ряде аспектов также зависит от собственного, уникального "архетипа управления", структуру и значение которого ещё предстоит исследовать.

Список литературы.

1. Азаров Н.И. Психология личности и масс //Социально-политический журнал. – 1997. – № 2. – С. 116-125.
2. Алексеева Т. А. Современные политические теории. - М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2000. - 479 с.
3. Алексеева Т.А. Власти необходимо открыться обществу, а обществу - власти / Т.А. Алексеева // Русский журнал. - 18 марта 2009. - URL: <http://www.russ.ru/pole/Vlasti-neobhodimo-otkryt-sya-obschestvu-a-obschestvu-vlasti>
4. Алексеева Т.А. Справедливость - сквозная идея всей истории человеческого общества : [отрывок из доклада] / Т.А. Алексеева // МГИМО-Университет на Мировом политическом форуме в Ярославле. - 2011. - URL: www.mgimo.ru/gpf-yaroslavl/210294.phtml
5. Алексеенкова Е. С., Сергеев В. М. Тёмный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности) // Полис, 2008. - № 3. - С. 148-165.
6. Антология мировой политической мысли. Т. II. М., 1997. С. 502-503.
7. Анурин В. Ф., Садулина А. М. Бюрократия: взгляды "извне" и "изнутри" // Социологические исследования, 2010. № 2. С. 29-38.
8. Анциферова Т.Н. Массовое бессознательное как фактор социальных изменений // Теория и практика общественного развития, 2009. № 3-4.
9. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. СПб.: Университетская книга; М.: АСТ, 1998. - 397 с.
10. Борисенок Т. В. Образ чиновничества в России и во Франции во второй половине XIX века. М., 2001. - 228 с.
11. Бранский В.П. Искусство и философия. - Калининград:Янтарный сказ, 1999. - 704 с.

- 12.БродельФ. Что такое Франция? Книга вторая. Люди и вещи. - М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995. - 244 с.
- 13.Брудер В. Бюрократия // Полис, 1999. № 5. С. 41-48.
- 14.Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 232 с.
- 15.Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS, 1993, вып. 2. С. 137-150.
- 16.Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. - 808 с.
- 17.Вебер М. Типы господства и их отношение к экономике // Социологический журнал, 1988. № 5. С. 139-147.
- 18.Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. Кн. 2. - М.: Наука, 1977 - 191 с.
- 19.Ворожцов Е. В. Молодёжные волнения во Франции: проблемы иммиграции и образования // Вопросы образования. - 2006. - № 2. - С. 23-29.
- 20.Гегель Г.В. Философия права. - М.: Новый свет, 1990. - 260 с.
- 21.Гнатюк О.Л. Из истории американской коммуникологии и коммуникативистики: Гарольд Лассуэлл (1902-1978) // Сборник научных трудов "Актуальные проблемы теории коммуникации" СПб. - Изд-во СПбГПУ, 2004. - 362 с.
- 22.Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 455-679.
- 23.Голль де, Ш. На острие шпаги. - М.: Европа, 2006. - 240 с.
- 24.Гудков А., Левада Ю., Лаверсон Ф., Седов Л. Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений // Государство и право. – 2004. - № 1. С. 42-52.
- 25.Дементьева В.В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия "imperiū" // Вестник древней истории, 2005, № 4. С. 46-75.

26. Демьянова Е. М., Каменский А. А. Повальная коррупция во Франции. Мэрская история / Коммерсантъ, №74 (792), 22.04.1995.
27. Долгополова С. Фаворитка // Политический журнал. - URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=5709&issue=161>
28. Ивановский В. В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль, 1903. № 8. С. 1-21.
29. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. - М.: Новое издательство, 2011. - 464 с.
30. Крапивенский С. Э. Социальная философия. - Волгоград: Комитет по печати, 1996. - 352 с.
31. Кревелд Мартин ван. Расцвет и упадок государства. - М.: ИРИСЭН, 2006. - 544 с.
32. Крозье М. Новые размышления об образовании // Перспективы: сравнительные исследования в области образования. 1999. № 4.
33. Лапин Н. И. Эмпирическая социология в Западной Европе: Учебное пособие. - М.: ГУ ВШЭ, 2004. - 383 с.
34. Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. - М.: Ладомир, 2001. - 800 с.
35. Ле Гофф, Ж. Рождение Европы. - СПб.: Александрия, 2007. - 398 с.
36. Лебедева М. М. Необходим диалог / М. М. Лебедева // MGIMO.ru/ - 2011/ - 13 декабря. - URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document214097.phtml>
37. Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю. "Переходный возраст" современного мира // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия в четырёх томах. Т. 1: Исследования. - М.: "Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН)", 2002. - С. 66-75.
38. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. - 384 с.

39. Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / Ленин В. И. Полное собрание сочинений. - 5-е изд. - Т. 33. - М.: Издательство политической литературы, 1974. - С. 1-120.
40. Макаренко В.П. Теория бюрократии М.Вебера и буржуазные концепции организации и управления // Вопросы философии. – 2005. - № 6.
41. Малиновский Б. Научная теория культуры. — М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2005. — 184 с.
42. Маркарян Э. С. Вопросы системного исследования общества. - М.: Знание, 1972. - 300 с.
43. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8.
44. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
45. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. - 2-е издание - Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. - 615с.
46. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
47. Мельвиль А. Ю. "Воронка причинности" и волны демократии / А. Ю. Мельвиль, В. М. Сергеев // Россия. Политические вызовы XXI века. Второй всероссийский конгресс политологов. 21-23 апреля 2000 г. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. - С. 223-225.
48. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура - М.: АСТ, Хранитель, 2006. - 880 с.
49. Мизес, Людвиг фон. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность.— М.: Дело, Catallaxy, 1993. — 240 с.
50. Мильнер Б. В. Теория организации. – М.: ИНФРА-М., 1998. - 480 с.

- 51.МоргентауГ. Международная политика //Антология мировой политической мысли: В 5 т. / Под ред. СемигинаГ. Ю. - М.: Мысль, 1997. С. 502-503.
- 52.Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1999. – 247 с.
- 53.Немировский В.Г.Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования, 2006. №2. С. 13-19.
- 54.Нестик Т. А. Бюрократия в зарубежных исследованиях // Общественные науки и современность. 1999 № 2. С. 52-59.
- 55.Новгородцев П.И. Государство и право. // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. 75.
- 56.Новгородцев П.И. Нравственный идеал в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902.
- 57.Новоселов В. Дуэльный кодекс: теория и практика дуэли во Франции XVI века // Одиссей. Человек в истории. М., 2001. С. 216-233.
- 58.Нугеред, Н. Внешняя политика Франции: Франсуа Олланд уточняет маршрут. - URL: www.rodon.org/polit-120917103202
- 59.Оболонский А.В. Бюрократия и бюрократизм // Государство и право, 2004. № 12.
- 60.Орехов А.М. Бюрократия: от традиционного общества к информационному // Социально-политический журнал. 2003. - № 6.
- 61.Осипова Е. В. Бюрократия: "идеальный тип" и реальность // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. - М.: ИФРАН, 2008. - 195 с.
- 62.Парсонс Т. О понятии "политическая власть" // Политология: хрестоматия. - М.: Гардарики, 2000. - 843 с.
- 63.ПарсонсТ.Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94-122.

64. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. - СПб.: Александрия, 2012. - 448 с.
65. Пастухов Р. Обзор прессы: массовое вымирание и "синдром хронической скуки. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=486358>
66. Покровский Н. Е. Одиннадцать заповедей функционализма Роберта Мертона // Социологические исследования, 1992. № 2. С. 114-117.
67. Политология: хрестоматия. - М.: Гардарики, 2000. - 843 с.
68. Пушкарёва Г. В. Государственная бюрократия как объект исследования // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 77-86.
69. Рубинский Ю. И. Франция: коррупция и борьба с ней // Современная Европа, №2, 2010 г. С. 76-88.
70. Рудин У. Основы математического анализа. - М.: Мир, 1976. — 320 с.
71. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. - М.: Наука, 1974. - 280 с.
72. Семёнова И. В., Булгакова О. С. Влияние школы человеческих отношений на совершенствование теории управления персоналом // Современные наукоёмкие технологии. - 2012. - № 9 - С. 76-76.
73. Сергеев В. М., Кузьмин А. С., Нечаев В. Д., Алексеенкова Е. С. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // ПОЛИС (Политические исследования). - № 2. 2007 г. - С. 8-17.
74. Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. - СПб.: Питер, 2005. - 267 с.
75. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. - СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. - 461 с.
76. Спесивцева С.Н. Лозунги и плакаты как отражение революционной ситуации 1968 года во Франции // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре Государственного технического университета. Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, 2010 № 4, том 2.

77. Спиридонова В. И. Возвращение "доброе гения". Часть II. Социальное государство в постиндустриальном мире // <http://www.politvektor.ru/glavnaya-tema/3870/>
78. Спиридонова В.И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). - М.: ИФ РАН, 1997. - 202 с.
79. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1994. - 168 с.
80. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение - феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования, 1998. № 1.
81. Тьерри О. Городские коммуны во Франции в Средние века. - М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2011. - 248 с.
82. Фараль Э. Повседневная жизнь в эпоху Людовика Святого. - СПб.: Евразия, 2009. - 432 с.
83. Фливерберг Б. Хабермас и Фуко — теоретики гражданского общества // Социологические исследования, 2000. № 2. — С. 127—136.
84. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. - М.: АСТ, 2007. - 608 с.
85. Фрейд З. Тотем и табу. - СПб.: Азбука-классика, 2005. - 256 с.
86. Фромм Э. Из плена иллюзий (Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом). - М., 1991. - 148 с.
87. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. - М.: Эксмо, 2006. - 960 с.
88. Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община древнего мира. - СПб.: Научно-популярная библиотека, 1906. - 459 с.
89. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. А. Скляднева. — М.: Наука, 2001. — 417 с.

90. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. - М.: Прогресс - Традиция, 1997. - 416 с.
91. Худокормов А. Г. Экономические корни бюрократизма. - М.: Просвет, 2001.
92. Шешукова Г. В. Роль и место системы образования в политической социализации населения современной России // Кредо. - 1998. - № 10. - С. 31-38.
93. Шило И. Н. Конфликт как предмет социологии организаций // Социологические исследования, 2000. № 10. С. 27-30.
94. Шматко Н.А. "Габитус" в структуре социологической теории. Журнал социологии и социальной антропологии. Том 1, № 2, 1998. С. 60-70.
95. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. - 326 с.
96. Эксле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. - М.: Новое литературное обозрение, 2007. - 360 с.
97. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. - М.: Ладомир, 1999. - 488 с.
98. Юнг К. Г. Нераскрытая самость (настоящее и будущее) / Юнг К. Г. Избранное. - Мн.: Попурри, 1998. - 448 с.
99. Юнг К. Г. AION. - М.: Рефл-бук, 1997.
100. Юнг К. Г. Борьба с тенью / Юнг К. Г. Избранное. - Мн.: Попурри, 1998. - 448 с.
101. Яковлева Е. Трудный перевод. Что увидел славист Рене Герра в пламени Парижа // Российская газета. RG.RU. - URL: <http://www.rg.ru/2005/11/16/gerra.html>
102. Bachrach P., Baratz M. S. Power and Politics: Theory and Practice. New York, London, Toronto: Oxford University Press, 1970.
103. Blau, P. M. Crosscutting Social Circles: Testing a Macrostructural Theory of Intergroup Relations, with Joseph E. Schwartz, 1984.

104. Bloch, Marc. Les rois, thaumaturges. Etudes sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Paris, A. Colin, 1961.
105. Bloch, Marc. Histoire et Historiens, ed. d'Etienne Bloch Paris, Armand Colin, 1995.
106. Bloch, Marc. Feudal Society: Vol 2: Social Classes and Political Organisation. London, Taylor & Francis, 2005.
107. Bourdieu, Pierre. Language and Symbolic Power. Harvard University Press, 1991.
108. Caillé A. La sociologie de l'intérêt est-elle intéressante? // Sociologie du Travail, N° 4. Paris., 1981.
109. Coser, Lewis. The Functions of Social Conflict. Glencoe, IL: Free Press, 1956.
110. Crozier M. État moderne, État modeste. Stratégies pour un autre changement, Paris, Fayard, 1986.
111. Crozier M. La société bloquée. Paris, Le Seuil, 1971.
112. Crozier M. Le Phénomène bureaucratique. Paris, Editions du Seuil, 1963.
113. Crozier M. Les modes de gouvernements ne sont plus adaptés au monde trop complexe // Le Monde. P. 1978. 26 avril.
114. Crozier M. On ne change pas la société par décret // Futurable. P., 1979. N 25.
115. Crozier M. Pour une meilleure gestion du tissu collectif // Où va l'administration française. P., 1974.
116. Crozier, M., Friedberg, E., L'Acteur et le système, Editions du Seuil, 1981.
117. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie 2: Mille plateaux. Paris. Éditions de Minuit, 1980.
118. Fayol H. General and Industrial Management. Translated by C. Storrs, Sir Isaac Pitman & Sons, London, 1949.

119. Fayol, Henri, Administration industrielleetgénérale; prévoyance, organisation, commandement, coordination, controle, Paris, H. Dunod et E. Pinat, 1916.
120. Fayol, Henri. La réforme administrative des PTT,tiré à part, Dunod, 1923.
121. Follett, M. P. The new state: group organization the solution of popular government. New York: Longrnans, Green & Co, 1920.
122. Fossier, R. Enfance de l'Europe. Aspects économiquesetsociaux. Tt. 1 - 2 / R. Fossier. P., 1982.
123. From Max Weber / Ed. by H. Gerth, C. R. Mills. London, 1948. P. 214.
124. Fromm, E. The anatomy of human destructiveness. Greenwich, Conn.: Fawcett Publications, 1975.
125. Fromm, Erich. Escape from Freedom. New York: Rinehart & Co., 1941.
126. Gouldner A.W. Patterns of Industrial Bureaucracy: A Case Study of Modern Factory Administration. The Free Press, 1954.
127. Hibou, Beatrice. La bureacratiation de monde a lereneoliberalere. Editions la decouverte, Paris, 2012.
128. Hummel R. H. The Bureaucratic Experience. New York, St. Martin's Press, 1987.
129. Lasswell, H. D., Kaplan A. Power and Society: A Framework for Political Inquiry. Yale Law School studies, v.2. Yale University Press, 1950.
130. Le Goff, Jacques. Medieval Civilization. Oxford: Blackwell, 1988.
131. Lefort Cl. Élémentsd'une critique de la bureaucratie. Paris, Droz, 1971.
132. Lovejoy, Arthur Oncken.The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea. Cambridge: Harvard University Press, 1936.
133. Maslow, A. H. A theory of human motivation. Psychological Review, vol. 50, 1943. P. 370 –396.
134. Maslow, A. H. Motivation and personality. New York: Harper, 1954.

135. Mayo, E. *The Human Problems of an Industrial Civilization*. New York, Routledge, 2003.
136. Merton R K. *Social theory and social structure*. New York: Free Press, 1949.
137. Meynaud J. *Technocracy*. New York: Free Press., 1969.
138. Mill J.S. *Considerations on Representative Government*. Pennsylvania State University, 2004. URL: <http://www2.hn.psu.edu/faculty/jmanis/jsmill/considerations.pdf>
139. Monnier F., Thuillier, G. *Historie de la bureaucratie: verites et fictions*. Ed. Economica, 2010.
140. Montesquieu: *Spirit of the Laws*. Eds. Anne M. Cohler, Basia Carolyn Miller, and Harold Samuel Stone. *Cambridge Texts in the History of Political Thought*. Cambridge: Cambridge UP, 1989.
141. Münsterberg, Margarete Anna Adelheid. *Hugo Münsterberg: his life and work*. New York: Appleton, 1922.
142. Parker, Etan. *Au boulot Zoe! Ou le quotidien d'un fonctionnaire engage*. Guilinoediteur, Lextenso editions, 2012.
143. Rose M. *Servants of Post-industrial Power*. London, Macmillan, 1979.
144. Selznick, Philip. *The Moral Commonwealth: Social Theory and the Promise of Community*. Berkeley: University of California Press, 1992.
145. Selznick, Philip. *TVA and the Grass Roots: a Study in the Sociology of Formal Organization*. Berkeley: University of California Press, 1949.
146. Simon, H. A. *Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization*. New York: The Free Press, 1997.
147. Singhi N. K. *Bureaucracy: Positions and Person*. New Delhi, 1974.
148. Stanger, Ted. *Sacresfonctionnaires! Un Americain face a notrebureacratie*. Gallimard. Editions Michalon, 2006.
149. Touraine A. *Pourrons-nous vivre ensemble? Egaux et differents*. Paris: Fayard, 1997.

150. Weber M. Basic concepts in Sociology. New York: The Citadel Press, 1962.
151. Weber M. Economy and Society. University of California Press, 1978.
152. Weber M. The Theory of social and economic organization. New York, Free Press, 1964.
153. ZoéShepard. Absolument dé-bor-dée! Ou le paradoxe du fonctionnaire. Editions Albin Michel, 2010.